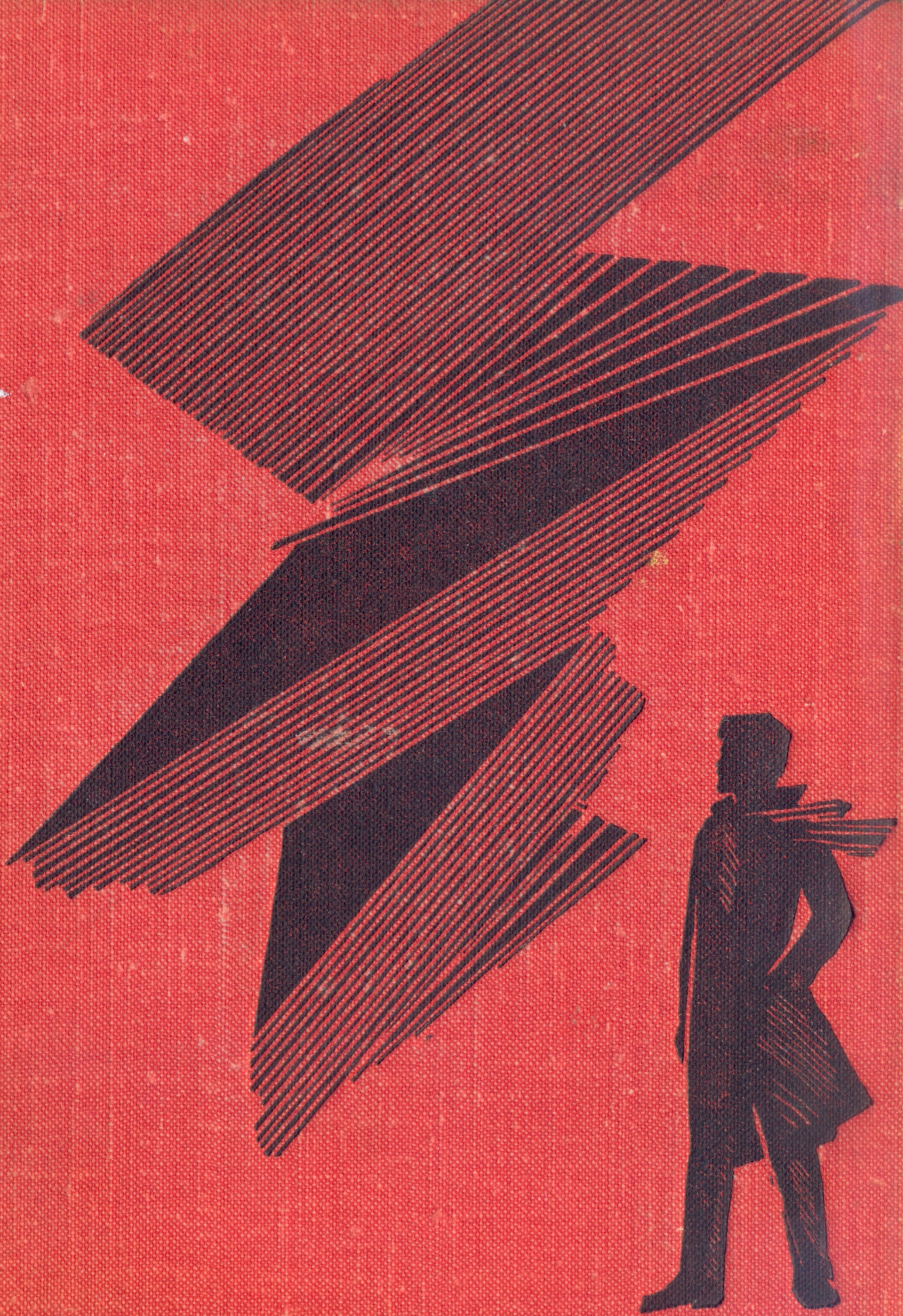


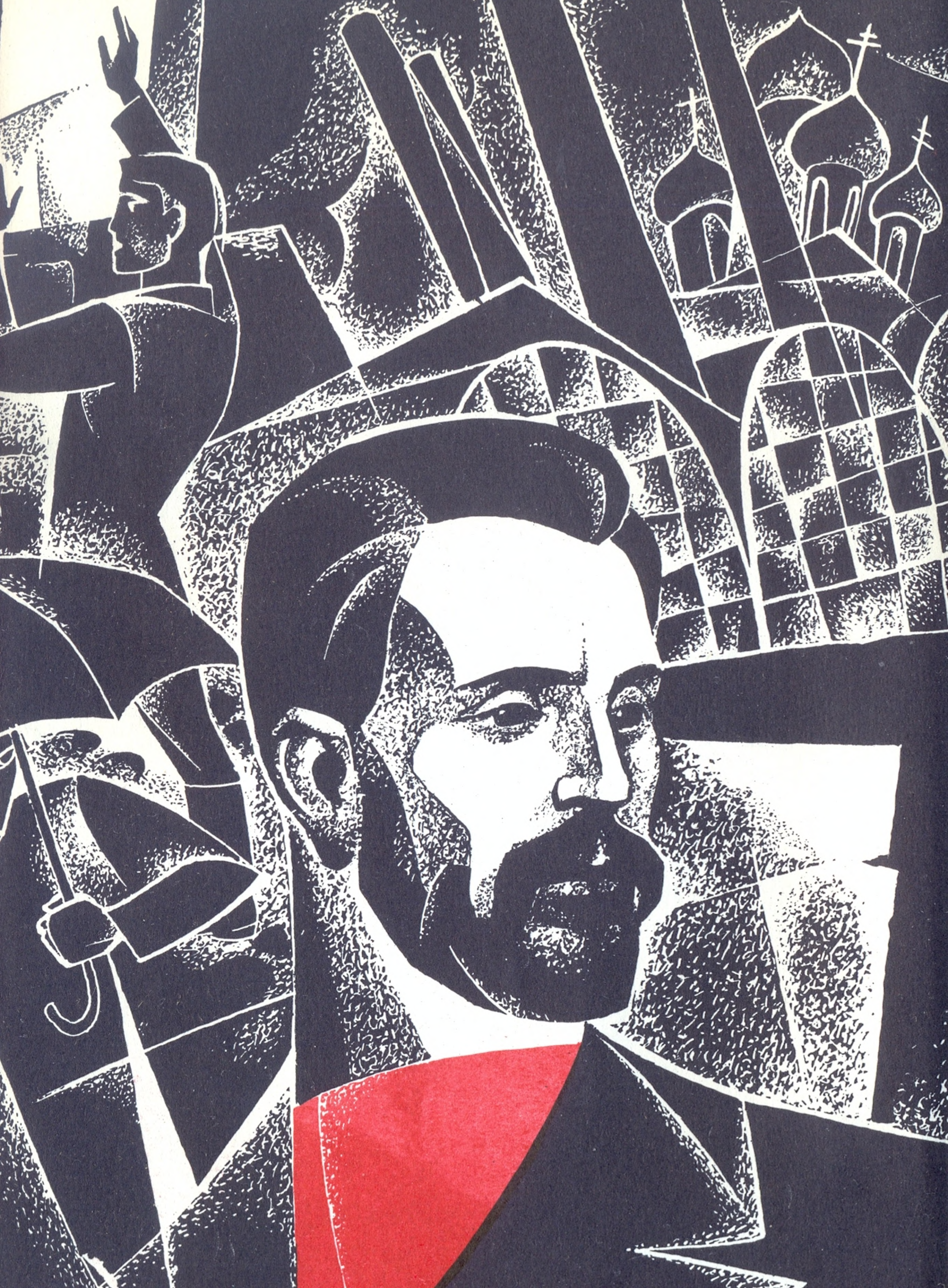
Любовь к электричеству
БДХ

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ





**Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1974**



СЕРИЯ • ПЛАМЕННЫЕ



РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ •

*Василий
Аксенов*

ЛЮБОВЬ К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

ПОВЕСТЬ
О ЛЕОНИДЕ КРАСИНЕ

Издание второе

Василия Аксенова не надо представлять читателям. Его книги «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора!», «На полпути к луне» и другие широко известны.

Повесть «Любовь к электричеству» раскрывает новые грани таланта писателя, обнаруживая его умение работать с историческим материалом.

Повесть посвящена наиболее ярким страницам жизни Леонида Борисовича Красина — интеллигента-большевика, человека глубокой внутренней культуры, яркой личностной индивидуальности, огромных знаний, неразрывно связавшего свою судьбу с революцией. Автор создает сплав нелегкой человеческой судьбы со сложной, противоречивой картиной эпохи.

Книга В. Аксенова, тепло встреченная читателями, выходит вторым изданием.

Глава I

Ни в чем предосудительном не замечен

Да ведь не кричать же! Не барабанить же в чужие двери! Ну вот, ну вот, скоро уже духан... Черт его занес в Авлабар! Гюли могла бы и подождать!

Дождь не уставал. Казалось, что идешь сквозь ночь, раздвигая стеклярусные шторы. Бурные потоки с пузырями неслись вдоль узких тротуаров. Мтацминда уже слилась с черным небом. Тифлис погрузился во тьму. Сквозь ставни кое-где струился слабый керосиновый свет. Но ведь не бросаться же к этим ставням, не молотить же в них, не вопить! Да и есть ли причина для такой паники? Силуэт, мелькнувший под фонарем? Юноша в нахлобученной фуражке, толкнувший его плечом и буркнувший «rag-don»? Что они хотят со мной сделать? Нужно подойти, объясниться; я ведь и не знаю ничего, кроме... кроме ерунды вещей... Да, может быть, и юноша-то этот — случайный, совершенно случайный, равнодушный прохожий, иностранец, в конце концов?

Расскажу все, что знаю. Да, все. Жизнь дороже. Молодая жизнь дороже. Расскажу все, а потом уеду в Персию. Расскажу и попрошу помиловать. Помилуйте Христа ради!

Авессалом Арчаков не мог сдвинуться с места от страха. Он стоял, прислонившись к причудливо изогнутой чугунной решетке, на крыльце какого-то словно вымершего дома. Вернее, не он сам стоял — тело его стояло, тело Авессалома Арчакова, с которым хозяин его ну никак не мог сладить.

Впереди на углу тускло желтел спуск в спасение — в духан «Отрада». Изредка из «Отрады» поднимались качаясь няницы и, набычившись, шли через дождь, никого не боясь, — счастливицы!

Арчаков двинул-таки свое тело вперед, начал поднимать и опускать ноги. С каждой секундой «Отрада» приближалась. Арчаков уж совсем было осмелел, когда впереди скринула дверь и в полоске света появился юноша. Невысокий и ладный, как гимнаст, с тонкими усиками и сахарной улыбкой, он даже не взглянул на Арчакова, пелено разъехавшегося в луже, он возился с зонтом и что-то тихо говорил тоненькой барышне, провожавшей его. Да-да, даже не глядел на Арчакова, ему не было до него никакого дела, у него несомненно голова была занята своими амурными делишками. Эдакий франт с Головинской, может быть, и князь, завел себе романчик в Авлабаре с кунеческой дочкой или внучкой, внучкой-штучкой, курочкой-дурочкой.

Подбадривая себя этой нехитрой рифмовкой, Арчаков дотащился до «Отрады», где обычно после свидания со своей шерочкой-машерочкой со зверским таким молодечеством хлопал рюмку коньяку и таинственно подмигивал хозяину, а потом тыкал себя большим пальцем в грудь и сокрушенно тряс головой — перед вами, мол, старый греховодник.

4 Двадцатипятилетний Авессалом очень любил напустить туману, просто-таки обожал недомолвки, ухмылки, кивочки, подмигивания, многосмысленные

фразы. Очень он любил показать публике, что он не просто так себе железнодорожный копторщик, что за его плечами тайна, скрытый смысл, грех или опасное дело.

Хозяин, знавший Арчакова, выбежал из-за стойки.

— Что с вами, господин? На вас лица нет.

— Шалва-батано, пошли мальчишку за извозчиком, — синими губами пробормотал Арчаков, — а мне, Шалва-батано, дай коньяку...

Он упал на стул и закрыл лицо руками. В этом был некоторый театральный эффект. Сквозь пальцы он осмотрел зал и огорчился. Никто, кроме хозяина, оказывается, и не обратил внимания на его столь драматический приход.

В углу за большим столом пиновала компания — человек десять. Только и слышно было «за мудрого», «за высокочтимого», «за нашего дорогого гостя»...

Заглянула в дверь лукавая худая физиономия кинто. С усов его еще текла вода.

— Привет честной компании! — крикнул кинто и подмигнул сразу двумя глазами. — Есть хороший товар!

Хозяин шуганул бродягу оскорбленным за честь заведения басом.

Все это Авессалом слышал как бы из-под воды, все как бы плыло перед ним.

— Послал мальчика за фэтоном, господин, — сказал хозяин, наливая ему коньяку.

Арчаков не успел и отхлебнуть живительного напитка, как в духах спустился и сбросил на стул крылатку... некий юноша... да-да, это тот самый... ужасный... Он не терял его из виду весь этот день, а может быть, и всю неделю... может, все время с того

проклятого утра, когда разошлись швы на ящике и Арчаков увидел...

Юноша сел напротив Арчакова и спросил бутылку вина.

Он поднял стакан и приветливо кивнул совершенно уже липкому, как мышь, Авессалому.

— Каргат вихот! Будем здоровы!

Вошли еще двое в студенческих фуражках и сели справа от Арчакова. Они улыбались ему. Компания, пировавшая в углу, тоже обернулась к нему, улыбаясь, мягкая.

— Гагимарджос! За здравие!

Хозяин перетирал посуду и прямо весь лучился. Какие у него собрались приятные господа!

Авессалом хотел было встать — ноги не слушались.

— Шалва-батано... — еле слышно позвал он хозяйина, не в силах шевельнуть окоченевшими членами.

Вдруг движения вернулись к нему, но в каком-то непристойном суетливом, трепещущем виде. Достав из жилетного карманчика серебряный рубль, он протянул его хозяину. Рубль прыгал в дымном воздухе «Отрады».

Тот самый, тот ужасный медленно встал и подошел к Арчакову. Опершись на стул кулаками, он приблизил к Арчакову свое лицо, чуть тронутое оспой. Зрачки его были похожи на затуманенные от холода темное стекло.

— Хочешь — убью? — тихо, но вполне, вполне отчетливо спросил он.

— Нет! — с исключительной искренностью ответил Арчаков.

— Иди за мной!

В сводчатой темной комнате, в которой, казалось, навеки устоялся запах вина и нечистот, к Арчакову

приблизились три пары глаз и еще один пустой зрачок — бельгийского пистолета.

— Ну, теперь рассказывай!

— Дай ему коньяку, Ваню! Еще помрет!

— Пей и рассказывай!

Арчаков жадно выхлестал полстакана — дрожь унялась...

— Кто вы? — тихо вымолвил он.

Юноши молча усмехнулись. Пустой зрачок приблизился.

— Кто вы? — умоляюще сложил руки Авессалом.

— Он хочет знать, кто мы, — сказал тот, кого называли Ваню. — Он хочет знать, кого предавать — охранку или революционеров.

— Мы социал-демократы... и он это прекрасно знает, — сказал тот, что держал в левой руке револьвер.

Авессалом вздрогнул, уронил голову в ладони и быстро заговорил.

Он начал рассказывать о своем кружке, о том, что участвовал в собраниях...

Раздался смех.

— Ну да, какие уж это были собрания, так, пикники, куда уж нам до вас, господа социал-демократы... до вас, товарищи...

— Собака тебе товарищ!

— Pardou! И вот недавно я, Авессалом Арчаков, оформлял груз в шестом пакгаузе, и при этом присутствовали... гм... хм...

— Старшина артели грузчиков Гулиава и городской Потапов?

— Да, господа, вы совершенно правы, именно эти лица. В пакгаузе было много грузов разных фирм, и среди них несколько ящиков фирмы «Перетти и

Мирзоянц» — из Баку через Москву в Либаву. Да, господа, при передвижке совершенно случайно у одного ящика разошлись швы и выпала пачка... хм... литературы, листовки, листовки, господа, проклама-ции!

Арчаков сразу понял, что это такое, потому что все-таки на пикничках иной раз и зачитывалось нечто подобное. Быстро сунув пачку обратно, он накричал на грузчиков, велел поаккуратнее зашить ящик, обернулся и увидел, что старшина грузчиков и городской смотрят на него как-то странно. Да, он похолодел, да, похолодел, господа... Нервы никуда не годятся, напрочь расшатаны революционной деятель-ностью.

Неужели Гулиава и Потапов догадались, что за груз в ящиках фирмы «Перетти и Мирзоянц»? Но почему они молчат? Ждут его действий — ведь он здесь главный. А может быть, они ничего и не поняли, а просто смотрят на него с привычной своей воловьей тупостью?

Всю ночь Арчаков думал об этих взглядах, всю ночь прислушивался — может, уже идут за ним?

Под утро возникли какие-то непонятные зловецкие звуки. Они приближались. Он бросился к окну и уви-дел конницу. Медленно по их улице в сторону Кутаиса шел драгунский полк. Он долго смотре-л на это движение, на покачивающихся в седлах драгун, на темляки сабель, на карабины, на лица — одно к одному, усатые, без тени сомнений, без тени чувств, на мощные матово светящиеся крупы лоша-дей. Им не было конца, этим драгунам... Потом по-шли артиллерийские упряжки, пушки, зарядные ящи-ки... Куда двигались эти войска?

Арчакова охватил ужас, когда он представил себе всю мощь, малая толика которой прошла сейчас под

его окнами, и всю империю от Царства Польского до японских морей, всех драгун и казаков этой империи, все пушки и новое адское оружие — пулемет, всех жандармов и околоточных надзирателей... А броненосные эскадры, закрывающие своим дымом полнеба? И все это движется непостижимыми для малых сих путями, все движется целенаправленно по мановению руки венценосца... Что рядом с этим жалкие бумажки, взывающие к справедливости? Что такое демократия, конституция, парламент? Что такое он, Авессалом Арчаков? Как эфемерна его...

— Ну, довольно,— оборвал его юноша по имени Ваню.— Короче говоря, утром ты был уже в охране. Кто тебя допрашивал?

— Его высокоблагородие полковник Шаринкин. Трое многозначительно переглянулись.

— Они держали меня двое суток,— забормотал Арчаков.— За ночь ящики с прокламациями куда-то исчезли. Арестованы были и Гулнава, и Потапов, и еще ряд лиц со станции. Оказалось, что фирмы «Перетти и Мирзоянц» не существует ни в Тифлисе, ни в Баку, а ящики были отправлены из Баку, господа... Там, возможно, тоже кого-то взяли...

— Федералистов всех выдал? — спросил «пистолет».

— Всех, кого знал... Но их не тронули, господа... На третий день и меня пустили.

— Подписку давал?

— Да.

— Какое получил задание?

— Господа! Можете мне не верить...

— Слушай, Арчаков, ты должен понять, что теперь вся твоя жизнь взята на мушку. Броненосные эскадры венценосца и даже его высокоблагородие не спасут тебя от этой штучки... Говори!

— Мне поручили усилить свою революционную деятельность, нащупать связь с вами, господа, с другими кружками... Сообщать полиции все, что я услышу о Нине...

— О какой Нине?

— Не знаю... Они сказали: «Как услышишь что-нибудь о Нине, сразу беги сюда». Кроме того, их интересует человек по имени Никитич...

— Ну, иди, Арчаков, гуляй пока. Но мы о тебе помним, знай.

...«Теперь уже совершенно необходимо уехать в Персию», — подумал Арчаков, и тут же от стены навстречу ему отошел мокрый мужичонка с рысьими глазами. Охранка!

На исходе 1903 года Тифлис заливали бесконечные дожди...

ПОЛИЦИЯ

Департамент полиции. 1891 г.

*О сыне надворного советника Леониде
Борисове Красине:*

...Листок негласного надзора составлен 3 мая 1891 после исключения Л. Б. Красина из С.-Петербургского Технологического института за участие в беспорядках во время похорон Шелгунова.

Отец Борис Иванов — окружной исправник в Тюмени.

Мать — Антонина Григорьевна,

брат — Герман 20 л., б. студент СП Технологического института, исключен 19.4.91, выбыл в Варшаву.

братья Александр 15 лет, Борис 7 лет, сестра Софья — 13 лет — при родителях...

Господин товарищ Министра признал нужным воспрепятствовать Леониду Борису Красину

жительство в столицах и городе Казани в течение трех лет.

*Из письма с подписью «Леонид Красин»
из Н. Новгорода Ефимову А. И. в С.-Петербургу:*

...Может быть, виды «государственной безопасности» и побудят кого следует воспрепятствовать мне докончить образование (образованный техник почему-то признается более вредным, чем недоучка), но я все же буду пробовать пристроиться к этой сфере деятельности.

Вообще радужных надежд на возвращение не питаю, потому что Делянов... с истинно министерскою беззащитностью аттестует «подлецами, мерзавцами, мошенниками» всех выгнанных за шелгуновские похороны... оказывается, что Шелгунов-то «с Чернышевским был знаком!» Вот ведь каким заядлым преступником оказывается похороненный нами старик!!...

Из письма Военного Министра. 3 июля 1892:

Леонид Красин, состоящий с октября 1891 года вольноопределяющимся в войсках, расположенных в Нижнем Новгороде, арестован и передан в Московское губернское жандармское управление для привлечения к дознанию.

...Военному Министерству не было известно ни об исключении этого молодого человека из СП Технологического института, ни о высылке его из столицы...

Справка 3-го Делопроизводства:

...В 1892 году Л. Б. Красин был привлечен к дознанию по делу о Московском тайном кружке... При обыске у него нашли письмо, писанное к

родным и неотправленное, где автор дерзко порицает действия Правительства и изъявляет решимость примкнуть к протестующей молодежи...

В Департамент полиции от и. д. воронежского губернатора. 16 декабря 1894:

...привлеченный в качестве обвиняемого в государственном преступлении и отданный под особый надзор полиции дворянин Леонид Борисов Красин не принял присягу на верноподданность его Величеству Государю-Императору...

...От Департамента полиции объявляется сыну надворного советника запасному унтер-офицеру Л. Б. Красину, что на основании Высочайшего повеления... он, Красин, подлежит по исключении из числа чинов запаса армии одиночному тюремному заключению на три месяца с подчинением затем в одном из северо-восточных уездов Вологодской губернии надзору полиции на три года...

...Заключен в Воронежскую тюрьму сроком на три месяца по предложению Господина Товарища Министра Внутренних дел.

Из прошения Его Высокопревосходительству Господину Министру Внутренних дел сына надворного советника Леонида Красина от января 1895:

...продолжительное одиночное заключение в Московском тюремном замке крайне неблагоприятно повлияло на мое здоровье, послужило источником упорной грудной болезни... делающей для меня настоятельно необходимым пребывание в местах, где всегда можно было бы пользоваться советами врачей и где климатические условия были бы по возможности благоприятны или по крайней мере привычны для моего организма; ни того, ни

другого нельзя ожидать в глухих местностях северо-восточной части Вологодской губернии...

...Почтительнейше ходатайствуя перед Вашим Высокопревосходительством о разрешении мне отбыть срок наказания в месте постоянного жительства моих родителей, я имею в виду не только удовлетворение своей собственной сыновней потребности, но и возможное облегчение того нравственного бремени, которым лежит на моих родителях постигая меня участь.

Прискорбное стечение обстоятельств... прервало и мое техническое образование в Технологическом институте, в котором мною успешно пройдены первые 3 курса; эта подготовка, при склонности моей к технической деятельности, позволила мне пользоваться по оставлении Петербурга всяким представлявшимся случаем для работы в этой области. Так, я участвовал: 1. в работах по устройству нефтяного отопления на фабриках села Кохмы и городов Шун и Иваново-Вознесенска.; 2. в работах по нивелировке, составлению смет... в бытность свою кондуктором инженерных войск в г. Нижнем Новгороде; 3. в возведении хозяйственных построек в новом лагере 12-го пехотного Великолуцкого полка в г. Туле; 4. в проведении линии конно-железной дороги в том же городе; 5. в работах в селе Колач... в качестве техника на Бутурлиновской ветви строящейся Балашово-Харьковской жел. дороги.

...Питая надежду, что Вашему Высокопревосходительству угодно будет принять вышеизложенные обстоятельства во внимание, я решаюсь почтительнейше просить о зачете мне в наказание времени, проведенного в предварительном тюремном заключении, о возможном применении ко мне

милости Высочайшего Манифеста и о замене назначенных мне для житья северо-восточных уездов Вологодской губернии городом Иркутском... который как одно из средоточий работ по постройке великого Сибирского железнодорожного пути позволит рассчитывать на возможность практики и заработка по технической части...

...На запрос Министерства внутренних дел от 24.3.95, не встречает ли Иркутский Генерал-губернатор препятствий к высылке Красина в Иркутск, Генерал-губернатор Горемыкин отвечал: «Не встречаю».

*Из письма воронежского губернатора
в Департамент полиции (апрель 95):*

...сын надворного советника Л. Б. Красин 23 февраля сего года приведен к присяге на верность подданства...

Он вошел в буфет первого класса и небрежно протянул швейцару свою богатую меховую шапку, подаренную вчера старым другом Робертом Классоном. Менее уверенно он освободился от выдавшего виды коврового портплекда, приобретенного еще в пору студенческого питерского житья и служившего ему по назначению, а также в качестве подушки, кресла, а иногда и единственного друга по всем тюрьмам и этапам. Он дерзновенно улыбнулся в глаза швейцару, но тот с изумлением уставился на его сапоги, и только вошедший купчина отвлек его от этого зрелища.

Что ж такого особенного в его сапогах? Нормальные, почти целые сапоги. Бесформенные? Пусть бесформенные, но зато начищены-то как! Какой неотразимый блеск! А как разит ваксой! Сразу на всю залу!

Вон барышня в углу морщит носик, даже не понимая, откуда проник этот мощный запах.

Бодро прошествовал мимо барышни и занял столик у окна, выходящего прямо на перрон.

— Графинчик, закуски, кофею и «Биржевые ведомости», — распорядился он и замер, напрягся, стиснул зубы, чтобы скрыть восторг, когда на стол легла месячная «Биржовка» на лакированной палке.

Да-да, вот так запросто спросить газету, читать газету без разрешения его высокоблагородия полковника Иванова, подцеплять вилочкой ломтики семги или грибок, не напрягаться при резких звуках за спиной — это не «глазок» открылся, а просто кто-то двинул стул... Вот это и есть свобода, и пахнет она лимончиком, чистой скатертью, свежим хлебом? Маленькая жалкая свободочка, оценить которую может только старый арестант.

А какой ценой ты это купил? Почтительнейше ходатайствую... прискорбное стечение обстоятельств... Приведением к присяге на верность его императорскому? Еще три месяца назад ты отказался от этой присяги, чем поверг своих тюремщиков в священный ужас. Ты был горд и одинок тогда. Мцыри... Впрочем, какой смысл биться без конца с ветряными мельницами? Все эти фразы, пусть унижительные для современного мыслящего человека, всего лишь форма. Присяга тирану? Тоже недорого стоит. Разве может она наложить на тебя какие-нибудь моральные обязательства? Сейчас ты должен перемениться, ты должен сбить их с толку. Надо накопить силы, надо выбраться из ссылки и непременно стать инженером, получить диплом. Ты должен научиться строить по-настоящему, не хуже, чем в Европе, лучше, чем в Европе, ты должен постичь электротехнику, постичь смысл электричества, ты... Да, ваше высокосостоятельное толсто-

брюшине, мне еще нет 25 лет, и я буду инженером, буду первоклассным инженером, а там посмотрим, посмотрим...

Посмотрим пока, что происходит в мире. Так, Япония и Китай подписали в Симоносеки мирный договор, тогда как Италия героически сражается с Эфиопией, а Франция милосердно установила протекторат над Мадагаскаром. Вот еще любопытное сообщение. Французы братья Льюмьеры изобрели движущиеся фотографии. Эффект движения удивительный, парижская публика потрясена. Что-то происходит с человечеством: открытия одно удивительнее другого чуть ли не каждый месяц поражают умы. Еще в Воронежской тюрьме он прочел о проникающих икс-лучах Рентгена, об опытах флотского офицера Попова над беспроводным — подумать только! — телеграфом. Мир стоит на грани удивительных событий в науке и в общественной жизни, нужно сделать еще несколько шагов. Сколько лет понадобится на эти шаги? Хватит ли его жизни? Сможет ли он стать участником событий?

Он посмотрел в окно на перрон. Там пробежали вековые российские бабки с мешками, лепил мокрый мартовский снег, валил дым из высоких паровозных труб, в толпе под сонным оком железнодорожного жандарма шли мелкие торговые операции. Зазвонил колокол и, словно от этого звона, через полуоткрытую форточку в буфет залетел ветер, пахнуло мокрым снегом, бесконечным простором страны, и вчерашний арестант мгновенно взбодрился. Перед ним была ссылка, Сибирь, путешествие за золотым руном, за свободой. Сибири он ни капельки не боялся, а, напротив, знал ее и любил. Впрочем, не было сейчас такого угла на земле, который бы испугал его.

Он бодро протопал через залу в своих прекрасных сапожках, получил богатую свою шапку и портфель и вскоре прошествовал мимо окон по перрону, провожаемый долгим взглядом печальной барышни из буфета.

— Какое одухотворенное лицо у этого юноши, — проговорила барышня. — В нем есть что-то от народного вольца.

— Вздор! — выперхнул ее кавалер через заливную поросятину.

ПОЛИЦИЯ

В Департамент полиции от 12.3.96.

Брат находящегося под гласным надзором в городе Иркутске Леонида Борисова Красина инженер-технолог Г. Красин обратился с прошением, в коем ходатайствует о разрешении его брату принять предложенное ему последнему инженером Доксом место на изысканиях Круго-Байкальской железной дороги...

*Всеподданнейший доклад Министра
Внутренних дел:*

...Признавая Красина в виду одобрительного поведения в ссылке заслуживающим смягчения участи на основании 2 п. XXIII ст. Высочайшего манифеста 14 мая сего года, всеподданнейшим долгом поставляю себе испрашивать всемилостивейшего Вашего Императорского Величества соизволения на сокращение названному лицу срока надзора полиции на один год...

Октября 1896 года

Высочайшее согласие на сокращение срока гласного надзора получено 24.10.96.

17

*От иркутского генерал-губернатора
в Департамент полиции от 18.1.1897:*

...за время проживания в г. Иркутске Красин ни в чем предосудительном не замечался и поведения вполне одобрительного.

*Из письма Л. Б. Красина брату Герману
(февраль 1898):*

...В последние дни, вероятно, чтобы разнообразить хоть несколько мое существование, полиция опять завела со мной переговоры... По словам довольно наивного и глуповатого помощника пристава, «Министр Вн. Дел интересуется знать, поступили ли вы в Технологический институт».

...Я теперь, как за каменной стеной, за занятиями и работами: моя, мол, хата с краю, анализ кончил, машину начал, — больше ничего знать не знаю...

Из сведений, полученных при наблюдении:

30.V.1900 Л. Б. Красин выбыл из Харькова в Москву, но туда не прибывал.

В июле 1901 Начальник Харьковского губернского жандармского управления уведомил, что Красин выбыл из Харькова неизвестно куда.

В апреле 1902 Начальник Бакинского губернского жандармского управления уведомил, что состоящий под негласным надзором полиции Л. Б. Красин обнаружен на Биби-Эйбатской станции об-ва «Электрическая сила» близ г. Баку, где служит заведующим ее с 1900 года...

Несмотря на непогоду, работы на Баиловом мысу, возле Баку, не прекращались. Отчаянно свистели и цытели локомотивы, ухали в трех местах чугунные бабы, со всех сторон неслись крики десятников, ру-

гань и пенье рабочих, волжское оканье, московское аканье, пронзительная татарская речь, иной раз сквозь этот хор прорывались сольные партии иноземцев, немцев, шведов, англичан — кого только не было на строительстве Биби-Эйбатской электростанции!

Красин тревожился за группу рабочих, которые работали на крошечном плоском островке саженях в ста от берега, ставили там опоры для эстакады. В обычное время к этому острову можно было дойти пешком по мелководью, что эти рабочие и делали ежедневно, но сейчас северо-восточный ветер гнал к берегу такие огромные серо-зеленые валы, что и островок сам, и рабочие окончательно скрылись из виду.

Красин пробежал, балансируя, по доске, брошенной через грязное месиво, к своей командной вышке, вскарабкался на нее, приставил к глазам бинокль. Рабочие на островке почти все собрались на небольшой кочке, размахивали руками и пытались перекричать шторм, и только трое, Мухин, Быков и Ахат, продолжали кайлить землю, не обращая внимания на свирепую стихию; работа, должно быть, их успокаивала.

Красин закричал в рупор:

— Баранов! Плоцкий! Немедленно найдите лодку! Нужно протянуть туда канат!

С острова, видимо, заметили фигуру на вышке. Наверняка они узнали Красина — «главного», а ему на стройке привыкли верить. Молодой начальник, строгий, а вроде бы и свой. Суматоха прекратилась, люди начали сооружать навес из мешковины и досок.

Вышка скрипела и качалась под порывами ветра, однако Красин не спускался. С удовольствием оглядывал он роящийся муравейник стройки, законченное уже главное здание станции, три жилых дома, водокачку, дорожки... Сколько слов он потратил, чтобы убедить бакинских денежных тузов в том, что

«электрическая система передачи энергии наилучшая!» И вот теперь работа почти закончена, и он гордился, отчаянно гордился своим, таким невероятно могучим первенцем. Успех в этом деле, а успех уже явный, бесспорный, заряжал его энергией и уверенностью в своих силах. Так или иначе, он победил, он сбил «их» с толку... А остальное — впереди.

За спиной его закричали доски. Он обернулся: инженер Майкл О'Флаэрти карабкался на вышку.

— Хау ду ю ду, мистер Красин! Элау ми, сэр...

— Давайте, Майкл, по-русски, пора бы научиться.

— Олл райт! По-русски. Ай идет от ваш команд ин три час остро афта нуи, бат, сорри, однако...

— Нет уж, давайте тогда по-английски или по-немецки, — рассмеялся Красин.

О'Флаэрти отчаянно захохотал. Сорокалетний жилистый ирландец никогда не упускал возможности из всех сил расхохотаться, но это не мешало ему быть толковым, серьезным инженером.

Они заговорили, переходя с английского на немецкий.

— Я пришел, Красин, по вашему приказанию ровно в три часа. Не «часика в три», как обычно говорят русские, а точно по вашему приказанию...

— Ну-ну, Флаэрти, вы же видите, какой шторм. Мне пришлось отложить все дела. Мы займемся с вами, когда вытащат тех людей.

Ирландец облокотился о перила. Ветер трепал его светлые с редкими сединками бакенбарды.

— Да, красиво! Я не думал, что здесь может быть такой шторм. Как в Калифорнии... Кстати, отсюда я еду в Калифорнию, подписал контракт с одной американской фирмой. Хотите, поедем вместе.

— Что, в Калифорнию? — удивился Красин. — Нет, спасибо, у меня и здесь много дел.

— Но там больше возможностей и колоссальные деньги! Я работал в пятнадцати странах, но нигде не зарабатывал столько денег, сколько в Америке. Такой инженер, как вы, может стать там миллионером.

— Почему же вы им не стали? — усмехнулся Красин.

— У меня есть порочные склонности, — вздохнул ирландец. — Я игрок.

Красин увидел в бинокль немо оружие мокрые лица, вздувшиеся жилы, слипшиеся бороды.

— В самом деле, хотите я напишу о вас в Сан-Франциско? — спросил О'Флаэрти.

— Спасибо, но у меня и дома очень много дел. Очень много, О'Флаэрти. Вы даже не представляете, сколько у меня здесь дел!

— Понимаю, вам хочется строить на родине, вы патриот, но мне кажется, что в России скоро нельзя будет строить.

Это прозвучало так неожиданно, что Красин даже на минуту забыл о лодке.

— Это почему же, сэр? Почему вам так кажется?

— Видите ли, Красин, я был, как вы знаете, месяц назад в Москве и видел там в один день две демонстрации. Одна несла портреты царя и иконы, другая — красные флаги и социалистические лозунги, каких и в Европе не увидишь. Лица одних были угрюмы, у других сверкали глаза. Это очень страшно, Красин, когда сталкиваются две противоположно заряженные массы. Поверьте старому бродяге, это страшно...

— Вон вы чего боитесь, — усмехнулся Красин и снова взялся за бинокль.

— Я слежу за вашими газетами, читать по-русски я могу гораздо лучше, чем говорить. Вчера один студент убил министра внутренних дел Сипягина. Что

это, по-вашему? Россия на пороге страшных событий. Так что, если хотите строить электростанции, едем со мной в Калифорнию.

— Лодка перевернулась! — закричал Красин и бросился вниз по лестнице.

— Куда вы, сэр? — заорал О'Флаэрти.

— Туда! Хотите со мной? Я слышал, что ирландцы смелые ребята!

— Вас не обманули! — бешено захохотал инженер и, выпятив для храбрости подбородок, последовал за Красиным.

ПОЛИЦИЯ

*Особый отдел Департамента полиции
Директору департамента полиции от инженера-технолога Л. Б. Красина прошение от 29 июля
1902:*

В июле месяце 1897 г. в г. Иркутске мне было объявлено о снятии с меня гласного надзора полиции с воспрещением, однако, выезда в гг. Москву, Петербург и Петербургскую губернию до особого разрешения.

В течение пяти лет, истекших с этого времени, я окончил курс Харьковского Технологического Института... и теперь уже третий год работаю в области техники, управляя отделом крупной электрической фирмы в г. Баку.

О снятии запрещения проживать в столицах мне до сих пор не было объявлено, из чего я должен заключить, что оно остается в силе. Между тем мне по служебному моему положению нередко представляется надобность бывать в Петербурге и Москве, так как в первом из них находится Правление акционерного общества... Москва же с ее торговыми складами и техническими представи-

тельствами всех сколько-нибудь крупных русских и заграничных фирм является для нас постоянным поставщиком различных материалов и машин.

...Поэтому я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство снять с меня упомянутое запрещение и разрешить мне въезд в обе столицы.

22 августа 1902 года Департамент полиции сообщил московскому генерал-губернатору и СПб-му градоначальнику о разрешении Л. Б. Красину проживать в столицах.

Бакинское «общество», промышленники и финансовые тузы, было приятно возбуждено гастролями Комиссаржевской. Казалось, что знаменитая актриса принесла с собой дыхание непонятной маяющей жизни беспокойного Севера, тревожный ветерок столиц. Знаменитость чествовали непрерывно, приемы и обеды следовали один за другим.

Провинциальная роскошь стола забавляла Комиссаржевскую, смешали долетавшие из-за хрусталя разговоры, в которых либеральные восклицания сменялись гастрономическими восторгами:

— Господа, сегодня в газетах — суд приговорил кишиневских печатников-эсдеков к пожизненной ссылке! Какое варварство!

— Рыбы, господа! Попробуйте рыбы!

— Дикость! Когда это наконец кончится?!

— А по-вашему, государство должно орденами заговорщиков награждать!

— Да почему орденами?! Варварски свирепый приговор! Азия неистребимая!

— А вы как считаете, Леонид Борисович?

— Конечно, чересчур суровый приговор.

— Ох, либералы, либералы, всех бы... пардон...
— Внимание, господа, гвоздь программы — индейка с орехами!

Перед Верой Федоровной на столе лежал невероятный букет, преподнесенный купечеством, букет из сторублевых кредитных билетов. Иногда актриса поднимала букет и смешно морщила нос, словно нюхая столь необычные цветы, чем вызывала вокруг умиление. Ай да мы, ай да бакинцы! Знайте, милостивая государыня, это вам не какой-нибудь Тамбов!

Лишь один человек словно бы совсем не обращал внимания на именитую гостью, а если и взглядывал иногда, то во взгляде его Вере Федоровне чудилась быстрая лукавая усмешка. Она прислушивалась к разговору на том конце стола, где сидел он.

— Значит, Леонид Борисович, вы считаете, что приговор бутловщикам слишком строг?

— Я считаю, что индейка бесподобна, сударь.

...Ночью Комиссаржевская тихо вышла на веранду и положила свой букет на балюстраду. То ли от каменных плит, то ли от близкого фонтана повеяло сыростью. В глубине сада скрипнули петли железной калитки, и по узкой аллее, испещренной теньями крупных южных листьев, быстрой легкой походкой прошел некто таинственный в ночи... Вот он взбежал по ступеням на веранду. Комиссаржевская зябко закуталась в шаль, стараясь унять волнение.

— Ваши цветы пахнут типографской краской...
Дивный подарок для Нины, — сказал он.

*Сведения, полученные при наблюдении
к декабрю 1903 г.*

...Л. Б. Красин ни в чем предосудительном не замечен. Неблагоприятных указаний на его политическую неблагонадежность не получено...

Хлопья снега летели в окно и покрывали стекло так быстро и ловко, словно занималась этим не ранняя капризная зима, а расторопный дворник.

Андреева, Горький и Морозов ужинали втроем после очередного спектакля «На дне». Савва Тимофеевич много ел, много пил и много говорил о горьковской драматургии, о перспективах МХТа и был весьма удивлен, чуть ли не испуган неожиданным вопросом Андреевой:

— Савва Тимофеевич, как у вас подвигаются электрические дела в Орехове?

— Ничего, подвигаются...— пробормотал он.— Нашими расейскими темпами.

— А я вам нашла случайно великолепную кандидатуру,— оживленно заговорила Андреева.— Талантливый молодой инженер, настоящий европеец...

— Кто же это? — хитренько сощурился Морозов.

— Леонид Красин. Он...

— Он уже дважды рекомендовал мне вами, сударыня,— усмехнулся Морозов.— Максимыч, вас не волнует этот неожиданный интерес Марии Федоровны к электричеству?

— Не волнует,— прогудел Горький.— Я сам интересуюсь электричеством.

Морозов промолчал. Он прекрасно понимал, чем занимается этот «настоящий европеец» помимо электричества и почему за него так рьяно хлопочет Андреева.

Два крупных жандармских чина — полковник Караев и прибывший третьего дня из Петербурга подполковник Ехно-Егери тихо беседовали в ложе бакинського театра.

— Прекрасный певец, не так ли, Александр Стефанович?

— На мой вкус, сладковат, Михаил Константинович.

— Э, батенька, это в вас столичная пресыщенность говорит...

— О, нет!

Полковник Караев был чуть ли не в два раза старше подполковника Ехно-Егерна, этого пшюта столичного, заюханного поличишки с моноклем, французика квелого, паркетного шаркуна, которому, видите ли, певец замечательный не нравится, солист его величества, преотличнейший широкогрудый певец.

...Мое сердце любовью трепещет,
Но не знает любовных цепей,

— спел певец и сделал рукой энергичный и как бы вдохновенно-сумасбродный жест. Певец был усат, носил прилизанный пробор и походил скорее на гвардейского офицера, чем на певца, что не было удивительно: всей музыкально грамотной публике, включая государя, было известно, что кровей певец отменных.

В антракте чины могущественного ведомства продолжали мирную и вроде бы не лишенную приятности, во всяком случае вежливую, беседу.

— Рискуя показаться неразвитой натурой, Михаил Константинович, я все же должен вам сказать, что отношусь к опере критически, — говоря это, Ехно-Егерн пустынно поблескивал моноклем, наблюдая ловкие движения капельдинера, откупоривающего бутылку. — Концерты еще куда ни шло. В них можно, закрыв глаза, представить, что на сцене юный стройный герцог, да еще и с чудным голосом. Но опера! По мне, Михаил Константинович, нынешние певцы должны петь оперы, как в концертах, но ни в коем случае не разыгрывать сцен. Порой при разыгрывании оперных сцен современными певцами случаются нелепейшие конфузы.

Вот, например, этот самый господин, наш сегодняшний кумир, в Марининском театре разыгрывал с одной итальянской душой пудов эдак семи «Похищенные из сераля»...

«Что ты тут бормочешь, что ты тут лепечешь, датчанин несчастный, — думал полковник, ласково щуря глазки, кивая носом. — Меломан, видите ли, знаток! Опера ему нехороша, концерты подавай! Чухонец проклятый!»

Молодой подполковник прибыл из Санкт-Петербурга с поручением вроде бы незначительным и не особо спешным, но все местное начальство, а Караев в первую голову, понимало, что вояж этот инспекционного свойства, что выскочке этому предписано составить мнение о закавказских слугах порядка, об их рвении, умении, гибкости.

Караев был натурой властной, самолюбивой. Перед шаркуном столичным гнутья он не собирался, однако и не выказывал провинциального чванства, беседовал ласково, отечески, каждое словечко подвешивал и осматривал как бы со стороны — подойдет ли. «Полячишка» тоже, надо отдать должное, искусно вел игру — держался скромно, почтительно перед старшим по званию и возрасту, лишь моноклем напоминающая, кто он таков.

Так вот они и беседовали третий день, прощупывая друг друга, проясняя, примериваясь. Вопрос ведь так еще стоял — кто на кого первым напишет.

— Я вам не надоел, Михаил Константинович?

— Помилуйте, Александр Стефанович, с преогромным любопытством слушаю Вас.

— Ну-с, итальянку, кряхтя, уносит со сцены в замок десяток янычар, и она из замка поет божественным голосом. Прекрасно! На этом бы и кончить, но пылкий влюбленный, распевая арию, лезет по лестни-

це, башня скрипит, качается. Влюбленный прыгает на башню, башня рушится, а за нею и весь сераль, и перед изумленной публикой предстает итальянская примадонна в распущенном корсаже...

Полковник гулко похохотал, гулко, но умеренно:

— А все же согласитесь, Александр Стефанович, верхнее «до» у нашего гастролера великолепное...

— Согласен, Михаил Константинович. Слава этого артиста вполне закономерна. Я ведь только о своем личном вкусе говорил, о своих взглядах на вокальное искусство...

— Говорят, государь всем тенорам предпочитает этого. Так ли это? — Полковник чуть прищурился от удовольствия — вроде бы малость подловил паршивца.

— Да-да, — небрежно подтвердил Ехно-Егерн и этой небрежностью весьма полковника ущемил. — Кстати, Михаил Константинович, вам известно, что певец этот родной брат государственной преступницы?

— За что же мне жалованье платит имперская канцелярия, позвольте спросить? — в тоне Караева впервые что-то раздраженно звякнуло.

Ехно-Егерн весело рассмеялся.

— Простите, ваше высокоблагородие, за этой беседой я совсем и позабыл, что мы с вами одного ведомства. Я просто лишний раз подумал, как разно порой складываются судьбы столь самых близких людей. Старшая сестра вот уж два десятка лет в Шлиссельбурге, а брат — благоухающий талант, любимец государя... Что же остановило молодого человека, что помешало ему вступить на опасный путь сестры?

— Вовремя понесенное сестрицей суровое наказание, — сказал полковник, — вот что остановило его.

28 Может, что-нибудь еще и иное, но это прежде всего...

— Помилуйте, Михаил Константинович, мы-то с вами знаем множество противоположных примеров. Ну вот вам... брат одного из казенных в 1887 году, сейчас виднейший социал-демократ, вы знаете, о ком я говорю...

— Я бы предусмотрел какую-то степень наказания для членов семей государственных преступников,— с неожиданной мрачностью сказал полковник.

— Михаил Константинович! — воскликнул искренне изумленный Ехно-Егерн.

— Ну, не наказания, но какого-то пресечения,— поправился полковник.— В столицах должны понять — наш либерализм до хорошего не доведет. Тайно организованные силы ведут разрушительную работу в государстве.

Ехно-Егерн поставил свой бокал на инкрустированный столик и внимательно посмотрел на чуть покрасневшего полковника, с лица которого сползла наконец защитная маска добродушного хозяина. Вот наконец они и набрели на серьезную тему. Именно в этом направлении поручено было подполковнику прощупать настроения в провинциях. В Петербурге лучше, чем в Баку, было известно о силах, подтачивающих империю. Что делать, как обуздать крамолу? Искоренить ли одним решительным ударом или направить в другое русло, завести в трясицу?

— Должно быть, вам известно, Михаил Константинович, что паровая машина снабжена обязательным клапаном, через который отходят излишки пара? — тихо заговорил он.— Такие клапаны предохраняют машину от взрыва...

— Понимаю, к чему вы ведете, Александр Стефанович... — начал было полковник, но молокосос мягким нажатием длинной нерусской руки остановил его.

— Я ничего не утверждаю, Михаил Константино-

вич, я пытаюсь размышлять. Не ожесточаем ли мы молодежь неумеренными порой репрессиями? Возьмите позапрошлогодную историю с манифестацией у Казанского собора. Ну, пошумели бы студенты, покричали, в конце концов, во всех цивилизованных странах вполне спокойно относятся к таким эксцессам. Англичане даже считают, что демонстрации оживляют повседневность.

Кстати, один из резидентов нашей заграничной агентуры рассказал мне интересный случай. В Лондон приехал какой-то русский революционер. Как раз в это время проходила демонстрация докеров. Наш бомбист, конечно, не выдержал и вылез с речью перед «братьями по классу». Долой, кричит, всех лордов и капиталистов, да здравствует власть рабочих!

Прямо перед ним цепочка английских полицейских, «бобби». Наш борец только раскалется — он уже английские кандалы как бы примеривает... Все ему нипочем!

Ну-с, докеры ему аплодируют, а «бобби» молчат.

— В чем дело, — спрашивает бунтарь у своего товарища, опытного эмигранта, — почему они не заковывают меня в железа, не тянут в Тауэр? — Вот если бы ты вздумал мять цветы на ближайшем лауне, — отвечает ему тот, — тогда бы тебя поволокли в кутузку. А так — сотрясай на здоровье воздух сколько твоей душе угодно...

Монокль взлетел и запрыгал под трель молодого здорового смеха. Караев еле выдавил из себя улыбку.

— В том-то и дело, голубчик, что русский мужик первым делом на лаун ваш... сами знаете что сделает, не говоря уже о наших азиатах. Ну, а что касается англичанцев, — он нарочно, от злости сказал «англичанцев», — то они в Индиях своих не особенно-то церемонятся. Давно ли бурам-то кишки выпускали?

— Много справедливого есть и в ваших словах, Михаил Константинович,— продолжал провоцировать Ехно-Егеря,— но... — он наморщил лобик, изображая напряженную работу мысли,— но, понимаете ли, в среде молодежи формируется новый тип, тип разрушителя, бомбиста, фанатика... Это как бы каратель карателей. Суд на суд, расправа на расправу... В ответ на репрессию у Казанского собора Карпович смертельно ранит министра Боголепова, а Лаговский покушается на жизнь обер-прокурора Синода. В прошлом году мы потеряли министра внутренних дел. Качура стрелял в князя Оболенского, в этом году сразу после расстрела смутьянов в Златоусте убили губернатора Богдановича... И самое ужасное, что террорист, агитатор, революционер становится среди так называемой передовой молодежи популярной, любимой, если хотите, модной фигурой. Нет, Михаил Константинович, как хотите, с молодежью у нас неблагополучно. Одной дубинкой с ней уже не сладишь, нужно искать новые пути, нужно изобрести клапан...

И при этих словах Егеря извлек стекляшку из глазной впадины и выжидательно уставился на полковника.

Караев налился кровью, тревога стеснила грудь, но прошло полминуты, и отпустило... он с облегчением подумал:

«Ловишь, да не поймаешь! Есть у меня принцип, и никуда я от него не отойду! Не спибешь, не запутаешь, норвежец малосольный!»

— Позвольте уж не соглашаться с вами,— с некоторой даже сухостью начал он.— Да вы часом не либерал ли? Никаких клапанов нам изобретать не надо, а опыт нашим ведомством накоплен немалый,— конец этой фразы прозвучал весьма чугунно, самому понравилось.— Строгостью, строгостью, четырежды строго-

стью можно лишь уберечь нашу молодежь от пагубного влияния. Да вот вам пример! — оживленно продолжал он, бокальчиком тыча в зал, куда уже возвращалась из фойе публика. — Взгляните на господина в третьей ложе бенуара. Ну да, вон тот, что подвигает сейчас кресло даме...

Ехно-Егерн увидел стройного молодого мужчину, вечерний костюм обтягивал его фигуру, как перчатка. Мужчина сел рядом с дамой, что-то сказал ей, улыбнулся, тронул маленькую бородку. Дама взглянула на него и тотчас опустила глаза, как бы пытаясь скрыть смущение и нежность.

— Инженер Леонид Красин, заведующий Биби-Эйбатской станцией общества «Электрическая сила», — шепотом пояснял Караев. — Тоже в юности шалил и понес наказание, к счастью для него, достаточно строгое. И вот расстался с социалистическими бреднями, возглавил крупнейшее в губернии строительство. Вы бы видели, как работал, — ну просто американец! Вот что значит вовремя жилку подрезать, а вы говорите — клапан...

Красин не слушал певца. Даже ария Каварадосси, всегда волновавшая его, сейчас прошла только по границе сознания мутной полосой тревоги. Он думал о Любе. О Любе и о прошлом, о будущем, о Любе... Впервые они сидят в театре рядом, вдвоем, впервые им ничего не угрожает...

Заслонившись ладонью, он сквозь пальцы украдкой смотрел на ее поднятое лицо, на высокую шею с первой поперечной морщиной, на глаза, светящиеся неподвижным и словно бы вечным счастьем. Он боялся шелохнуться, чтобы не вывести ее из этого блаженного оцепенения.

32 Когда они впервые встретились? Тринадцать лет назад, в 1890 году. В тот вечер час или полтора они

просидели с Брусневым над сиротскими осклизлыми котлетами, рассуждая о «Капитале», о российских противоречиях, о народниках... Столовая «Технологики» была единственным местом, где можно не опасаться шпиков.

Потом он вышел на Загородный проспект, увидел в конце его зеленый балтийский закат и захлопал по осенним лужам, подставляя лицо морскому европейскому ветру, чувствуя какую-то непонятную счастливую тревогу.

Через несколько шагов они встретились ему — шумная ватага, человек десять. Там были Кржижановский, Классон, какой-то субъект лет тридцати с внешностью вечного студента, отошедший уже в прошлое тип длинноволосого нигилиста, были там две три девушки, и, когда взгляд Любы остановился на нем, он вздрогнул.

Да нет, вовсе он не влюбился в нее с первого взгляда. Толчок этот, мгновенную паузу сердца вызвало неизвестное ранее чувство проникновения сквозь время, смутное ощущение судьбы.

Классон и Кржижановский с хохотом включили его в компанию. Оказывается, направлялись все на квартиру к «нигилисту». Какой-то кавказец получил посылку; и вот намечалась вечеринка.

Было весело. «Враги унутренние — скубенты» всласть потешались над г-ном Деляновым, министром народного просвещения. Не забывали и тихого своего государя, у которого кроме игры на тромбоне была еще одна страсть — одеть всю Россию в форму. Кто-то читал приплывшее из Москвы стихотворение:

Царь наш юный — музыкант,
На тромбоне трубит,
Только царственный талант
Ноту «ре» не любит.

Чуть министр преподнесет
Новую реформу —
«Ре» он мигом зачеркнет
И оставит «форму».

В тот вечер они с Любой и словом не перемолвились, старались держаться друг от друга подальше, лишь смотрели втихомолку, и только уже в Нижнем, в ссылке, когда она приехала к нему связной от Бруснева...

Как молоды они были! Огромная Волга над откосом, музыка с пароходов...

Мурашки по коже, сцепленные пальцы, устремленные в мировую даль взгляды...

Порой, забывшись, слушая ее ломкий голос, он думал о счастье, которое ему преподнесла судьба. Как они смогли найти друг друга в людском море? Кто привел их на эту скамью? Люба — его избранница на всю жизнь... Мы думаем вместе и вместе мечтаем... глаза в глаза, пространство сужается, все исчезает, когда близко-близко дрожат ресницы, касаются твоей кожи... и счастье проходит по ней одной волной...

Когда что-то внешнее — побрякивание ли шпор, сытый смех за кустами, мимолетно брошенная скабрёзность, цоканье копыт, щелканье кнута, скрип петьель, кошачий визг, гудки, музыка с пароходов — разъединяло их, отделяло друг от друга, все внутри сжималось, уходило в раковину, как улитка, хоть руки и тянулись, пальцы сцеплялись в отчаянии.

Твой милый образ незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда.

Да, оба они уже знали, что их любовь обречена. С достаточной трезвостью профессионала он видел впереди ссылки, этапы, подпольное существование,

скудные рубли революционера. Они не имеют права на счастье, ибо...

«...Каждый из нас обязан быть готовым во всякую минуту с другими себе подобными кинуться туда, где сделана самая крупная брешь» — так он писал брату, уверенный, что брешь вот-вот будет пробита.

Столько лет прошло! Легкий запах парижских духов словно подчеркивает зыбкость этого счастливого оцепенения. Снова произошло немислимое, они вместе. Когда другие женщины, красивые, гордые, милые, жалкие, появлялись в его жизни, ему казалось, что теперь-то он забыл свою избранницу навсегда! Всякий раз он говорил себе: «Кончено, с Любой покончено, она забыта навсегда». Много лет он внушал себе эту мысль, пытался обмануть себя, но судьба, оказывается, готовила им новую встречу.

Они встретились уже в том возрасте, когда знают, как недолговечно счастье, но пусть... пусть нельзя его удерживать, зато она теперь с ним, и ее-то он удержит, со всей ее усталостью и памятью о прежних мужьях, с ее детьми, с ее обидами и робкой надеждой.

Дверь ложи чуть приотворилась.

— Леонид Борисович, вас к телефону со станции...

В директорской приемной он снял с рычага рожок микрофона. В наушнике слышался знакомый хриловатый голос.

— Козеренко?

— Я, Леонид Борисович, вас здесь ждут.

— Кто?

Последовало короткое, но для Красина вполне красноречивое молчание, и Козеренко промямлил:

— Приехал гость из правления фирмы.

«Касьяну или Игнату не ко времени. Значит, кто-нибудь повыше», — молниеносно подумал Красин.

Он вернулся в ложу, склонился к Любови Васильевне и тут заметил какой-то мгновенно промелькнувший лучик, — это блеснул монокль жандармского подполковника, взглянувшего на него из ложи напротив.

— Люба, меня вызвали на станцию, — достаточно внятно для соседей сказал Красин. — Там что-то случилось в котельной. За тобой заедет Козеренко или я сам, если управлюсь...

Он выпрямился и посмотрел через зал. Незнакомый подполковник с бесцеремонным, но доброжелательным любопытством разглядывал его. Знакомый же полковник Караев сердитым шепотом как бы пытался отвлечь соседа от такой неучтивости.

«Видно, столичный гость», — подумал Красин и быстро вышел из ложи.

Возле театра он разыскал свою коляску. Верный его оруженосец Дандуров покуривал трубочку, сидя на козлах.

— На станцию, Георгий, и побыстрее!

Он ловко прыгнул на подножку. Лошади тут же тронули.

Дандуров полуобернулся и молча посмотрел на Красина. Красин увидел глаз горца, освещенный огоньком трубочки. Дандуров чуть опустил веко, давая понять, что все понял.

Гость поднялся к нему навстречу из кожаного кресла, высокий, сутулый, с широкими худыми плечами; странноватый, как бы слегка отвлеченный взгляд, смутная улыбка. Член ЦК Носков!

Красин шагнул к нему, тряхнул за плечи.

— Владимир!

— Здравствуйте, Леонид,— тихо сказал Носков. Такие встречи рассеивают сомнения, тревоги, лишний раз понимаешь, что ты не один, что вас, единомышленников, даже не десятки, не сотни, а тысячи, что вы организованы, сплочены, что вы — партия!

— У меня к вам много дел, Леонид Борисович,— покашливая в кулак, говорил Носков,— но главное — это «Нина».

— Вы хотите лично побывать там?

— Если это возможно...

Красин возбужденно прошагал по кабинету, заглянул в окно, в мазутную черноту, в которой маячили несколько огоньков.

— В таком случае, Владимир,— он повернулся к Носкову,— вам нужно прежде привести себя в порядок.

— В порядок? — удивился Носков.— Да мне казалось, что я настоящий денди! Видите — галстук, манжеты...

— На которых можно писать мелом,— усмехнулся Красин.— Небось, ехали-то третьим классом. Идем ко мне, побреетесь, перемените белье.

— Послушайте, Леонид, да у вас тут Европа, настоящее европейское предприятие! — с восхищением сказал Носков, оглядывая светящееся в ночи главное здание электростанции.

— Вам нравится? — воскликнул довольный Красин и тут же с большим энтузиазмом, с напором, крепко держа Носкова под руку и ведя его через двор, стал рассказывать о строительстве этой станции.

Носков, схваченный крепкой рукой, оглушенный потоком слов, только посматривал любовно на энер-

гичный профиль Никитича. Этот человек ему очень нравился.

— Вы любите все это? — спросил он. — Стройку, промышленность, электричество?

Красин мгновенно остановился.

— Да-а, — протянул он после некоторого молчания, — я это люблю. Люблю почти так же, как свое главное дело...

...Они неторопливо ехали в коляске по набережной. В море мигали огоньки судов. Изредка появляющаяся среди туч луна освещала странный контур восточного города.

— Материалы съезда поступили сюда вовремя? — тихо спрашивал Носков.

— Да.

— Что вы думаете о расколе?

— Я на стороне большинства.

— Жму вашу руку. Вам известно о вашей кооптации в ЦК?

— В этом качестве я уже провел совещание в Кутаисе и встретился в Киеве с Клэром¹.

— О вашей работе во время июльской всеобщей стачки известно и дома и за границей, — Носков кашлянул. — Вы просто молодчина, Красин.

— В июле было замечательно! — воскликнул веселым голосом Красин. — Власти были потрясены размахом событий. Безусловно, «Искра» разожгла бакинский костер. Мы опасались, что нефтяники ограничатся только экономическими требованиями, но они вышли с искровскими лозунгами.

— Недавно мне писали, Леонид Борисович, что

Старик¹ отзывался о вашей деятельности весьма одобрительно...

— Это приятно, — проговорил Красин.

...Персидский ленивый ветер все-таки развеял тучи над Баку, и луна без помех уже заливала светом землю, когда Красин и Носков по узкой улочке подходили к дому, где размещалась подпольная типография «Нина». Белые глухие стены и резкие тени. Лай собак...

Маленькую дверцу в воротах открыл уже преду-прежденный Семен — Трифон Енукидзе. Он провел гостей через дворик, где пахло осенней травой, открыл еще одну дверь и уже в комнате, освещенной слабой керосиновой лампочкой, громко сказал:

— Добро пожаловать, товарищи!

Открылись двустворчатые двери большого стено-го шкафа. Семен раздвинул руками какое-то тряпье, шагнул в шкаф и пригласил:

— Пожалуйста, сюда!

В полной темноте они спускались по узеньким крутым ступеням, и вдруг вся лестница залилась ярким светом: Семен распахнул дверь в просторное помещение, где на полу лежали два ковра, а под потолком висела калильная лампа.

Печатники отдохали. Сильвестр Тодрия, сидя в углу, тихо наигрывал на гитаре. Ваню Стурца и Караман Джаши вдвоем читали какую-то книгу. Ваню Болквадзе и Владимир Думбадзе играли в нарды.

Все они вскочили, когда распахнулась дверь.

— Никитича вы знаете, товарищи, — сказал Семен. — А это член ЦК товарищ Глебов².

¹ Ленин В. И.

² Подпольная кличка Носкова. Семен в данном случае соблюдает правила конспирации.

Пока Носков знакомился с товарищами, Красин оглядел стены и с удовольствием отметил, что потайной ход в типографию совершенно не виден.

— Ну-ка, Владимир, попробуйте найти ход в типографию! — весело сказал он.

Перемигиваясь с печатниками, он наблюдал за попытками Носкова найти что-нибудь подозрительное. Носков развел руками.

— Учтите, товарищи, что Глебов — опытная подпольная крыса! Что же тут делать тупым жандармам! — посмеивался Красин. — Ну-ка, Семен, давай!

— Сезам, откройся, — сказал Семен, и часть стены прямо перед Носковым уехала вниз.

— Невероятно! — воскликнул Носков.

— По чертежам Никитича изготовлено, — похвалился Болквадзе.

Носков был поражен «Нинной», организацией работ, новенькой печатной машиной знаменитого Аугсбургского завода, техникой исполнения и внутренней дисциплиной. Он никак не мог отличить брошюру, изготовленную в Баку, от такой же, отпечатанной в типографии «Искры». Красин тоже не скрывал своего удовольствия. Он гордился «Нинной».

— Ничего удивительного, — объяснял он Носкову. — Шрифт мы заказываем в словолитне Лешака, а «искровскую» бумагу нам поставляют из Лодзи.

Посмеиваясь, Красин показал Носкову отпечатанную «Нинной» «Эрфуртскую программу» Карла Каутского.

— Неплохо? Один экземпляр мы послали автору. Геноссе был восхищен и растроган. Кстати, мы продаем эту книжку либералам и выручаем неплохие деньги.

После осмотра типографии состоялось совещание. Носков волновался, то и дело смахивал со лба редкие белокурые волосы.

— Товарищи, я благодарю вас от имени ЦК! Ваша типография— это... это всероссийская печка, она согревает весь наш пролетариат...

Затем начались разговоры о съезде. Большинство подпольщиков держалось ленинской линии, один лишь Караман Джаши сетовал по поводу раскола, говорил об авторитете Плеханова и Мартова, об аргументации меньшевиков. Товарищи темпераментно ему возражали, русская речь перебивалась грузинской, перед носом Джаши мелькали сложенные в характерную щепоть пальцы.

Красин глядел на бледные от подземной жизни лица друзей и думал о них с теплотой и гордостью. Какая духовная сила у этих людей, добровольно вычеркнувших себя из нормальной жизни, какая преданность идее!

В конце он сообщил печатникам самое главное:

— В Тифлисе наши товарищи перехватили провокатора. Из его слов видно, что охранка что-то пронюхала о «Нине», но пока не знает, что это такое — дама, лошадь или адская машина.

Нужно утроить меры предосторожности. Сейчас это особенно важно. После провала кишиневской и петербургской типографий ЦК принял решение сделать «Нину» центральной подпольной типографией партии...

Глава II

Ну-ка, сабелька моя

Зима 1903 года на Карельском перешейке началась свирепыми штормами...

По дороге на станцию приходилось чуть ли не кричать: сосны под зимним балтийским ветром скрипели, гудели, трещали, позванивали обледенелые веточки, порывы ветра несли через дорожки струи песка, смешанного со снегом, за краем ледяного припая ревел, накатывая белые валы, залив, — мирный Сестрорецк, казалось, стал средоточием всех стихий.

— Итак, Алексей Максимович, вы меня сводите с Морозовым через три дня?

— Да уж как договорились...

— Благодарю. Всего доброго.

Горький посмотрел вслед крепко идущему по перрону Красину и подумал:

«Вот новый тип революционера. Деловитый, энергичный, уверенный в себе. И никакого пафоса».

...Спустя некоторое время Красин был уже в Мо-

— Вам нравится это вино?

— Да, нравится, но лучше поговорим о вине после. Алексей Максимович, вероятно, передал вам суть нашего разговора?

— Да. Я могу давать двадцать тысяч в год. Это вас устраивает?

— Двадцать четыре тысячи устроили бы нас ровно на четыре тысячи больше.

Морозов засмеялся и поднял бокал:

— Итак, вам нравится это вино?

Центральному Комитету РСДРП

...Я по-прежнему настаиваю, чтобы сюда обязательно прислали Бориса, Митрофана и Лощадь¹, обязательно, ибо надо людям самим увидеть положение..., а не плести лапти издалека, пряча голову под крыло и пользуясь тем, что отсюда до ЦК три года скачи не доскачешь.

Нет ничего нелепее мнения, что работа по созову съезда, агитация в комитетах, проведение в них осмысленных и решительных (а не сопливых) резолюций *исключает* работу «положительную» или противоречит ей. В этом мнении сказывается только неумение понять создавшуюся теперь в партии политическую ситуацию...

Я думаю, что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: «бесполезно бороться!»... Либо ЦК станет организацией *войны с ЦО*, войны на деле, а не на словах, войны в комитетах, либо ЦК — негодная тряпка, которую поделом выкинут вон.

Поймите, Христа ради, что централизм разорван мартовцами бесповоротно. Плюньте на иди-

¹ Одна из подпольных кличек Красина.

отские формальности, занимайте комитеты, учите их бороться за партию против заграничной кружковщины, пишете им листки (это не помешает агитации за съезд, а поможет ей!)... Руководите войной с ЦО или бросьте вовсе смешные претензии на «руководство»... утиркой плевков...

...Меня ничто не злит так теперь, как наш «так называемый» ЦК...

Старик

(написано в феврале 1904 г.)

Доклад в Московском электрическом и политехническом обществе об энергетических установках в Баку прошел блестяще, однако мысли недавнего докладчика, идущего по вечернему Арбату, были заняты отнюдь не проблемами электричества.

Завтра предстоит встреча с цекистами Носковым, Гальпериным и Кржижановским. Центральный Комитет должен наконец выработать свою решительную точку зрения на предложения Старика о созыве III съезда. Очень огорчительны эти бесконечные и как будто бы даже непримиримые раздоры в наших заграничных организациях. Центральный Орган, ставший вотчиной Плеханова, не стесняется в выражениях по адресу Центрального Комитета. Меньшинство требует полного разрыва с «раскольниками», Ленин призывает к войне с мартовцами и ЦО. Товарищам за границей кажется, что нет ничего важнее их борьбы друг с другом, борьбы, которая отсюда из России кажется не стоящей и выеденного яйца. Неужели они не понимают, в каких трудных условиях приходится вести здесь работу, налаживать связь, транспорт литературы, устраивать типографии, заниматься агитацией на заводах, доставать деньги...

Бороться сейчас за съезд — значит ратовать за оформление раскола...

А вдруг Ленин прав? Вдруг он именно в предвидении крутого исторического поворота хочет сколотить боеспособное крыло партии?

Нет, сейчас нельзя дробить наши силы, надо звать партию на борьбу с самодержавием, а не с Мартовым, после разберемся, кто лучший марксист, ЦК должен примирить враждующие стороны для того, чтобы партия могла с удвоенной энергией заняться практической положительной работой.

А работы этой столько, что дух захватывает. Удачно, что теперь можно будет на совершенно законных основаниях перебраться поближе к столицам. Молодец Морозов! Как он ловко легализовал мои с ним отношения!

Красин улыбнулся, вспомнив, как после доклада к нему пробрался, поблескивая узкими глазками, Савва Тимофеевич, представился, словно они незнакомы, и тут же предложил завидную должность на его предприятиях в Орехово-Зуеве. Промышленники и инженеры, собравшиеся вокруг докладчика, только многозначительно переглянулись — эва, сам Морозов!

От Старика Лошади личное

...Здесь был недавно Ваш «друг»¹ и обнадежил насчет Вашего приезда, но Нил² опроверг это известие. Крайне жаль будет, если Вы не приедете: это было бы во всех отношениях безусловно необходимо, ибо недоразумений тьма и они будут расти и расти, тормозя всю работу, если не удастся повидаться и обстоятельно поговорить. Напишите мне непременно, приедете ли и как относитесь к моей брошюре...

¹ Постоловский Д. С.

² Одна из подпольных кличек Носкова В. А.

...Если мы не хотим быть пешками, нам обязательно надо понять данную ситуацию и выработать план выдержанной, но непреклонной принципиальной борьбы во имя партийности против кружковщины, во имя революционных принципов организации против оппортунизма. Пора бросить старые жупелы, будто всякая такая борьба есть раскол, пора перестать прятать себе голову под крыло, заслоняясь от своих партийных обязанностей ссылками на «положительную работу»., пора отказаться от того мнения, над которым скоро дети будут смеяться, что агитация за съезд есть ленинская интрига.

Повторяю: членам ЦК грозит серьезнейшая опасность стать совсем отсталыми чудаками. У кого есть хоть капля политической чести и политической честности, тот должен перестать вляпать и хитрить (это не удалось *даже* Плеханову, а не то что нашему доброму Борису! ¹), тот должен занять определенную позицию и отстаивать свои убеждения.

Жму крепко руку и жду ответа

Ваш Ленин.

(написано в мае 1904 г. в Женеве)

Сквозь густую листву светилось широкое окно, и видны были мужчины, сидящие за столом в вольных позах, без пиджаков и в расстегнутых по случаю жары жилетах. Они были очень увлечены своей серьезной и неспешной беседой, барабанили пальцами по столу, курили. Иногда появлялась в комнате милая дама, наливая чаю, подкладывала варенья. Собеседники тогда что-то говорили ей, она что-то отвечала

им, смеялась и выходила из комнаты с не погасшей еще улыбкой.

Случайный зритель подумал бы, вероятно, что за столом этим собрались сочлены какого-нибудь научного или коммерческого общества, а может быть, и просто друзья, склонные к размышлениям вслух, может быть, просто за столом идет столь обычный для России тех лет бесконечный интеллигентский чай на тему о смысле жизни, о народе, о долге перед народом, о религии, о литературе, о невероятном летательном аппарате с двигателем внутреннего сгорания — «уж не прообраз ли, милостивые государи, стальных птиц Апокалипсиса?»...

Что касается неслучайного зрителя, человека по долгу службы не в меру любопытного, то ему пришлось бы трудновато: очень густы были кусты перед домом, к тому же у забора сада палисадника протянута была тайная проволока с банками, и неслучайный зритель поднял бы, пробираясь к окну, ужаснейший шум, и в довершение всех бед он, этот любопытствующий бедняга, рисковал быть пойманным за шиворот в темноте чьей-нибудь весьма крепкой рукой. По всему по этому несчастному оставалось лишь догадываться о теме разговора за этим уютным столом.

Между тем обсуждалась «июльская резолюция» ЦК, и участниками обсуждения были Носков, Красин, Гальперин.

— А не наломали ли мы дров, братцы?

— Послушайте, партии сейчас необходимо единство, как никогда. Социал-демократии сейчас угрожают две опасности. Первая — дикий угар квасного патриотизма, связанный с войной...

— Я полагаю, что угар этот скоро развеется стараниями наших доблестных генералов и адмиралов.

— Вторая опасность — это то, что мы из-за нашего внутреннего раздора окажемся в последних рядах революционных сил. Посмотрите, как активизировались эсеры. Евгений Шауман смертельно ранил финляндского генерал-губернатора, Сазонов казнил Плева. Как бы мы ни отвергали тактику индивидуального террора, эти акты бешеной смелости и самопожертвования производят очень сильное впечатление на общество, а особенно на молодежь. Наконец, эсеры начали проникать в нашу заповедную область — в рабочее стачечное движение. Если мы углубимся в наши раздоры, мы отдадим рабочих эсерам и гапоновскому «Собранию». Нам нужно идти сейчас на заводы, а не заседать на съездах в далеких палестинах.

— Однако за съезд выступили Одесский, Екатеринославский, Тверской, Петербургский, Кавказский и Сибирский комитеты партии.

— Это работа Старика.

— Старик был взбешен нашим признанием кооптации в ЦО Аксельрода, Засулич и Потресова. Доходят слухи, что он метал на наши головы целые охапки молний.

— Пусть так. Я предпочитаю носить кличку «примиренец», чем называться раскольников.

— Стараниями Старика в Женеве открыто самостоятельное издательство.

— Тем более пора их ограничить!

— А не наломаем ли мы дров, товарищи?

— Нет, не наломаем.

— Итак, мы осуждаем агитацию за III съезд, ограничиваем обязанности Старика как заграничного представителя ЦК только обслуживанием литературных нужд ЦК, исключаем из ЦК Землячку и кооптируем Любимова, Карпова и Дубровинского...

— Все трое — молодцы-примиренцы!
— Все-таки не наломали мы дров, друзья?
— Послушай, Леонид, что ты заладил со своим дровами? Уже не смешно!

— Хорошо, я попробую сейчас возражать при помощи аргументации Старика. Просто для того, чтобы сфокусировать другую мысль, хотя она и так уже выражена с предельной четкостью. Итак, мы обманываем сами себя, думая, что восстанавливаем единство партии. На самом деле мы идем на поводу у Мартова и Плеханова. Наша деятельность может привести к тому, что перед лицом решительных событий мы из боевой революционной партии превратимся в партию межеумочную, в конгломерат кружков говорунов-теоретиков. Чем вы ответите на это?

— Ответить на это можно, только повторив наше сегодняшнее собрание с самого начала.

— Значит, надо новый самовар ставить.

— А для этого надо нарубить дров. Наломать побольше дров!

Они так громко расхохотались, что хозяйка дома, испуганная, заглянула в дверь.

— Вы что, есть захотели, товарищи?

Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией¹

В № 77 «Искры» три члена Центрального Комитета, говорящие от имени всего ЦК, вызывают на третейский суд тов. Н «за ложное заявление с целью дезорганизовать партию»... Я считаю себя вправе и обязанным принять участие в третейском разбирательстве, выступая с следующим обвинением против членов ЦК Глебова, Валентина и Никитича.

¹ Написано В. И. Лениным.

...Я обвиняю их в том, что они употребили власть, полученную ими от II съезда партии, на подавление общественного мнения партии, выразившегося в агитации за III съезд... Они не имели никакого права распускать Южное бюро за агитацию за съезд. Они не имели ни формального, ни морального права выносить порицание мне, как члену Совета партии, за подачу мной в Совете голоса в пользу съезда...

...Они не имели никакого права отказывать мне в сообщении протоколов Совета и лишить меня, без формального исключения из ЦК, всех и всяких сведений о ходе дел в ЦК, о назначении новых агентов в России и за границей, о переговорах с «меньшинством», о делах кассы и пр. и пр.

...Они не имели права кооптировать в ЦК трех новых товарищей (примиренцев), не проведя кооптации через Совет, как того требует устав партии в случае отсутствия единогласия, а единогласие отсутствовало, ибо я заявил протест против этой кооптации.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

1/1 1905. Бомбой взорван дом губернатора в Смоленске.

2/1. Неудачное покушение в Москве на Трепова.

3/1. Начало забастовки на Путиловском заводе. Депутация от 12 000 рабочих предъявила градоначальнику Фулону требование уволить директора завода Смирнова.

Приказ по армии и флоту

Порт-Артур перешел в руки врага. Одиннадцать месяцев длилась борьба за его защиту. Бо-

лее семи месяцев его доблестный гарнизон был отрезан от внешнего мира. Без твердой надежды на помощь, безропотно перенося все лишения осады, испытывая нравственные муки по мере развития успехов противника, не щадя жизни и крови, сдерживала горсть русских людей яростные атаки врага.

...Мир праху и вечная память вам, незабвенные русские люди, погибшие при защите Порт-Артура. Вдали от Родины вы легли костями за Государево дело, исполненные благоговейного чувства любви к Царю и Родине...

Доблестные войска Мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе!.. Сокрушаясь и болея душой о наших неудачах и тяжелых потерях, не будем смущаться. В них русская мощь обновляется, русская сила крепнет, растет.

Со всей Россией верю, что настанет час нашей победы и что Господь Бог благословит дорогие Мне войска и флот дружным натиском сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины.

На подлинном Собственного Его Императорского Величества Рукою написано

Николай

Опытный садовник-пчеловод, одинокий, с 17-летней практикой, с рекомендациями и отличной аттестацией, ищет место годично. Всевозможные работы выполняет добросовестно и аккуратно по весьма умеренной цене. На выставках удостоен разнообразных наград.

6/1. Во время водосвятия на Неве пушка, которая должна была произвести холостой выстрел, выстрелила картечью по помосту, где находился Царь.

8/1. Депутация петербургских литераторов и общественных деятелей направляется к Витте и Святополку-Мирскому с просьбой остановить надвигающееся побоище.

9/1. В столице не вышла ни одна газета.

Драгун Дмитрий Петунин человек уж восемь свалил замертво да десятка три покалечил. Было это в устье Миллионной, на краю Марсова поля. Содрогаясь от омерзения, но распаяя себя ненавистью, Петунин убивал врагов отечества направо и налево.

Брызги вражьей крови попадали на розовые круглые щеки, на торчащие пшеничные усики и даже в голубые остекленевшие от ярости глаза Петунина.

Вокруг деловито рубал его полувзвод. Кони дыбились, ржали, солдаты смачно крикали.

«Витязи, богатыри былинные!» — захлебнулся в коротком рыдании Петунин.

А толпа все прибывала, перла...

Много народу куплено длиннопатлыми...

Красавчики... умники... кровь сосущие... сеledкой провоняли... социализмы окаянные... ну-ка, сабелька моя, поработай, поработай... государя душишь... кровь сосать... хитрые, коварные... золотом набитые японским... по черепу... по уху... красные прихвостни... гадина проклятая... иконками прикрываетесь православными... в живот и глаз... наймиты английские... наследника нашего душишь... вижу, главный хриstopродавец Максим Горький... сейчас в ухо... в голову саблей достану...

Марсово поле было черным, а вокруг все мельтешило, мелькали пятна снега и крови, распоротые овчины, бабьи платки, шапки, оскаленные рты, кулаки и глаза...

Красин с подножки коночного вагона увидел вдруг в толпе, в самой непосредственной близости от драгун, голову Горького, волосы из-под меховой шапки, моржовые усы. Рядом с ним, блестя полубезумными глазами, что-то кричал красивый кудрявый человек, кажется Бенуа... К ним пробивался через толпу мальчишка-драгун с крутящейся саблей над головой. Видно было, что он визжит от каких-то собачьих чувств. Должно быть, он думает, что Горький и Бенуа — главари. Он может покалечить их, убить!

Красин прыгнул с подножки на чьи-то плечи, с трудом опустился на землю.

— Господа, там Максим Горький! — закричал он. — Товарищи, там Горький! Спасите его!

Он бешено заработал локтями, но продвинуться не удалось ни на метр.

Толпа сносила его в сторону Летнего сада. В хаосе перемешались манифестанты и любопытные. Сквозь пар, клубящийся над городом, тускло светилась петропавловская игла. Красин уже потерял из виду Горького и Бенуа. Позади слышались рыдания. Он оглянулся и вздрогнул от ужаса: за плечом какого-то рабочего рыдало рассеченное лицо. Лицо рыдало от непоправимости того, что с ним произошло.

— Платок! Возьмите платок! — закричал не своим голосом Красин. Он чувствовал, что нервы откачивают ему.

Кто-то схватил белый платок, передал назад. Движение ускорилося, словно неведомая сила подхватила толпу и понесла ее вдоль Лебяжьей канавки, за которой в голубом и белом спокойствии стояли деревья и вашиные досками скульптуры Летнего сада. Со стороны Дворцовой площади донесся мощный ружейный залп.

- Господи! Что они с нами делают?
- Драгуны, псы! Русские вы аль нет?
- Палачи кровавые! Собаки!
- Вы бы так с японцами воевали!
- Мальчонку, мальчонку задавили!
- Убийцы! Сволочи! Бейте!
- Как скот режут!

Пехота зябла. После второго залпа ее работа, собственно говоря, была окончена. Пехотинцы прыгали, толкались, пытались согреться, обменивались шутками.

— Бухтин, Бухтин, чего рот разинул? Чичас галка залетит!

— Бухтин, Бухтин, вухи-то потри! Чичас отваятся!

— Штаны-то подтяни! Эй, Бухтин!

Драгуны медленно, но верно отодвигали толпу от Троицкого моста. Пехотинцы спорили, сколько народу осталось на снегу — за сотню или меньше. Стали считать — выходило за сотню.

— Виктор, видишь драгуна? Больше всех старается. Попробуй-ка ему засветить!

Камень, пущенный с крыши двухэтажного дома, угодил Петунину по шапке. Даже не вскрикнув, тот свалился на шею коня. Конь прынул в сторону, вынес седока в боковую улицу...

Красин бежал в толпе по набережной Мойки. Возле одного дома группа молодых рабочих и студентов выворачивала булыжники из мерзлой мостовой. Он обрадовался — наконец-то сопротивление! Ярость колотила его. Он оглянулся — поблескивающий сабельками строй всадников быстро приближался.

Чьи-то руки обхватили Красина, потащили под арку дома.

— Вы с ума сошли? Не хотите до революции дожить?

Кандид (Кириллов) и еще один партиец, фамилия которого Красин никак не мог припомнить, долго влекли его по проходным дворам, где в подъездах перевязывали раненых. Наконец они вышли на Невский к углу Садовой.

Между тем Петунин в беспамятстве скакал по Петербургу, словно майнридовский всадник без головы. Каким-то чудом он не выпадал из седла, а конь его петлял по улицам в тщетных попытках набрести на родные, единственно любимые запахи конюшни, овса, своего лошадиного, теплого, ибо хоть он и был боевым конем, но запаха крови и пороха не любил.

Наконец Петунин очнулся и обнаружил себя на набережной какого-то канала. Вокруг не было ни души, а многочисленные замерзшие окна еще усиливали ощущение одиночества. Петунин испугался: местности он не узнавал. Оглянувшись, он слегка приободрился. Вдалеке несколько казаков гнали небольшую толпу. Это происходило в полной тишине — звуки оттуда не доносились. Вдруг рядом гулко бухнуло — треснул лед канала. Петунин даже задрожал. Он развернул коня и погнался вслед за казаками.

Казаки уже догоняли влосчастных инсургентов, когда те вдруг скрылись в каких-то дверях. Вот хитрое семя!

— Гей! — крикнул Петунин, как бы подбадривая казаков, но те в этом и не нуждались: сорвав двери, разбив стекла, прямо на конях ворвались они в трактир, где пытались найти спасение злодеи.

Когда Петунин подскакал и заглянул в трактир, все уже было кончено. Пол был завален телами в черном грязном тряпье, за разбитым буфетом лежал икающий в полубеспамятстве трактирщик. Казаки по одному выезжали на набережную. Из карманов у них торчали головки бутылок. Один из казаков дул водку прямо из горлышка.

— Молодцы, казаки! — крикнул Петунин.

— Стараемся, ваше благородие, — с ленивой нагловатой улыбкой ответил казак и отбросил опорожненную бутылку.

Казаки поскакали дальше. Звук копыт, бьющих по обледенелой мостовой, удалялся, а Петунин все не мог тронуться с места. Он переводил взгляд с одного неподвижного лица на другое, и ужаснейшая мысль терзала в этот момент все его существо: «Нет, не похожи они на антихристов...» Конь его переминался с ноги на ногу перед открытой дверью и разбитыми стеклами разгромленного трактира, когда в глубине зала скрипнула дверь, и порог переступил румяный юноша высокого роста и богатырского сложения. Одет он был в короткую шубу грубого, уж не волчьего ли, меха и в меховые высокие сапоги. Шуба была открыта на груди, и там виднелись полоски флотского тельника. Поблескивая ясными глазами, перешагивая через убитых, юноша направился прямо к Мите Петунину, а тот тронуться с места не мог, словно замороженный.

— Попался, мясник, — с веселой улыбкой сказал юноша, когда подошел вплотную к конской морде. — Слезай!

Петунин трясущейся рукой схватился за шашку, но тут запястье его словно сжали стальные клешни. Шашка, зазвенев, упала на мостовую, и Петунин сам оказался выброшенным из седла и лежащим на льду.

Он тут же вскочил, но юноша ясноглазый мгновенно налетел, ребром ладони ударил Митю в горло, тычком ладони — под ложечку и за воротник поволок обмякшее тело в глубь трактира.

Лихач на дутых шинах резво катил по правой стороне Невского к Адмиралтейству. Нахлобучив меховую шапку и уткнув нос в воротник, Красин безотчетно считал выплывающие из дымной морозной темноты газовые фонари в оранжевых кругах. Его трясло. Он испытал чувство биологической ненависти, и именно от этого чувства его сейчас трясло.

Ближе к Дворцовой на тротуарах все чаще попадались неуклюжие фигуры дворников. Пешнями они откалывали окровавленный лед, скребли лопатами тротуар, поливали кипятком из ведер.

У Адмиралтейства лихача приостановил конный патруль. Казачий офицер внимательно посмотрел на Красина, махнул рукой — проезжай! Барин в хорьковой шубе не вызывал подозрений. Красин оглянулся — казаки, покачиваясь в седлах, удалялись, стройные и словно бы удлиненные в красноватой рассеянной тьме. Может быть, он и убил бы их всех, будь у него сейчас в руках пистолет. Может быть, это принесло бы облегчение...

Такого с ним не было даже в юности. С самого нежного возраста твердо и сознательно он чувствовал себя врагом этого строя. В семье постоянно присутствовал дух разлада с обществом лицемерия и казенщины. Отец, человек недюжинного ума, правдолюбец, получал постоянные удары, обидные щелчки и ошеломляющие зуботычины, прозябал на жалких должностях, и боль за отца утвердила в душе мальчика протест против творимой в мире несправедливости. Мать, волевая и резкая женщина, в отличие от

молчуна отца нередко высказывала свои опасные мысли вслух. Она не только не боялась, что «дети услышат», а, напротив, словно нарочно хотела, чтобы дети вырастали в гордыне и непокорстве.

О социализме Леонид впервые услышал в Тюмени от тех молодых людей, которых в столичных либеральных салонах называли «цветом России, гниющим в тундрах». Таким образом, он приехал в Санкт-Петербург уже полностью созревшим для «крамолы» и поступил в «гнездо крамолы» — технологический институт, да и сдружился там сразу же с марксистом Брусневым. Изучение истории, экономики, трудов Маркса принесло ясное сознание того, что несправедливый этот строй обречен. Вот уже шестнадцать лет он работает на революцию, работает уверенно и спокойно. Спокойствие это не покидало его даже в тюрьмах, в одиночном заключении. По-всякому он относился к своим врагам, власть предержащим, — с презрением, с жалостью, как к недоумкам, с насмешкой, порой даже с ненавистью, но... не с такой ненавистью, как сегодня, ненавистью ослепляющей, воющей ненавистью, когда хочется казнить палачей немедленно и лютой казнью, хочется делать то же, что делают они.

Это ужасно. От этих чувств социал-демократ должен быть свободен. Ненависть не должна ослеплять разум социал-демократа, — ведь в мире все развивается по законам уже открытым, научным и непреклонным. Социал-демократ — это техник, обслуживающий машину истории. Ишь ты, красивая фраза! Представляю, как высмеял бы ее Ленин, попадись она ему в какой-нибудь статейке новой «Искры». Техник, обслуживающий машину истории... Машина, мод, сама крутится, а мы только маслица подливаем.

Хорошо, что я практик, а не литератор, и мне не нужно высказывать свои мысли в печатной форме.

Промчались мимо знаменитого дома, где «с поднятой лапой, как живые, стояли львы сторожевые»... Дальше — громада Исаакия, словно напоминающая о том, что империя, воздвигшая оную громаду, простоит вечно... Сенатская площадь, Медный всадник с шапкой снега на голове... Какой путь прошла Россия от жалкого кулачка Евгения, от его невинного «ужо тебе», до их партии, что бросает теперь вызов этому разбухшему, ожиревшему гиганту, русскому самодержавию... Бросает вызов, в этом уже нет сомнения. Неслыханные дела скоро стрясутся на Руси!

Но давай-ка посмотрим правде в глаза и назовем вещи своими именами. Сегодня все стало ясно: предстоит бой, война не на жизнь, а на смерть, и, именно предполагая этот бой, ратовал Ленин за скорейший созыв съезда. Да, вот в чем отгадка: им, «примиренцам», казалось тогда, что они возвышаются над партийным раздором, смотрят дальше «поссорившихся товарищей»... Ленин смотрел еще дальше, он уже видел этот день. В бой должны идти солдаты, а не компания ораторов. В этом главный смысл дела. «Примиренчество» обанкротилось!

...В прихожей Красина встретил Гальперин. Безотчетно они схватили друг друга за плечи, заглянули друг другу в глаза.

— Ну-с, дружище, — проговорил Красин, — теперь ты видишь, что мы были неправы. Прав Старик, трижды прав. Нужно собирать съезд.

Дверь в комнату была открыта, и там стоял шум, слои папирозного дыма пересекались энергично жестикулирующими людьми.

«В сущности, мы все еще довольно молоды», — с неожиданным приливом бодрости подумал Красин.

Всю ночь стонали и бредили в городе Санкт-Петербурге несколько тысяч раненых. На следующий день заказчики получили тысячу гробов.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

В воскресенье 16 января на Семеновском плацу рысистые испытания. Розыгрыш приза в память почетного члена св. кн. В. Д. Голицына.

Волна митингов протеста против побоища 9 января прокатилась в Лондоне, Берне, Париже, Мюнхене и в других городах Западной Европы.

Закрытие гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих».

Арест делегации литераторов к Витте и Светополку-Мирскому. В Риге арестован и препровожден в Петропавловскую крепость Максим Горький.

Закрытие высших учебных заведений в Петербурге.

Баррикады в Варшаве. Начало всеобщей стачки в Москве, Ярославле, Ковно, Вильно, Ревеле, Саратове, Киеве, Риге, Минске, Могилеве.

Конференция всех социал-демократических организаций России выработала обращение «К пролетариату всей России» с призывом к «решительным действиям против самодержавного режима».

Забастовка в Орехово-Зуеве.

Членом боевой организации партии с.-р. Каляевым убит бывший московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович.

Массовое избивание черносотенцами и лабазниками студентов в Казани.

Армяно-татарская резня в Баку.

Сражение под Мукденом, закончившееся поражением русской армии.

19 января в Зимнем Его Величества Дворце собрались 34 представителя рабочих различных заводов и фабрик. Эти представители проследовали из Зимнего Его Величества Дворца на Царскосельский павильон, откуда в экстренном поезде были перевезены в Царскосельский Александровский Дворец, где и выстроились в ожидании выхода Государя Императора в Портретном зале.

Ровно в 3 часа к рабочим вышел Его Императорское Величество Государь Император в сопровождении министров...

Его Величество Государь Император осчастливил депутацию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском Дворце Царского Села милостивыми словами. После речи, обращенной Его Величеством к рабочим, произведшей сильное впечатление, рабочие низко поклонились...

Довольные, счастливые, с веселыми лицами возвращались рабочие в Петербург, унося неизгладимое навеки впечатление о Царском приеме и твердо запечатлев Царевы Слова.

«СПб. Ведомости»

...Мы вступили в полосу страшных политических бурь... На преступлениях и жизни ближних безумные, фанатичные люди пытаются создать какое-то более, чем проблематичное, лучшее будущее.

...Сын Царя-Освободителя убит среди бела дня у самого Кремля, как раз в тот исторический момент, когда все общество ждало вещаго призыва с вершин Престола...

...Брызги крови, пролитой иступленными врагами всякого порядка в Империи, опять кладут несмыаемый след на переживаемое нами невозможное по своей тревожности и напряженности время. Партийная борьба, внутренние раздоры, изнуряющие и позорящие Россию в годину боевых неудач, тяжелое и больное состояние умов, омертвление национально-патриотических чувств... все точно сливается в один беспросветный туман, из которого тщетно ищешь скорого исхода. Только бы Бог поддержал в столь тяжкие минуты болящего за Родину Государя, одарив Его крепостью смелее и тверже, чем когда-либо, взглянуть вперед!..

«СПб. Ведомости»

Д о д у м а л с я !

Помещик Елецкого уезда некто С—въ, человек с образованием, придумал оригинальный способ утилизировать крестьянскую силу: он закладывает крестьянских «девок» в сохи и пашет на них землю под свеклу...

Опытный садовник-пчеловод, одинокий, с 17-летней практикой, с рекомендациями и отличной аттестацией, ищет место годично. Всевозможные работы выполняет добросовестно и аккуратно по весьма умеренной цене. На выставках удостоен разных наград.

«СПб. Ведомости»

Глава III

Ночи этой не было конца

Снег большими хлопьями заваливал Большую Никитскую. Начинало смеркаться, и в окнах магазинов зажигались уже огни. Москва, обжитой, скрипучий дом, в этот теплый день устоявшейся зимы была особенно уютной.

Два студента, один в распахнутой шинели, а другой застегнутый на все пуговицы, шли по мостовой и по обычаю тех лет оживленно спорили.

Лишь на минутку, возле консерватории, когда сквозь замазанные рамы этого учебного заведения донеслось разноголосое пенье скрипок, сольфеджио и фортепьянные пассажи, лишь на минуту студент-аккуратист отвлекся от спора, распустил узел морщин, собравшийся на лбу, улыбнулся как-то очень по-детски, поднял румяное, обтянутое тугой кожей лицо, увидел какую-то барышню, тут же прикрывшую муфтой носик, улыбнулся еще раз, что-то суматошно и радостно пиликнуло в его душе, но только на минутку.

Его спутник не унимался вовсе. Он размахивал руками, заглядывал в лицо собеседнику и даже в лица

встречных, словно приглашая их принять участие в споре.

— Значит, ты считаешь, что экономика сама по себе коренным образом изменит общество?

— Я в этом убежден.

— Значит, все десятилетия борьбы были напрасны?

— Перестань орать!

— Но так или нет?

— Борьба эта может разрушить все, что создано, и отбросить страну на десятки лет назад.

— Значит, сиди и жди, когда правительство, восхищенное развитием экономики, дарует нам европейскую конституцию?

— Ты можешь не орать? Полемизируй вон с городовым, если не можешь говорить нормально.

Студенты эти были родные братья Павел и Николай Берги. Возвращались они с благотворительного концерта «в пользу недостаточных курсисток». В концерте этом принимали участие знаменитые артисты, в том числе Федор Шаляпин, в зале был цвет московской интеллигенции, писатели Леонид Андреев, Скиталец, Бальмонт, актеры МХТа, крупные адвокаты, профессора и даже несколько промышленных тузов — Савва Морозов, например, и вот они — юные Берги...

Все, не исключая тайных и явных филеров охранки, отлично были осведомлены, что сбор, весьма солидный, идет на сей раз не курсисткам, а в пользу боевых революционных партий. После 9 января вместо ожидаемой депрессии в стране распространился какой-то энергический дух, все чувствовали, что время петиций, деклараций и благотворительных деяний прошло, что вот-вот грянут события.

— Послушай, Коля, — Павел Берг заговорил по-



тише,— ведь ты же сам говорил, что даже электротехника не может развиваться при абсолютизме... Ведь говорил же?

— Я и сейчас так считаю,— ответил Николай,— и уверен, что в конце концов абсолютизм сдаст свои позиции. Электротехника нужна нашему обществу больше, чем обветшалый государственный строй.

— Сдаст позиции! В конце концов! — возмущенно воскликнул Павел.— Он будет уничтожен еще в этом году одним ударом рабочего кулака!

— Сейчас мы окажемся в участке,— спокойно сказал Николай. Он приостановил брата и застегнул на нем шинель.— Возможно, что он и будет уничтожен одним ударом, Павел, но вместе с ним будет уничтожена и наша маленькая электротехника. Начнется анархия, Павел, обвалятся железнодорожные насыпи, заржавеют паровозы, затянутся паутиной...

— Может быть, так и произойдет,— с неожиданной задумчивостью произнес Павел,— по на развалинах этих, Коля, возникнет новая, великая демократическая и социалистическая Россия. Все передовые люди, кроме тебя, это уже понимают.

— Неправда! — теперь уже слегка воспламенился Николай.— Есть множество по-настоящему передовых и образованных людей, которые держатся моей точки зрения. Сегодня я познакомился с инженером Красиным...

— А, это тот, с которым я схватился! — воскликнул Павел.— Толковый, толковый...

— Не то слово — толковый. Это замечательный инженерный ум. В прошлом году в Политехническом обществе я слышал его доклад о бакинских электрических установках. Блестящий человек! А что он сейчас устраивает у Морозова в Орехово-Зуеве! Какие турбины устанавливает!

Николай Берг говорил все громче, с нарастающим жаром.

— Да, незаурядная личность, — согласился Павел. — Я слышал о нем. Жаль, что он не с нами, но... — Павел схватил брата за руку. — Но уверен, Коля, что и ты, и Красин встанете в скором времени на позицию нашей партии! Ведь мы же опираемся на научные законы! На законы того же экономического развития!

— Ближайший участок — на Малой Бронной, — бесстрастно произнес Николай.

— О чем ты мечтаешь, Коля? — вдруг с пылающими глазами спросил Павел. — Ты такой же сумасшедший, как я, мы оба в деда, не то что девочки... О чем ты мечтаешь?

— Я мечтаю строить! — крикнул Николай. — Не так, как дед, не для мощны, а для России. Понимаешь? У нас уже сейчас самая длинная железнодорожная сеть в мире! Разве это плохо? Но какая отсталость в машиностроении, Павел, какая отсталость! Сколько нужно строить! Верфи для кораблей, электростанции, доменные печи, автомобильные заводы — да-да, не удивляйся — автомобилю принадлежит будущее! Думаю я, что и воздухоплавание, авиация будет развиваться у нас в России быстрее, чем в Европе. Летом в Одессе я познакомился с молодыми людьми, которые, продав все до нитки, выписали из Франции аппарат «Блерио» за десять тысяч рублей. Представьте себе, кондовую Русь тянет в воздух!..

Николай Берг осекся вдруг, как человек, нечаянно разболтавший что-то очень личное, смущенно отвернулся и, шевеля губами, стал смотреть на слабо светящийся запад, за контуры низких крыш.

— А ты о чем мечтаешь, Павлуша? — тихо спросил он.

Павел обнял его за плечи.

— Я мечтаю о революции!

— А о Наде?

— Да, конечно, о Наде и о революции! Вернее о революции и о Наде... Вернее... Это для меня вместе... Понимаешь?

— Да, понимаю... Для тебя это неразделимо...

Разговаривая на эти интересные темы, братья давно бы дошли до Поварской, до своего дома, если бы они шли, но в том-то и дело, что они давно уже не шли, а стояли на Никитском бульваре, возле ствола крепенькой пушистой от снега липы.

В третий раз мимо них тихо протопал городской III разряда Дормидонт Ферапонтыч Луев.

— Прошу не скопляться, господа студенты, — бодрявым баском сказал он и малость откатился в сторону, — еще шарахнут чего-нибудь!

— Прошу прощения, господин городской! — тут же заорал Павел. — Ах, как мы подло, непростительно безобразно скопились! — он оттолкнул Николая. — Этого никогда не повторится, господин городской.

С хохотом студенты двинулись к Арбатской площади. Инцидент для Ферапонтыча окончился благополучно.

В этот момент двое мужчин в таком же приятном, теплом снежном движении двигались по Мясницкой к Чистым прудам. В буфете «благотворительного» концерта они пропустили по две-три рюмки, хорошо закусили и сейчас двигались не торопясь. Николай Евгеньевич Буренин провожал Леонида Борисовича Красина на вокзал. У обоих были основания для отличнейшего настроения: концерт прошел превосходно, сборы превзошли ожидания, касса увезена и скрыта в безопасном месте.

Разговаривая на легкомысленные темы, обращая несколько преувеличенное внимание на встречаемых дам, два джентльмена миновали почтамт и свернули на чистый снежный бульвар, оставив за спиной сутолоку Мясницкой. Шагов через сто Красин оглянулся — аллея была пуста. Можно было обратиться и к более серьезным темам.

— Что ни говорите, Леонид Борисович, а либерал для нас отличная дойная корова, — сказал Буренин.

— Выразились вы довольно точно, — сказал Красин, искоса взглянув на своего спутника.

Николай Евгеньевич, пианист, был правой рукой Красина, одним из самых активных и надежных членов недавно созданной Боевой технической группы РСДРП. Группа эта была создана партией сразу после Кровавого воскресенья. Люди редкого мужества, стойкости и надежности, «боевики» должны были охранять собрания, митинги и манифестации от черной сотни и полиции, транспортировать литературу и оружие, готовить рабочих к будущим боям.

— Либерал для революционера именно дойная корова, но на боевой союз с коровой рассчитывать не приходится. Вот я вам расскажу один курьез, — Красин сумрачно усмехнулся, — и вы увидите истинное лицо либерала.

Вечером 9 января в Петербурге, в Вольном экономическом обществе, собрался «цвет» столичной журналистики, адвокатуры, наиболее либеральные гласные думы, профессора, врачи, инженеры — словом, публика, подобная сегодняшней. Вопрос один — как быть, что делать? С тем же вопросом явилась в это общество небольшая депутация растерянных и подавленных рабочих Нарвского района. Ответил им небезызвестный писатель-экономист, когда-то даже

считавший себя социал-демократом, правда, бернштейновского толка, господин Прокопович. «Главное, не бейте стекло,— сказал он рабочим,— пожалуйста, не бейте стекло». Комментарии излишни, сами видите...

— Вам понравились молодые Берги? — спросил Буренин.

— Так ведь один из них — член нашей партии,— ответил Красин.— Кстати, о Бергах...— Красин задумался.— Состояние им отец оставил исключительное — обувная и мебельная фабрики, пай в Резиновом обществе, в Электросиле, пароходы на Волге... Вы знакомы с ними лично?

— Коротко,— ответил Буренин.

— Павел Берг — надежный товарищ?

— Уверен в нем, как в себе. Это человек, решительно и навсегда порвавший со своим классом.

— Он мне понравился,— сказал Красин, вызывая в памяти худенького стройного юношу с детскими еще губами, торчащими ушами и густой шевелюрой. Почему-то ему на секунду показалось посреди разговора с ним, что время стремительно ушло назад и перед ним его товарищ по Техноложке, а может быть, и он сам.— Он очень умно говорил о промышленном прогрессе России.

— Это не Павел, а Николай. Он моложе Павла на год, но они почти неразличимы. Павел — это тот, что нападал на вас, Леонид Борисович, за умеренность ваших политических взглядов.

Буренин рассмеялся, а Красин остановился как вкопанный.

— Помнится мне, Николай Евгеньевич, что мы собирались на базе Берга создать боевую группу.

— Кое-что уже сделано...

— В таком случае вам необходимо сегодня же 69

встретиться с Павлом Бергом и призвать его к сдержанности. Если он будет перед каждым незнакомым либералом, вроде меня, распинаться о своей любви к революции и к марксизму, он завалит все дело. Пусть почаще крестится на купола, а лучше всего пусть выглядит типичным «белоподкладочником»...

— Хорошо, я поговорю с ним, Леонид Борисович.

Они двинулись дальше. Недалеко от Покровских ворот на тротуаре толкалась толпа. Электрические лампы освещали объявление над входом в двухэтажный дом:

«Синематограф изобретенье Франции бегающие фотоснимки».

— Вы уже видели это диво? — спросил Красин. — На полотне разыгрывается настоящий спектакль, в чем-то даже более выразительный, чем театральный. Синема — гениальное изобретение! — Красин прищелкнул языком. — Движущиеся фотографии! И главное — так просто! Чертовы Люмьеры! Просто это все до того, что досадно, почему не сам придумал!

В конце бульвара они вновь остановились.

— Итак, ЦК собирается завтра, — сказал Красин. — С вами, Николай Евгеньевич, мы встретимся через три дня в ресторане Тестова, как договорились. Не провожайте меня дальше, я возьму извозчика.

Он пожал руку Буренина, но почему-то не отпустил ее и спросил с неожиданным интересом:

— А что же Коля Берг? Он не разделяет убеждений своего брата?

— Он помешан на технике, на промышленности, на индустриальном прогрессе, — сказал Буренин. — Конечно, он и за социальный прогресс, но путем эволюции. Они вечно спорят с братом...

— Поменьше бы этих споров на людях, Берг нам очень нужен,— сухо и деловито сказал Красин, отпустил Буренина, энергичными шагами вышел из сквера и на углу поднял трость, подзывая извозчика.

Тому назад лет сто пятьдесят, а то и все сто семьдесят прибыл в Россию то ли немец, то ли швейцарец — в общем, нерусский человек Берг, почтовых дел мастер. Ни славы, ни денег на своем почтовом поприще оный Берг не нажил, но и не пропал, уцелел — осел в одном из многочисленных департаментов Санкт-Петербурга.

Женился этот первый Берг на русской небогатой барышне, все последующие Берги делали то же самое, и через столетие от европейского происхождения осталась только эта короткая и гордая, как гора, фамилия. Сами же Берги жили тихо, звезд с неба не хватало, прозябали в приличной петербургской полубедности, пока не набрал силу Ипполит Берг, дед уже знакомых нам Павла и Николая.

Какое-то таинственное сочетание совершенно скромных наследственных качеств сделало Ипполита нахрапистым честолюбивым мужчиной. Оставив потомственную служилую линию, он пустился в коммерцию. Через некоторое время о Берге заговорили в промышленных кругах. Ипполит посватался к дочери московского денежного мешка Полупанова.

Сыну своему Ипполит Берг передал уже миллионное дело, но тот оказался из тихих Бергов и капитал не приумножил, хотя и не разбазарил: станки на фабриках стучали исправно, продукция сбывалась, пароходы гудели — капитал умножался уже сам по себе.

За год до описываемых событий Иван Ипполитович Берг погиб при катании на лыжах в Гармиш-

Партенкирхене. Еще раньше скончалась его супруга. Дети остались одни — два сына и девочки Лиза и Таня. Старшим в семье оказался студент третьего курса университета Павел, которому меньше всего хотелось умножать наследственный капитал. Напротив, Павел страстно мечтал свести этот капитал к полному нулю путем социальной революции. Павел тяготился своим богатством, своими фабриками, где заведенным порядком естественно шла эксплуатация рабочего класса, он стыдился всего этого до тех пор, пока товарищи не разъяснили ему, что деньги являются прекрасным подспорьем в борьбе с самодержавием.

Надо сказать, что и Николай, студент Императорского Технического училища, человек взглядов, как мы видели, хоть и прогрессивных, но умеренных, тоже относился с какой-то неловкостью к семейному богатству, вроде бы стыдясь его.

Итак, братья подошли к своему дому, большому особняку. Дом строился парижским архитектором и представлял собой образец только что входящего в моду стиля «модерн»: огромные окна, забранные в декадентски изогнутые рамы, декадентские опять же бронзовые перила, ручки, фонари, облицовка по фасаду метлахской плиткой, чудно и тревожно загорающейся, когда на нее падали лучи закатного солнца, а внутри — черное дерево, особый какой-то «теплый» мрамор с внутренним огнем.

В гостиной братья застали небольшое общество. Развалившись в кресле и бесцеремонно вытянув ноги в странных высоких меховых сапогах, хохотал Виктор Горизонтов, юноша богатырского сложения. Смеялись и сестры, высокая румяная с толстой косой семнадцатилетняя Лиза и шестнадцатилетняя Таня, совсем еще девочка. Снисходительно улыбался друг

Павла — штамповщик берговской обувной фабрики Илья Лихарев. Что же или кто же вызвал веселье барышень и молодых людей? Еще не входя в зал, Павел и Николай услышали высокий надтреснутый голос, порой начинавший как бы дребезжать от экстаза.

— Общество это должно быть взорвано и срыто лопатами до основания! Нужно расчистить место для новой жизни! Нужно сломать не только дворцы и тюрьмы, но и заводы, и москательные лавки, и рестораны, притоны разврата правящей элиты, и больницы, где одурачивают страждущий класс!

Это выкрикивал стоящий возле окна худой, одетый в черную косоворотку блондин. Жидкие волосы падали ему на выкаченные голубые глаза, правая рука то и дело взлетала над левым плечом.

— А булочные, Митяй, с булочными как поступить? — низким красивым голосом спросил Виктор Горизонтов, не меняя позы.

— Сжечь! — крикнул блондин. — Хлеб съедим, а булочные сожжем!

— А университеты? — спросил с порога Николай Берг.

Блондин сделал порывистое движение и застыл в рывке.

— Под корни! — взвизгнул он. — До основания! Плугом пройти по пепелищам университетов и библиотек, вместилищу векового обмана трудящихся! Мы должны разрушить города и уйти к дикой природе!

— Стоп! — сказал вдруг Горизонтов, поднялся с кресла и лениво потянулся, как бы демонстрируя свою великолепную фигуру. Он вынул из кармана серебряный рубль и протянул его неистовому оратору. — Пока еще булочные не сожжены, Митяй,

сходи купи нам с тобой на ужин ситного, сахару да фунт чайной колбасы.

Блондин взял рубль, щелкнул каблуками перед барышнями и стремительно вышел, что-то все еще бормоча себе под нос.

— Хорош? — спросил Горизонтов, когда шаги блондина затихли в глубине зала. — А знаете, кто таков? Драгунский офицеришко, сын попа из Рязани, герой Кровавого воскресенья... — Горизонтов обвел глазами присутствующих, оценивая эффект, вызванный его словами.

— Вечно вы придумаете что-нибудь несусветное, Виктор, — сказала Лиза, посмотрев на Горизонтова чуть-чуть из-за плеча.

Таня же смотрела на него, простодушно открыв рот, как дети смотрят на фокусника.

Горизонтов пружинистой походкой прошелся по залу, потом, подпрыгнув, уселся на подоконнике.

— Я его джиу-джитсой взял, — откровенно бах-валясь, заговорил он. — Я вам рассказывал, господа, как в Нагасаки Кимура учил меня японской борьбе джиу-джитсу? Ребром ладони я могу убить человека. Если хотите, можете потрогать ребро моей ладони. Кто хочет? Лиза, хотите попробовать? Николай, ты? Илья? Павел? Ну потрогайте, чего вам стоит! Танюша, ты не хочешь? Ну иди сюда, потрогай! Какково? Сталь? То-то... Короче говоря, в тот день, во второй уже половине, на Крюковом канале я заметил одинокого драгуна. Вот, думаю, этого я и возьму. Пошел за ним следом, прятался в подворотнях. Впереди казаки разгромили трактир, в котором пытались скрыться рабочие. Побили десятка полтора народу, напихали в карманы водки и ускакали. Возле этого трактира я и взял Митеньку Петунина двумя прие-

мами джиу-джитсу. Взял и приволок на свой чердак, на Фонтанку...

— Да зачем он тебе нужен был? — спросил Павел Берг.

— Сам не знаю, — простодушно ответил Горизонтов. — Должно быть, просто любопытно. Ночью этот тип бредил, метался в жару... дикий антисемитский бред... жида, оказывается, к его колыбельке с ножками подбираются, и к царевичу, и к маменьке, но он их всех порубит, всех изничтожит! Утром истерика — бьется лбом в пол, погубил, говорит, тысячу душ православных. Убей, кричит, меня, выброси из окна. Ого, думаю, страсть какая, и возникла у меня идея. Начал я его агитировать в революционно-марксистском духе. Что бы вы думали, через неделю монархист-антисемит с поповской кашей в голове превратился в самого ярого революционера!

— Это, по-твоему, оп революционные мысли здесь высказывал?! — запальчиво крикнул Павел. — Спасибо тебе за такого революционера!

— Сейчас у него временное увлечение анархизмом, — хмыкнул Горизонтов. — В наших «Чебышах» чего только не слушаешься. Во всяком случае, из армии дезертировал, отдался революции...

— Такие личности только компрометируют революцию! — крикнул вдруг из угла Илья Лихарев. — А тебе, Горизонтов, самому до марксизма, как до Луны, далеко!

— Ты думаешь? — искренне удивился Горизонтов.

— Извольте, Виктор, не приглашать сюда больше эту персону! — ломким голосом сказала Лиза.

Все напустились на Горизонтова, и он растерялся, отмахивался огромной ладонью, бормотал:

— Да что вы все на меня, он мой верный Санчо... не более того...

Виктор Горизонтов был огромным красавцем, как бы увеличенной копией красавца нормального. Было ему чуть-чуть за двадцать, но последний год его жизни по насыщенности стоил доброго десятка лет.

Виктора можно было в полном смысле слова называть «кухаркиным сыном», ибо и впрямь был он сыном почтенной тамбовской кухарки и выслужившегося до офицерского чина флотского фельдшера. Папа Горизонтова пытался определить сына в морской кадетский корпус, но безуспешно, впрочем, если бы он знал, что ждет Витюшу на морском поприще, то вряд ли бы так старался.

В конце концов Виктор попал на флот и служил на броненосце «Петропавловск» электриком, когда этот огромный корабль взорвался вблизи Порт-Артура. Выудила Горизонтова из воды японская миноноска, выудила и с удовольствием взяла в плен.

Месяца три Виктор провел в порту Нагасаки, где, изнывая от безделья, учил японский язык и занимался джиу-джитсой с начальником лагеря военнопленных Кимурой.

Затем это ему надоело, и однажды ночью, оставив Кимуре безграмотную, но трогательную записку, начертанную иероглифами, Горизонтов переплыл залив и влез на борт американской промысловой шхуны. На шхуне не спали, а, напротив, дрались. Русский гигант не стоял в стороне и хорошо зарекомендовал себя в глазах капитана.

Шхуна с Горизонтовым на борту пересекла океан и некоторое время очень удачно браконьерствовала возле канадских берегов. Получив приличное количество долларов, Витя очень хорошо отдохнул в Ванкувере и без гроша в кармане нанялся матросом

на английский пароход, идущий рейсом до Гонконга.

В Гонконге с ним стали происходить всевозможные события. То ли он был ограблен, то ли проигрался в рулетку, он и сам толком не знал. Короче говоря, остался опять без денег и почти без одежды, работал грузчиком на чайном складе, изображал дракона в китайском цирке, был даже вышибалой в одном аристократическом заведении. Еле-еле выбрался Горизонтов из этого удивительного города и после ряда дополнительных приключений добрался до Европы.

В Европе была уже осень, мокрые листья летели вдоль аллей, и здесь на одном из уютных европейских перекрестков Горизонтов столкнулся с другом детства Павлом Бергом, что, разумеется, несказанно поразило их обоих.

Им было лет по тринадцати, когда они впервые встретились на Южном берегу Крыма. В Гурзуфской бухте, на берегу которой стояла дача Бергов, довольно часто швартовалась странноватая грязная барка с греко-татарским экипажем. На барке этой, перевозившей вдоль черноморского побережья никому не ведомые товары, служил юнгой Витя Горизонтов, зарабатывал свои первые трудовые копейки и закалял характер.

Дружба их началась, как водится, с драки. Вдумчивый и тихий барчук Павлуша однажды предавался размышлениям, лежа на плоском камне довольно далеко от берега, когда из моря вдруг вынырнула пучеглазая голова, которая заявила, что «этот остров принадлежит ему и только ему, а если незнакомец предьявляет на него свои права, то он готов сразиться, доннерветтер, и так далее!». Битва была короткой. Когда Павел очнулся, он увидел рядом с собой на

берегу огромного мальчика, смолившего вонючую самокрутку.

Никакой особенной любви к угнетенному человечеству родители Павлу не прививали. Трудно сказать, под каким влиянием, но мальчик с ранних лет испытывал какое-то смутное чувство вины перед «простыми» людьми, ему хотелось поближе сойтись с кем-нибудь из этих странных неимущих людей, узнать, как они живут в том огромном мире, голубой край которого открывался с террасы гурауфской дачи.

Новый приятель вел себя в кругу Бергов очень естественно и свободно. За чаем он съел целую корзину пирожных и рассказал ужасающую историю о своем последнем путешествии в Батум. После этого он перевернул всю берговскую библиотеку и ушел на свою барку, нагруженный Жюлем Верном, Купером, Майн-Ридом и двумя томами Брокгауза и Ефрона. Энциклопедический этот словарь, к слову сказать, стал любимым чтением Горизонтова на всю жизнь.

Виктор поразил воображение Павла своим невероятным умением плавать, силой, лихостью, но главное — какой-то первозданной уверенностью в своих поступках, которая, возможно, сродни уверенности дельфина, рассекающего водную среду.

Несколько лет спустя Павел, уже передовой студент, решил испытать на Горизонтове силу марксистской литературы. Витя глотал книгу за книгой, а потом прибежал как-то ночью к Бергу и торжественно заявил ему, что он свое образование окончил, все понял, все сошлось и теперь он марксист.

Потом началась война, и они расстались надолго. На «Петропавловске» Горизонтов вел довольно искусную агитацию среди гальванеров, электриков и

минеров. Деятельность эта прервалась взрывом брошеносца.

Встреча на европейском перекрестке была необычайно бурной. Виктор потянул Павла в облюбованный им трактир и обрушил на его голову водопад немислимых историй, но вместо ожидаемого восторга встретил строгий взгляд, молчание, постукивание пальцами по столу.

Павел впервые выполнял за границей партийное задание по транспортировке литературы, он был очень горд своей миссией, весь поглощен конспирацией, но все-таки не удержался и осторожно напомнил другу, что тот вовсе не представитель международной морской шантрапы, а, напротив, человек политически грамотный, который мог бы стать борцом за счастье трудового народа.

Виктор с жаром закричал, что именно такая у него сейчас цель, именно борцом за счастье, иначе он давно обратился бы в первую русскую миссию и вернулся на флот. Берг тогда посоветовал ему прекратить шлянье по кабачкам, продолжить самообразование и ждать.

Прошло, однако, немало времени, прежде чем эмигранты допустили бравого моряка в свою среду. Вначале через третьи руки он получал густяковые задания и, всем на удивление, выполнял их не куражась, деловито и быстро. Доверие к Горизонтову пришло после того, как он самостоятельно выследил и разоблачил агента русской заграничной агентуры.

В Россию Горизонтов вернулся под чужим именем и попал как раз к событиям 9-го января, во время которых «взял в плен» Митю Петунина. Пленением этим, а особенно обращением монархиста в революционную веру Горизонтов очень гордился и теперь даже слегка растерялся от неожиданного «афронта».

Между тем, пока мы рассказывали историю этого юноши, в доме Бергов появлялись все новые и новые лица. Прошли через зал, неловко поклонились и исчезли три молодых химика. Юноши эти были не без странностей, настоящие затворники: все бы им сидеть в своих подвалах и мудрить над ретортами и колбами.

Павел Берг при виде химиков очень повеселел и подмигнул Горизонтову. Виктор тоже мигнул ему — понял, что прощен. Николай досадливо передернул плечами. Он прекрасно знал, что в подвале у них как раз под этой гостиной целый склад взрывчатки, но обстоятельство это почему-то не слишком его радовало. Девочки же не обратили на химиков никакого внимания. Они теперь приставали к Горизонтову, чтобы тот прошелся на руках.

Горизонтов не заставил себя долго упрашивать и как раз отправился на руках по лестнице на антресоли, когда вошел, растирая красное с морозца лицо, Николай Евгеньевич Буренин. Потом явились двое рабочих мебельной берговской фабрики и проследовали в библиотеку.

— Николай Евгеньевич, может быть, вы нам немного поиграете? — робко попросила Танюша.

Буренин тут же сел к роялю и начал играть.

— Рахманинов, — еле слышно прошептала Таня и сжала кулачки на коленях.

При первых же звуках фортепьяно в зале появилась и неслышно прошла вдоль стены стройная девушка в темном платье — Надя Сретенская, курсистка и кроме того связная Боевой технической группы.

Горизонтов, прикрыв лицо ладонью, вроде бы погружаясь в музыку, меж тем внимательно рассматривал Сретенскую, ее волосы, лицо, фигуру. Сретен-

ская строго смотрела прямо перед собой и только однажды быстро исподлобья взглянула на Павла. Павел же смотрел на люстру, казалось, он был поглощен музыкой, но все же почувствовал взгляд Сретенской и улыбнулся ей не глядя, с рассеянной нежностью. Николай не слушал Буренина, а во все глаза, с детским почти восторгом глядел на Надю. Лиза смотрела в окно на черные контуры деревьев и лишь изредка взглядывала через плечо на Горизонтова. Илья направился было к Лизе, чтобы сесть рядом, но, перехватив ее взгляд, резко повернулся и отошел к камину.

Итак, воспользуемся музыкальной паузой и для полной ясности посвятим читателя в маленькие личные тайны присутствующих.

Надя любила Павла. Павел любил только Революцию, но знал, что Надя любит его, и это ему было приятно. Брат его Николай был влюблен в Надю и почти не скрывал этого. Виктору Горизонтову правилась Надя, а может быть, и Лиза, он никак не мог понять, какая из девиц покрасивее. Лиза думала только о Горизонтове, то есть была в него почти влюблена. Ее в свою очередь тайно и мучительно любил Илья Лихарев. И только Танюша не имела еще постоянного предмета обожания. Ей все очень нравились, и всех она побаивалась — как бы не раскрыл кто-нибудь тайных ее мыслей, хотя мыслей таких у нее и не было никогда, а было лишь их предчувствие. Очень ее смущал роковой поэт Бальмонт.

Вот такой, довольно романтической, была атмосфера в доме Бергов.

Буренин, кончив играть и поклонившись барышням, отозвал в сторону Павла.

— Павел Иванович, мне нужно с вами переговорить строго конфиденциально.

Они отошли в дальний угол гостиной и встали возле мохнатой субтропической пальмы.

— Сегодня вас видел Никитич, — сказал Буренин.

— Как?! — вскричал Павел. — Не может быть!

— Он был на концерте и наблюдал вас со стороны. — Буренин огляделся. — Очень уж у вас дом настежь, Павел Иванович. Пожалуй, шпик проскочит, так и его к чаю пригласят.

Буренин изложил Бергу слова Красина о необходимости строжайшей конспирации.

— Да-да, понимаю... — бормотал Павел. — Никитич совершенно прав. Я часто забываюсь, ору, как идиот...

— Вы должны понять, что надвигаются очень важные, решительные события, — тихо сказал Буренин.

— Это правда?

— Да. Должно быть, в скором времени состоится Третий съезд. Что происходит в стране, вы сами видите.

— Николай Евгеньевич, сегодня вы впервые говорите со мной от имени самого Никитича, — сказал Берг. — Я понимаю, что это уже новая фаза доверия. Я обещаю сделать все, что мне прикажут. Скажите, я когда-нибудь увижу его самого?

— Возможно, — коротко ответил Буренин.

На этом они расстались.

Между тем молодежь отправилась гулять. Горизонтов рассказывал о быте московского «Латинского квартала», где он поселился, приехав из Петербурга, о знаменитой «Чебышевской крепости», где некогда гнездилась еще нечаевская «Народная расправа», о каракозовском «Аде». Он так ярко живописал буйных нынешних обитателей этих студенческих тру-

щоб, что даже воплощенная строгость — Надя Сретенская начала улыбаться, а этого он как раз и добивался.

Снегопад давно уже прекратился, и небо очистилось. Полная и чистая луна стояла в небе, улица была расчерчена тенями деревьев.

Возле Арбатской площади толпился народ, скрипели полозья пролеток, кричали извозчики.

— И вот Тихарь говорит Помидорскому, — надрывался Горизонтов, — «Завтра обо всем будет доложено декану». А Помидорский ему в ответ: «А сейчас я тебя выброшу из окна!»

Хохот компании был прерван вдруг визгливым голосом сзади:

— Изменники! Крамольники! Перевешать бы вас всех! Смуту сеете!

Горизонтов резко повернулся...

ГАЗЕТЫ

Невероятный инцидент

...В начале февраля в Москве солидная дама в ротонде, встретив группу студентов и гимназистов, обратилась к ним с грозным обличением.

— Изменники! — взвизгивала дама. — Крамольники! Перевешать бы вас всех!

Один из студентов, возмущившись таким тоном и особенно ввиду начавшейся собираться толпы, резко заявил свой протест.

...Дама обиделась, толкнула протестанта в грудь и, поскользнувшись, упала и... оказалась мужчиной в подобающем этому полу костюме под платьем и ротондой.

«Патриота-переодевателя» тут же наградили тумачами, но никто не решился составить соот-

ветствующий протокол, чтобы хоть выяснить: агент это, провокатор, сумасшедший или своеобразный патриот?

«Биржевые Ведомости»

Виктор Горизонтов был довольно уже известен на Бронных улицах под именем Англичанин Вася. Изображал он здесь из себя несусветного чудака, путешественника, этнографа, англомана и поклонника восточных религий. Физическая сила, бокс и джиуджитсу, а также общительный нрав и фантастические рассказы принесли Горизонтову среди обитателей улиц значительную популярность. Нравы здесь были вольные, откровенные филеры не решались и поса просунуть в «Чебыши» или в «Ад», а дворники и городовые были настолько терроризированы беспутными студентами, что им и в голову не приходило проверить, настоящее имя носит Василий Агеев, он же Англичанин Вася, или поддельное, настоящий у него «пачпорт» или липа. Здесь можно было подозревать буквально каждого, так что для спокойствия лучше было никого не подозревать и втирать очки начальству.

Однако Горизонтов был осторожен. После убийства Великого князя на Бронных улицах вполне могли появиться новые шпики. Нельзя недооценивать охранку. Не все же там такие дубы, как старый пес Ферапонтыч Луев. Наверняка они сейчас идут на всяческие ухищрения и засылают провокаторов, может быть даже замаскированных искусно под революционеров или богему.

Вот, например, навстречу движется чучело гороховое в продранном цилиндре, клетчатом пледе на плечах, в пенсне — вид прямо монмартрский, а вдруг шпик? Э, да это знакомый, один из новых духовных

вождей Мити Петунина, теоретик анархизма Эмиль Добриан.

— Вечер добрый, мсье Добриан,— приветствовал его Виктор.

— Здравствуй, красивый человек-зверь,— вялым голосом отвечал погруженный в себя мэтр и прошествовал мимо. Шел, разумеется, в буржуазный дом — пугать гостей и ужинать.

Через несколько шагов Горизонтов повстречал добрую фею Большой Бронной тетку Авдотью, хозяйку переполненной совершенно уже нищими парнями квартиры.

— Бонжур, Евдокия Васильевна,— поклонился Горизонтов.

— Бонжур и вам, Василий Батькович,— пропела Авдотья, угостила молодца теплым еще калачом и осмотрела его всего с сожалением.— И здоровый-то, и румяный, в деревню бы тебе, Васюша, к молоку, в хорошее хозяйство, а ты все здесь маешься. Ай лаварюцию ждешь?

Противившись с теткой Авдотьей, Горизонтов сделал еще несколько шагов и перемахнул через гнутую-перегнутую чугунную решетку во двор своего дома. Можно было, поднатужившись, пройти еще шагов двадцать до так называемого «парадного» входа, но не было бы тогда сладости пролета над чугунными пиками, и потому «англичанин Вася» предпочитал этот путь.

Сразу за решеткой цепкий глаз Горизонтова заметил следы, уходящие в глубь двора, к заброшенному кирпичному амбару. Виктор нагнулся и посветил. Так и есть — следы были желтыми. Мелинит!

«Ох, эсеры-сволочи! Ну что делают!» — покачал головой Горизонтов и двинулся по следам, затапывая их, забрасывая свежим снегом.

В амбарчик можно было попасть через полуподвальную дверь. Виктор бухнул в нее сапогом. Внутри что-то упало.

— Кто? — спросил тихий голос.

— Свои! — крикнул Виктор и сразу услышал характерный звук взводимых револьверных затворов.

— Не дурите, не дурите! — сказал он. — Не знаю я ваших паролей, а дело срочное.

— Англичанин Вася, — сказали в амбаре, и дверь приотворилась.

Бледные лица освещала слабая керосиновая лампа. На длинном дощатом столе валялись мотки бикфордова шнура, стояли банки с глицерином и кислотой. Готовая продукция скромной горкой была уложена в углу, на рогожке.

— Эх, эсеры-эсеры, — укоризненно проговорил Горизонтов, — черти вы полосатые...

— В чем дело? — выступил вперед мосластый, кадыкастый, носастый Юрий Юшков по прозвищу Личарда. — Мы вам, кажется, не мешаем? Идите своей дорогой.

— Посмотрите себе под ноги, господин Юшков, — сказал Горизонтов и показал на пол, покрытый рассыпанным и растоптанным мелнином. — Чем желтый след по снегу протаптывать, лучше уж вывеску на улице повесить. «Бомбовая мастерская Личарда и К^о. Принимаются заказы. Цены снижены».

— Фу, черт! «Англичанин» прав! — заволновались эсеры.

Горизонтов покинул помещение и, очень довольный собой, воображая со стороны, с эсеровской стороны, свое эффектное и полезное появление, снова пересек двор и по шаткой деревянной лестнице поднялся в скрипучую дырявую комнатку, которую он делил со своим «племянником» Митей Петуниным.

В комнате, еле-еле освещенной огарком свечи, сидели на кроватях, на подоконнике и единственном стуле несколько молодых людей, по виду рабочих. Митя Петунин что-то горячо втолковывал одному из них.

— Митька! — гаркнул с порога Горизонтов.

Петунин вскочил и вытянулся по швам. Горизонтов вывел его на лестницу.

— Опозорил меня сегодня у Бергов, драгунская шкура, — усмехаясь сказал он. Какую-то необъяснимую слабость питал он к этому странному попovichу с его вывихнутыми мозгами. — Ты где это анархистских идей поднабрался?

Митя лихорадочно запыхтел папирсой.

— Раза два или три ходил в «Ад», Виктор Николаевич, в общество «Солнце и мы». Увлёкся.

— В общем, эту муть из головы выброси, — приказал Горизонтов. — У нас своя теория есть, и притом научная.

— Литературики не хватает, — сказал Митя. — Забросили вы меня, Виктор Николаевич, и вот результат — теоретически отстал я.

— Ладно, Митяй, литературы я тебе добавлю. Пошли. Вдувай-ка лампу! Начнем.

...Горизонтов положил на стол тяжелый предмет, завернутый в тряпку, оглядел присутствующих и тихим, серьезным голосом заговорил:

— Товарищи! Революционные события нарастают по всей стране. Социал-демократия в самое ближайшее время должна выработать свою тактику. Сейчас большинство комитетов стоит за точку зрения товарища Ленина о созыве Третьего съезда. Скоро ЦК будет решать этот вопрос. Пока что нам переданы указания об организации сил самообороны на предприятиях и в учебных заведениях. Возможны стычки

с полицией и черной сотней. Это указание идет от Никитича. Так что сегодня мы с вами будем не книжки читать, а заниматься кое-чем посуущественней.

Он улыбнулся широко и с веселым коварством, развернул тряпицу, и все увидели черный револьвер с длинной гнутой рукояткой.

— Кто знаком с этой штукой? — спросил Горизонтов. — Кроме Петунина, конечно. — Он погрозил кулаком в угол, где съежился Митя. Никто не ответил. Рабочие, как замороженные, смотрели на оружие.

— Револьвер системы «Смит и Вессон», — сказал Горизонтов.

— Это конечно не «кольт», который у меня был в Ванкувере, но все же...

Глухая февральская ночь 1905 года. Тревога, бессонница...

— Почему ты не спишь, Леонид?

— Теперь уже бесполезно спать. Я выезжаю поездом в 6.15. Завтра утром заседание ЦК...

— Знаешь, мне что-то тревожно. Сегодня на улице полковник Владимирский так посмотрел на меня! Он подозревает...

— Бог с ним, с Владимирским, и всеми местными жандармами. Мне кажется, Люба, что мы не заживем в Орехове.

— Тебе кажется, или?..

— Я почти уверен. Ты должна быть готовой ко всему. Что-то близится очень серьезное...

— У меня тоже такое чувство. Должно быть, скоро грянет революция...

— Да-да-да, в этом уже нет сомнений, идет девятый вал. Но поверишь ли, Люба, меня порой охватывает оторопь, я спрашиваю себя каждую минуту —

готов ли? А тебе не страшно за девочек, за себя?..

— Конечно страшно, но... но ведь это то, о чем мы мечтали в юности как о несбыточном торжестве.

В тишине слышались лишь вой ветра да далекие гудки маневрового паровоза.

— Теперь прощайте машины, генераторы, батареи. Скоро мне придется иметь дело с электричеством другого рода.

— Знаешь, Леонид, когда ты занят своими машинами, мне становится покойно и прекрасно и, представь, немного горько: ну, вот и все, думаю я. Когда ты уезжаешь по другим своим делам, мне страшно, тревожно и радостно, как в юности... как будто мы еще там, над Волгой, на откосе...

Она села на кровати и завернулась в одеяло. Блестели только огромные глаза, в полумраке она казалась совсем девочкой, той, из Нижнего Новгорода...

Кремовый ночничок с просвечивающим купидоном, халат с кистями... Он отогнул тяжелую штору. Внизу под слабым фонарем по брусчатке мела поземка.

...Зубатов безусловно одаренный человек, по чего ждать от господина Лопухина, нынешнего директора департамента полиции? Зубатов — зубы, это неплохо... Лопухин — лопух, это постыдно... Лопух и зубы — очень прямолинейно, здесь нужен человек с фамилией типа Ехно-Егерн... Ехно-Егерн — как прекрасно и непонятно... Ехно — отвлекающий, теплый, слегка пахучий, но на мягких лапах, и — Егерн! — удар по темени...

Голова сидящего за огромным столом подполковника Егерна упала на грудь, и тут же подполковник подскочил, встряхнулся — фу, черт, засыпаю уже на ходу... как старик... Выбрался из-за стола и пружини-

сто зашагал по полутемному очень большому кабинету, всунул в глазницу монокль, взглянул в окно на застывшие в морозной но́чи подстриженные липы...

«Но граф Витте, умница, как мог он позволить эту бездарную живоде́рию? Неужели он не понимал, что это только приблизит революцию?..»

В дверях вырос дежурный офицер. В руках у него был большой сверток.

— Разрешите доложить, господин подполковник, за вами прибыли. Здесь партикулярное платье...

— Вы чего смеетесь, Игнатьев?

— Смешное сообщение набираю, господин метранпаж!

— Покажите!

— Извольте!

«Вчера около часу дня провалился Египетский мост через Фонтанку при переходе через него эскадрона лейб-гвардии конногренадерского полка. Есть пострадавшие».

— Что же тут смешного, Игнатьев?

— Очень смешно, господин метранпаж.

— Ровно ничего тут смешного нет, господин Игнатьев. Сообщение, наоборот, скорее печальное. Провалился мост, люди и лошади были испуганы, есть травмы...

— Все понимаю, господин метранпаж. Тут плакать надо, а мне смешно.

— Вы в церковь ходите, Игнатьев?

— Нет, господин метранпаж, я дома молюсь.

Пожимая плечами, метранпаж «Биржевых Ведомостей» отошел от наборщика. Бессмысленный этот разговор застрял за воротником, словно волосы после стрижки. Ротационные машины в подвале стучали

среди ночи, как копыта кавалерийского эскадрона.
Чушь какая-то!

— Нам, Павел, встречаться больше не нужно...—
проговорила Надя.

— Но почему, Надя? Почему? — Павел припод-
нялся на локте. — Почему мы не можем любить друг
друга? Жениться, конечно, сейчас глупо, но по-
чему...

— Как жаден ты до жизни, Павел,— глухо ска-
зала Надя.

— Ну конечно! Почему же нет?

— Потому что чем-то надо жертвовать.

— Ты знаешь, что я готов пожертвовать всем и
пожертвую, когда будет нужно.

— Даже мной?

— Даже тобой. Ты знаешь...

— И я тоже, милый мой...

— Я знаю, Надя...

— Ну, вот и расстанемся...

— Зачем же сейчас нам расставаться?

Она рассмеялась.

— Все-таки немецкий здравый смысл где-то в
закоулке мозга притаился у тебя, майн либер Па-
уль.— Она вдруг оборвала смех и сказала неожида-
нно: — Ты знаешь, что твой брат любит меня?

— Коля? Что за вздор!

Надя усмехнулась.

— Вот он ради меня жертвует всем на свете, он
одержим любовью...

— Ты меня удивила,— довольно спокойно сказал
Павел.— Но я ведь не виноват, что ты полюбила
меня, а не его...

Она смотрела на пушистые ветви елей, сверху об-
литые лунным светом.

Городовой Ферапонтыч, словно лошадь, обладал способностью спать стоя. Больше того, он любил спать стоя. Любил войти с мороза в фатеру и, не снимая шинэлки, при пашке, нагане и свистке, тут же посередине комнаты заснуть.

Супруга знала эту его особенность и хоть перед соседями стыдилась, но уважала.

Вот и в эту ночь Ферапонтыч посвистывал носом, стоя посередине низкой горницы уже чуть не второй час. Обледенелость стояла, и под Ферапонтычем на-текло. Видел он самый настоящий ужжастный сон, отгадки которому ни у какой гадалки, ни даже в соннике сестриц Фурьевых не найдешь.

Кучерявый скубент, похожий на того, чугунного, с Тверского бульвара, сымал с него португей. Сымаеть, так сымай, а бонбу в карман мне не суй, там у меня стаканà два тыквенных семечек еще осталось. И щакотки я не переносу, все это знают в околотке, включая супругу Серафиму Лукиничну, в девичестве Прыскину, статс-даму свиты ея величества флигель-горнист. Сымает, все сымает с меня, благородный и уважаемый скубент. Усе уже снял с меня, пузо воло-сатое аж до колен отвисло, а он все бонбу мне в карман — под кожу, что ли? — сует, и зачем? Конечно они ученые, им видней, а только ежели шарахнет — куды ж мне грыжу-то мою девать?

Супруга Серафима Лукинична, в девичестве Прыскина, с привычным страхом и уважением смотрела на свистящую, охающую, булькающую статую мужа.

— Танюшка, ты опять босиком шлепаешь? Опять секретничать?

— Лиза, сознайся, ты влюблена в Горизонтова! Верно?

— Как тебе не стыдно, Татьяна, говорить о таких

легкомысленных вещах в такой ответственный момент!

— Я знаю-знаю, я все вижу! Вижу, как ты на него смотришь. Ты так на него смотришь из-за плеча, что у меня мурашки по спине пробегают.

— Танька!

— Конечно, Витька — такой красавец... а в тебя Илюша влюблен!

— Вот это уже ближе к истине...

— А Надя любит Павла, а Коля любит Надю, — быстро пробормотала Таня. Она сидела у Лизы в ногах, коленки ее были обтянуты ночной рубашкой.

— А ты? — Лиза быстро схватила сестру за пятку. — А ты кого любишь, козленок?

Таня вдруг ответила серьезно и с полной готовностью:

— Я люблю Николая Евгеньевича Буренина.

Лиза изумленно вскрикнула, села в постели и уставилась на Таню. Та вдруг уронила голову в колени, всхлипнула.

— ...и Рахманинова. А еще молодого поэта Блока.

Старшая сестра рассмеялась.

...Ночи этой не было конца...

Унылая набережная Обводного канала была пустынна, когда Ехно-Егерн в закрытой коляске подъехал к дверям дешевых «меблирашек», где в третьем этаже угол одного окна был слабо освещен зеленым.

Брезгливо морща губы, перепрыгивая через замёрзшие кучки нечистот, подполковник, в статском платье похожий на клерка из Сити, вошел в дом, быстро взбежал по лестнице, прошагал по длинному коридору, где из-за дверей слышались храп, стоны, скрип пружин и другие неприятные для уха звуки, распахнул без стука дверь девятнадцатого номера.

Всякий раз, когда Ехно-Егерн видел эти глаза, ему становилось не по себе. Так и сейчас, столкнувшись со взглядом сидящего за столом черного человека средних лет, подполковник про себя чертыхнулся — чем-то ужасным всегда пахли, именно пахли эти глаза, даже не адом, чем-то похуже.

Не поднимаясь из-за стола, человек указал Ехно-Егерну на ненадежный по виду стул.

— Здравствуйте, Евно Фишелевич, — вежливо сказал подполковник, чуть скрипнув зубами.

— Вы опоздали на одиннадцать минут, Александр Стефанович, — тусклым механическим голосом заговорил Азеф. — Время наше весьма ограничено. Давайте сразу возьмем быка за рога. Думаю, что вас интересуют подробности последнего акта. Вы, конечно, догадываетесь, что остановить его я был не в состоянии...

— Да и незачем было его останавливать, — усмехнулся Ехно-Егерн и быстро заглянул в глаза Азефу, да так глубоко, что теперь уже тот вздрогнул. Все, все знает про него этот узколицый, умный, как бес, молодчик, жандармская шкура. Знает, что не за собачьи жалкие рубли служит он, Азеф, один из руководителей боевой организации эсеров, охранному отделению, а служит для того, чтобы оставаться этим руководителем, повелевать людьми, отчаянными смельчаками, двигать разрушительные силы. Знает жандарм и то, как оправдывает себя Азеф, как доказывает он себе, что он один умнее всей охранки, что не он у нее, а она у него на поводу. И с какой откровенностью, с каким цинизмом заявляет этот жандарм, что ему может быть даже на руку убийство Великого князя и что дело совсем не в этом.

— Евно Фишелевич, сегодня я, собственно говоря, попросту выполняю поручение полковника Ка-

раева, — мягко, как с больным, говорил Ехно-Егерп.

Новая струйка ненависти передернула лицо Азефа: «Сами, значит, не снисходите, крутите, вяляете, дубину Караева все подсовываете».

— Но попутно, Евно Фишелевич, хотел вам задать один вопрос. Есть ли у вас связи с руководством эсдеков, особенно с большевиками? Вроде бы должны быть — ведь боевое братство, а? Нас интересуют лица, носящие клички Борис, Клэр, Винтер, Коняга, Никитич, Глебов, Лошадь... Записывайте, пожалуйста, Евно Фишелевич... Может, чего услышите...

— Третий раз мы встречаемся, и третий раз вы меня спрашиваете об эсдеках, — хмуро, отводя в сторону глаза, сказал Азеф. — Похоже, что эта партия интересует вас больше всего...

Он поднял глаза и уставился в блеклые голубые зенки Ехно-Егерна. Тот невольно потянулся в кармашек за моноклем, но сдержался. Некоторое время они смотрели друг на друга не отрываясь, потом с рычаньем вскочили, начали ломать друг другу руки, брызгать слюной, пытаясь добраться до горла... Продолжалось это не более нескольких секунд, к обоюдному счастью. Третий раз они встречались, и третий раз у обоих одновременно вспыхивал неукротимый позыв к убийству, который быстро исчезал.

Через минуту они уже мирно сидели друг против друга, и подполковник передавал провокатору конверт с «собачьими рублями».

— Там как раз и письмо вам от Караева. А насчет большевиков не обижайтесь. Нет у нас в их среде человека такого ценного, как вы...

Черные мысли, как мухи,
Всю ночь не дают мне покою,
Жалят, гудят и кружатся
Над бедной моей головою...

Низкий женский голос с некоторой патугой вылетал из трубы заводного граммофона продукции «Юлий Генрих Циммерман». Николая Берга выводил из себя этот томный умирающий голос, он так и видел перед собой некую даму в теле, раскинувшуюся на софе. Николай отвлекся от разговора, смотрел на проклятый граммофон, стоящий на стойке буфета. Хозяин ночной чайной, видимо, очень гордился своей музыкальной машиной и без конца ее заводил.

«Таким образом, — назойливо думалось Николаю, — изобретение человеческого гения в руках идиотов превращается в орудие пытки».

Усилием воли он заставлял себя отворачиваться от граммофона и взглядывал на собеседника Илью Лихарева, юнцу круглолицего, аккуратно причесанного, с умными спокойными глазами. Николай вертелся на своем стуле, глотал лихорадочно пиво, затягивался папиросой, бросал ее, а Илья сидел совершенно вольно, закинув ногу на ногу, скрестив руки на стопке книг, затянутой ремешком, и пива почти не пил.

— Значит, и вы, Илюша, мечтаете об оружии?

— Я рабочий, Николай Иванович...

— Илья!

— Прошу прощения, Николай. Я рабочий и как рабочий мечтаю об оружии.

— По-вашему, все рабочие ждут оружия?

«Все ли? — подумал Илья, и перед ним проплыло страшное нутро мамонтовских рабочих казарм, где прошло его детство. Воианщие худосочные дети, орущие в пьяной драке родители, тошнотворные запахи гниющего тряпья, обмывок, обросшие плесенью стены... — Совсе не все. Сколько людей оступело, превратилось в тягловый скот, не представляющий другого образа жизни! И я бы мог стать таким, мог бы уже



хлестать водку и участвовать в поножовщинах, если бы...» — Он вздрогнул и сказал зло:

— Все. Даже самые неразвитые, несознательные в глубине души мечтают пустить в ход оружие. Степень эксплуатации, Николай Ив... Николай, увеличивается прямо пропорционально росту экономического прогресса. Вот вы были сегодня в цехе, видели мастера Столетникова...

— Скотина! Идолище азиатское! — вскричал Николай. — Да его надо немедленно уволить!

— Совсем не обязательно, — усмехнулся Илья. — Столетников далеко не самый худший мастер в Москве. Просто штрафы, пинки, зуботычины испокон веков считаются нормой русской рабочей жизни. Что Столетников? Мелкий шурупчик... Ломать надо всю машину!

Николай пришел на обувную фабрику, чтобы посмотреть на новую раскройную машину, доставленную из Германии. Пришел и угадал как раз на шумный скандал. Мастер Столетников в густом облаке матерщины тащил за вихры по цеху какого-то ученика. Мальчишка, оказывается, заснул за штабелями кожи и был застигнут дремлющим оком.

Мальчик молча с закрытыми глазами сносил побои, а Столетников все больше зверел, распалялся от этого покорства. Тогда несколько рабочих бросили станки и окружили их. Ученик тут завопил, мастер засвистел в полицейский свисток, рабочие закричали, размахивая кулаками. Весь цех загудел, и только лишь два немца-механика, не обращая ни на что внимания, продолжали возиться со своей машиной.

Когда Николай подбежал к месту происшествия, в центре перепалки уже был Илья Лихарев. Должно быть, он давно сменился, ибо одет был в чистое и под мышкой держал книжечки, но что-то, видимо, задер-

жало его на фабрике. Николай был поражен тем, как быстро Илья ликвидировал заваруху. Стоило этому скромняге пареньку сказать несколько слов, и мастер отпустил мальчика, а возбужденные рабочие вернулись на свои места. Похоже было на то, что Илюшу здесь держали повыше мастера.

— Мы вас предупреждали, Столетников, чтобы прекратили рукоприкладство,— услышал Николай негромкий голос Ильи.

— А ты кто такой, кто такой? — чуть не плача от унижения, шипел мастер.— Комитетчик, да? Смотри, Илья!..

Илья повернулся к нему спиной и тут столкнулся с Колей. С фабрики они вышли вместе.

— ...Наша фабрика вообще нетипичная,— продолжал Илья,— а вокруг-то ведь беспросветный мрак, холод, недоедание. Может ли человек мириться, что так будет всю его жизнь? Всю жизнь! До каких-то пор будет мириться, но однажды...

— Все я могу выдержать и понять, но вид страдающего ребенка вызывает и у меня желание взяться за оружие. Но... но послушайте, Илюша, ведь это все эмоции... а есть экономика, законы экономического развития. Вы же непрерывно читаете, читаете бездну книг... Знаете, что о вас говорит сестра?

— Какая?

— Таня. Она говорит, что вас и на баррикаде без книги представить трудно. Неплохо, да?

— Наверстываю упущенное. У меня ведь нет образования.

— Ну, так ведь книги говорят о сложности всего этого экономического, социального, политического переплета, связанного с революцией. Маркс пишет, что пролетарская революция начнется в странах технически самых развитых... Необходим для революции

опыт экономической борьбы, опыт демократической практики, культура масс. А что у нас — миллионы квадратных верст пустоты, дичь, темнота...

— И все-таки для России час пробил!

— Да вы мистик какой-то! Я знаю, что и в самой вашей партии есть люди, которые думают, скорее, как я, а не как вы с Павлом и... и...

— Они ошибаются. Вы увидите скоро, что правы мы с Павлом. И Надя Сретенская...

«Надя, Надя...» — повторял про себя Николай.

— Страшно за нее, — сказал он вслух.

— За Россию? — спросил Илья. — За нее не бойтесь.

Николай промолчал. Он морщился, слушая вылетающий из трубы марш кавалергардского лейб-гвардии его величества полка и глядел на вваливающиеся в чайную задастных извозчиков в синих поддевках поверх овчин.

Глава IV

Тихий вечер в Грузинах

В сером угасающем свете деревьев Цветного Бульвара и впрямь рисовались мрачной сеткой гравюр Доре к Дантову «Аду». Сливались с монотонным странным гулом чавканье усталых копыт по мокрому снегу, причмокиванья извозчика. Сливалась с темнотой его спина. Красин через весь город ехал на Грузины, к дому писателя Леонида Андреева, где проходило заседание ЦК.

«В середине нашей жизненной дороги, объятый сном, я в темный лес вступил...»

Как тихо на улице... Эта неожиданная оттепель... Мокрый воздух всегда волновал раньше, напоминал что-то неясное: молодость, любовь, путешествие, а теперь не волнует. На утреннем заседании сказано было много ценного... Может быть, Дубровинский прав... Хорошо, что удалось обернуться в Орехово и показаться на станции... Кстати, турбина действительно барахлит, надо будет поговорить с Морозовым о германском заказе, а также с Морозовым о...

100 Белые неподвижные столбы дыма в темном небе, пересечение ветвей...

— Барин, дальше-то куда-ть?

— Посэжай прямо!

Как говорится, едем с ярмарки. Ну, наша ярмарка впереди!

Конечно, конечно, Ленин прав: меньшинство в руководстве «Искры» до такой степени заплесневело, что съезд нужно собирать безотлагательно, чтобы не опоздать к событиям... О, сколько хлопот с этим съездом... Переезды через границу, линовые документы... сколько денег... Морозов больше уже не даст, не сможет... Может быть, прибегнуть к заграничному займу, это не такая уж безумная мысль...

Санки тащились вверх по горбатой пустынной улочке, и вот на какой-то точке подъема из-за крыши кособокого домика выплыла полоска гаснущего заката и на ее фоне появился силуэт встречного — узкоплечая фигура с поднятым воротником, над которым пеллепо торчком возвышалась круглая шляпа, подпираемая полукружиями оттопыренных ушей, узкая шаткая фигурка на неверных ногах, с неверной тросточкой, чуть трепещущая.

Красина вдруг снова охватило смутное непонятное чувство. Пейзаж был мрачен, но в то же время он вселял и какое-то успокоение, что-то расплывалось, растекалась душа, уходила куда-то к полоске заката...

Итак,

надо поговорить с Саввой и попросить его связать меня с Кацнельсоном, который сочувствует и безусловно знает Белкина-Хвостова, представителя «Лионского кредита»,

чтобы тот в определенный момент поговорил в Париже,

а в Лондоне, скажем, с Фельцем, ссылаясь на меня.

Вашков — наиболее подходящая фигура на мое место в Орехове.

Толковый электротехник,
был в ссылке вместе с Воровским.
Об этом нужно Савву поставить в известность,
пусть остаются свои люди,
если мне придется из Орехова выбыть.
Завтра же написать Вере Федоровне
благодарность
и изложить новый проект;
она молодец.

— Барин, а барин, куды-ть таперича?

— Поезжай по Лесной!

Теперь о Боевой технической.
В Петербурге дело идет на лад —
это хорошо.

Там наверняка и начнется.

Альфа и Омега — вот ведь молодцы;
представляю, сколько бы отвалили где-нибудь в
Брюсселе за их взрывчатку.

Болгарин из Софии —
не забыть.

В Москву, конечно, огонек перекинется,
не может не перекинуться,
иначе провал.

Здесь дело обстоит хуже, чем в Петербурге,
в подвале у Бергов работают химики,
этого мало;

кстати, вокруг этих Бергов целая группа нашей
молодежи, из них только Надя Сретенская знает
меня как Никитича,

позднее придется открыться.

Надя — идеальная подпольщица, да-да.

Что такое этот Горизонтов?

Смелости, конечно, отчаянной юноша,
такие будут нужны,
но за ним нужен глаз да глаз. Кажется, он отно-
сится к революции как к какому-то азартному спорту.
Должно пройти время, чтобы такие, как он, стали
настоящими бойцами...

...Совсем другая сейчас молодежь, чем в пору мо-
его студенчества...

Откуда у Павла Берга революционный пыл,
почему Савва ненавидит свой класс?
О Россия...

Толстой пашет землю...,
инженер Красин строит электростанции и делает
бомбы,
а Берги...

Младший, Николай, кажется, больше склонен к
электростанциям, чем к бомбам.

В этих братьях как бы соединились два моих
лица — революционер и строитель.

Надо, чтобы Буренин ввел меня к ним в дом для
начала просто как инженера Красина.

Инженером Красинным, просто инженером Кра-
синным я буду в новой свободной России.

Как хочется строить в свободной России и пере-
плюнуть все ваши калифорнии, мистер О'Флаэрти,
и Германию,
и британцев!

«Юная Русь» с электричеством в жилах еще уди-
вит мир.

Вот подъезжаем.

Лошадка трусила вдоль коночной колеи мимо ли-
нии подслеповатых домишек, за розовыми окошеч-
ками которых угадывалась потная малоподвижная
жизнь. Казалось, что у жильцов Лесной улицы

постоянно чешется тело. И вот проехали магазинчик с солидной вывеской

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КАВКАЗСКИМИ ФРУКТАМИ
КАЛАНДАДЗЕ

В окне магазинчика Красин успел увидеть Марию Искрянистову. Навалившись на прилавок Труба при свете керосиновой лампы читала пухлый и явно нелегальный том. На носу этой «прислуги за все» еще и пенсне блестело!

Вот черт,

с ней придется все-таки расстаться,

Семен прав:

прислуга, которая обращается к хозяину со словом «товарищ», не вызовет подозрения разве что у знаменитого Дормидонта Ферапонтовича Луева, городского с Бронной.

Под вывеской «Оптовая торговля» вот уже около двух месяцев работала подпольная типография ЦК, оборудованная опытнейшими красинскими «гвардейцами» из Баку — Енукидзе, Стуруа, Тодрия. Пока все шло хорошо. Любой посетитель, желающий вступить в торговые отношения с фирмой, мог ознакомиться с образцами товаров, имевшимися в лавке — двумя головами воюющего тушетского сыра, мешком кишмиша, вязанкой чурчхелы. Если заключалась сделка, кто-нибудь из подпольщиков отправлялся на Сухаревку, закупал там товар и поставлял заказчику. Под магазином между тем в жутком подвале, куда надо было пробираться ползком, печатались листовки.

Все шло нормально, и вот только Труба, специально выписанная на роль прислуги подпольщика из Иваново-Вознесенска, вызывала ярость темпераментных кавказцев.

— Зарежу! — трепетал за стенкой Стуруа, когда Труба в присутствии посетителей обращалась к «хозяйину» с такими словами:

— Товарищ, не скажете ли, где у нас находится швабра?

Проехали. Красин повернулся и еще раз посмотрел на вывеску, на дверь и мирный огонек в окне.

Завтра придет из Орла Черт — Богомоллов; говорят, надежный и изобретательный парень.

Марат рекомендует на заведующего

Соколова,

я его не знаю,

проверить;

все-таки «Нина» очень далека от центра,

нужно подумать.

Деньги, деньги, деньги.

В Грузинах было совсем тихо, словно в деревне, и лишь изредка нарушал идиллию резкий свисток с маневровых путей Брестской железной дороги.

Вот показался впереди пужный ему дом. Что это? Из калитки выскочил, перебежал улицу и спрятался под аркой напротив какой-то молодчик в коротких сапогах.

Красин, проезжая мимо, напряг зрение. Во дворе, показалось ему, мерцали дворничьи бляхи, ряды военных пуговиц, огоньки папирос. Может быть, просто мнительность? Подпольная работа нередко приводит к магии преследования.

За окном гостиной двигались многочисленные тени. Штора была чуть отогнута, и виднелась высоко стоящая свеча в длинном узком подсвечнике. Свеча могла быть сигналом об опасности, хотя уговору такого и не было. Так или иначе, неестественное оживление в квартире Андреева крайне подозрительно. Сейчас все чекисты должны спокойно сидеть за длин-

ным столом и слушать очередного оратора, а не метаться взад и вперед по комнате.

— Поезжай, поезжай, милый!

Завернув за угол и проехав еще квартал, Красин отпустил извозчика и отправился пешком почевать к брату Герману.

Ранним утром пришло известие от жены Леонида Андреева Александры Михайловны: ее муж вчерашним вечером арестован. Вместе с ним арестованы и отправлены в Таганскую тюрьму его «собутыльники» — Гальперин, Квятковский, Носков, Карпов, Сильвин, Дубровинский, Крохмаль, Розанов, Александрова — почти весь Центральный Комитет.

Красин подравнивал бороду в ванной и обдумывал происшедшее. Отлично выправленная бритва «Жиллет» в его руке слегка дрожала.

Такого провала у партии еще не было. Знает ли охранка, кого она сдавала? Кто навел их — провокатор или простые ищейки?

Надо действовать. Разыскать уцелевших членов ЦК. Любимов сейчас в Смоленске. Постоловский на Кавказе.

Кооптировать новых членов, уведомить комитеты. Начать выборы депутатов на съезд. Продолжать поиски денег.

Все ясно, как день: он переходит на нелегальное положение...

Сейчас первым делом нужно ехать на Спиридоновку к Морозову.

Морозов командирует его в Баден, на фабрику «Броун Бовери».

«...Вот причина исчезновения инженера Красина, господин полковник, как видите, она весьма проста — личная приемка частей новой турбины, — никому другому не мог поручить-с...»

Вашков там справится, и люди останутся на местах;

принять все меры для сохранения типографии и лаборатории;

документы достанет Грожан;

деньги, деньги, деньги.

Герман вошел в ваншю и посмотрел в зеркало на лицо брата.

— Поражаюсь я тебе, Леонид, проволочные у тебя нервы, что ли?

— Нет, не проволочные,— ответил Красин.

— Он обернулся и насухо, крепко-крепко вытер лицо махровым полотенцем.

— Я уезжаю, Герман, сегодня же и, должно быть, надолго.

Вечером он выехал в Смоленск к Любимову.

ХРОНИКА

Новая вспышка армяно-мусульманской резни, на этот раз в Эривани.

Столкновения рабочих с войсками в Орехово-Зуеве.

В Вильно в полиции была подвергнута обыску тринадцатилетняя девочка.

В № 13 газеты «Вперед» от 23 марта 1905 года опубликовано обращение «К партии», в котором излагаются основы соглашения 12 марта между Бюро Комитетов Большинства и ЦК и сообщается, что «дальнейшая работа по созыву съезда выполняется совместно БКБ и ЦК, которые образуют Организационный Комитет». Договор полностью напечатан в «Искре» № 95. От имени БКБ договор подписал С. И. Гусев, от имени ЦК— Л. Б. Красин.

Войсками расстреляна демонстрация в Варшаве.

В прибалтийский край для усмирения крестьян вызваны карательные экспедиции.

Объявлены на военном положении Кутаис, Поти, Батум.

В Женеве открылась конференция революционных партий и групп, созванная Гапоном.

На фронте началось новое наступление японских войск.

Глава V

*„...А древо жизни вечно
зеленеет...“*

Торговая Оксфорд-стрит была в этот час «пик» забита экипажами, омнибусами, автомобилями и залита солнцем. Свежий апрельский ветер с Атлантики дул вдоль улицы над бесчисленными котелками, кепи, мягкими шляпами, головными уборами дам, похожими на тропические острова, и над непокрытыми головами чудаков и вольнодумцев.

К этим последним никак нельзя было отнести двух джентльменов, неспешно идущих в толпе по солнечной стороне. Они были одеты вполне респектабельно и строго, и только, может быть, цепкий взгляд Шерлока Холмса по еле уловимым приметам угадал бы в них иностранцев.

Вчера закончил работу III большевистский съезд РСДРП, позади остались две трудных недели, доклады, прения, обсуждения, резолюции. Сейчас у обоих делегатов было облегченное, раскованное состояние, немного даже похожее на чувства студентов, «смахнувших» весенние экзамены. Последняя их совместная прогулка по неожиданно солнечному Лондону была бы попросту приятной, если бы не Березовский, один из эмигрантов. Этот третий, молодой низкорос-

лый, худой человек с распадающимися сальными патлами, с короткой верхней губой, обнажавшей расшатанные больные зубы, как раз обращал на себя внимание полисменов визгливым голосом, забеганием вперед, экзальтированной жестикуляцией.

Березовский прицепился, как клещ, к Ленину, на Красина же не обращал никакого внимания. Красин добродушно посмеивался, слушая, как он обрушивается на утомленного Старика потоки цитат, имен, дат, какие-то неясные угрозы и непонятные требования.

Вдруг Березовский, едва не сбив с ног уличного торговца, рванулся в сторону, застыл, полуобернувшись, и, вытянув палец по направлению к Ленину, воскликнул:

— История создается не в прокуренных залах, а на пропитанных пороховой гарью площадях!

Несколько англичан остановились на него посмотреть, но тут он захохотал демонически и бросился в боковую улочку.

Ленин и Красин рассмеялись.

— Он меня буквально заплывал своей эрудицией,— сокрушенно покачал головой Ленин и вынул носовой платок.— Какой-то просто физически неприятный субъект.

— Неврастеник.

— Меньше всего нам в партии нужны неврастеники. Согласны?

Они пошли дальше. Теперь уже ничто не портило им прогулки. Блики солнца прыгали в промытых витринах и вывесках, сверкали на верхушках цилиндров и на крышах экипажей. В толпе на разные голоса кричали уличные торговцы, преимущественно «кокни».

110 Высокий рыжий парень в ярком шарфе, обмотанном вокруг шеи, собрал вокруг себя целую толпу. Все

хотали, и Ленин, улыбнувшись, взял Красина за локоть и задержал шаг.

— Что он кричит? Я ничего не понимаю, — с досадой сказал Красин.

— Это типичный «кокни», — сказал Ленин. — Их очень трудно понять иностранцу, даже идеально владеющему языком, но я немного научился. Я ведь старый лондонец.

Он приподнялся на цыпочки и заглянул через головы на лоток торговца. Там было множество всякой дребедени: какие-то коробочки, цепочки, колокольчики, фигурки животных, бумажные цветы... Парень держал над головой стеклянную банку и бросал в нее одну за другой маленьких плюшевых змеек. Змейки эти невероятным образом выползали из банки, скользили по руке продавца и прыгали в лоток.

— Кричит он примерно следующее, — сказал Ленин Красину. — Я самый первый мошенник на Оксфорд-стрит! Покупайте мою ерунду! Фальшивые ценности! Штука — шесть пенсов! Каждый всего за шесть пенсов будет чувствовать себя обманутым! Ваши деньги принимаются с удовольствием!

Публика смеясь бросала монеты и разбирала товар. Ленин и Красин тоже взяли по чудесной змейке.

— Я люблю Лондон, — сказал Ленин. — Любопытнейшая толпа. Смотрите, вот идет офицер, будто налку проглотил, судя по загару, он из колониальных войск. А вот человек ловит шляпой капли, летящие с крыш. Город консерваторов и чудакос. Согласны?

Этим своим «согласны?» Ленин сопровождал все разговоры с Красиным, остро заглядывал Красину в глаза, прощупывал бывшего «примиренца».

Красин тоже поначалу отнесся к Ленину настороженно, но день за днем он убеждался, что у них

с Лениным гораздо больше общих взглядов, чем расхождений, все чаще его подкупали четко устремленная деловитость, ясный и мощный ум этого уже всеми признанного руководителя «большинства». Он был интеллигентом именно такого типа, который больше всего импонировал Красину, интеллигентом естественным, без всякого слюнтяйства и жантильности. Красин считал себя опытным революционером, инженером революции. При встрече с Лениным он сразу же смутно почувствовал, что этот человек обладает еще чем-то сверх того, что ему, Красину, дано, каким-то знанием на порядок выше.

К концу съезда он почувствовал дружескую симпатию к этому своему ровеснику, невысокому крепышу, совсем уже лысому, быстроглазому, веселому, долному жизни.

Они свернули в тень, в боковую улочку, и купили прямо с жаровни «фиш энд чипс» — жареной рыбы с картошкой, пищу лондонского плебса. Вот этого солидным джентльменам делать не полагалось, и продавец даже удивленно на них посмотрел.

— Люблю, ох, люблю, — говорил Ленин, вытаскивая из пакетика кусочки рыбы. — А вы, Леонид Борисович, небось к деликатесам привыкли?

— Из всех деликатесов больше всего люблю лук, соль и черный хлеб, но непременно свежий, — улыбнулся Красин. — Это у меня с детства осталось. И равуемется, пельмени, наши, сибирские...

— А вобла? — вскричал Ленин. — Воблу забыли? А мы в Симбирске после уроков, бывало... Скандал — гимназисты едят воблу!

Так они болтали и смеялись, а за их плечами уже был III съезд РСДРП, принявший решение о вооруженном восстании.

сать, и из залитого солнцем лондонского центра они все чаще невольно возвращались мыслями в сумрачное, неказистое помещение, где две недели назад старейший делегат, сорокалетний Миха Цхакая открыл съезд. Отголоски этих двух недель все еще звучали в голове Красина, как он ни старался отвлечься, дать отдых напряженному мозгу. Видимо, то же самое происходило и с Лениным. Он то и дело прерывал разговор и замолкал с напряженным отсутствующим выражением. Один раз он даже остановился и с полминуты постоял, прикрыв ладонью левую половину лица. Красин в это время с таким же отсутствующим выражением лица прошел вперед и остановился на солнечном перекрестке, поджидая спутника.

«Да, это Лошадь, на которую можно ставить! — усмехнулся Ленин и быстро взглянул на Красина. — Очень толково он оправдывался, и в доводах его был даже интересный смысл, относительно поворотного пункта, например... Как он говорил?»

Красин... Наше главное расхождение с так называемым «твердым большинством» состояло в том, что, когда последнее — многие из них уже *очень скоро* после II съезда — потеряло всякую надежду на какое бы то ни было примирение или объединение с меньшинством, мы не считали себя вправе отказаться от попытки в этом направлении, пока не были испробованы решительно все способы к объединению.

...Отношение ЦК к созыву партийного съезда начало изменяться к концу 1904 г., и уже на общем декабрьском собрании раздались голоса о необходимости объявить созыв III очередного съезда. Решительный поворот в сторону съезда совершился под влиянием событий 9 января. Эти

события, образующие поворотный пункт всего российского революционного движения, сразу поставили перед партией ряд задач, которые до тех пор или вовсе не затрагивались в партийной литературе или рассматривались, как дело более или менее отдаленного будущего...

«Я вертелся, как уж на сковородке, чтобы хоть как-нибудь объяснить наше примиренчество,— вспоминал тем временем Красин.— Однако, «твердокаменные» тоже не лыком шиты... Увесистые оплеухи я получил от товарищей, и поделом!»

Бельский (Красиков)... Я не согласен с тем, что ЦК будто бы никогда не был на стороне меньшинства, а был солидарен с большинством.

Орловский (Воровский)... Здесь говорят о благодарности ЦК. Я обращаю внимание товарищей, что за одобрением последнего акта ЦК не следует забывать о всей агитации ЦК против съезда. В частности, обращаю внимание на раскассирование Южного бюро, в котором я состоял. Это бюро было раскассировано исключительно за агитацию за съезд...

«Значительно легче было говорить о практической работе, о финансах...— Красин усмехнулся.— Большая техника, малая техника... транспорт... паспорта... тысяча... полторы... Ох уж эти деньги... Кажется, Старик поддерживает мой взгляд на источники наших доходов...»

«Очень толково он говорил о партийных средствах,— вспоминал Ленин.— Тут уже особенно отчетливо стал в нем проклевываться наш единомышленник. Бесповоротно — хватит подачек!»

Красин... Наблюдалось постепенное падение доходов от либерального общества.

...Характер партийной литературы, формы полемики — все это отталкивало платящую буржуазию.

Сказывалась и конкуренция социалистов-революционеров. Эффектные дела вроде сазоновского и каляевского пользуются особым сочувствием так называемого общества.

...Необходимо, чтобы партия жила на свои средства, а не на подачки буржуазии.

«Хорошо, что Старик отпустил наши грехи,— подумал Красин.— Я сразу увидел из его слов, что он хочет союза, а не войны».

Ленин... Доклад о деятельности ЦК касался больше техники, чем политики ЦК. С 1900 г. я слежу за деятельностью центрального аппарата партии и должен констатировать гигантский прогресс. Если он нас не удовлетворяет, так ведь полное удовлетворение наступит разве при диктатуре пролетариата, да и то едва ли! Имейте в виду, что «кооптация» все еще вредит! ЦК говорит мало о своей политике, ибо ничего хорошего о ней он не мог сказать. Главная его ошибка — это борьба против созыва съезда... но... больше радости об одном грешнике раскаявшемся, чем о 99 праведниках...

«Ну, а что касается принципов и тактики восстания, то Никитич излагал очень зрелые мысли»,— вспоминал Ленин.

Красин... Организация боевых дружин может сыграть большую роль. Эти организации могут сыграть роль ячеек, около которых в момент

восстания выкристаллизуются остальные элементы. Распространен взгляд на восстание, как на нечто статическое. Я думаю, что мы должны рассматривать подготовку восстания, как процесс динамический. Мало заготовить бомбы и оружие, надо уметь владеть оружием, действовать солидарно. Нельзя откладывать военные действия до момента решительного восстания, нужно приобретать навык. Мне кажется, что в понятие подготовки восстания входят отдельные попытки актов восстания.

...Мы не можем довольствоваться одним умением владеть оружием, недостаточно пробной стрельбы, надо научиться устраивать вооруженные демонстрации.

«Замечательно, что он не забыл о своих бакинцах, о типографщиках», — думал Ленин.

Красин... ЦК считал бы нарушением своего долга по отношению к группе в высшей степени ценных и преданных делу работников не отметить здесь того, что ими сделано для партии.

Я имею в виду не каких-либо выдающихся, всем известных деятелей партии, литераторов или вождей, я имею в виду тех скромных товарищей, энергией, умением, самоотверженным трудом которых создана и работает вот уже пятый год главная типография ЦК в России...

«Отлично, что в резолюцию внесли привет бакинцам. То-то обрадуются ребята!» — подумал Красин.

Из резолюций съезда. ...Третий съезд РСДРП, выслушав доклад ЦК о постановке партийных типографий в России и принимая во внимание, в частности, деятельность товарищей, ра-

ботающих в главной типографии ЦК в России с 1901 г., шлет свой привет названным товарищам и выражает надежду в недалеком будущем видеть их в числе тех товарищей, которые войдут в первую открытую легальную типографию РСДРП.

«Хорошо, когда человек признает свои ошибки с достоинством, без самобичевания, — думал Ленин, — вспоминая красинские выступления на съезде. — Хорошо, что и о нашей будущей работе он говорил с ясной убежденностью, хотя в чем-то, может быть, и спорной. Все-таки необходимо еще и еще раз показать всем товарищам, что мы тоже за объединение, но только на принципах централизма».

Красин. ...Я лично и сейчас очень скептически отношусь к возможности сколько-нибудь удовлетворительной постановки работы ЦК при русских полицейских условиях, пока партия не объединена в одно целое. Задача ЦК страшно трудна, а требования к нему, поставленные на II съезде, неизмеримо велики...

Прежде чем попасть сюда, мне пришлось на несколько дней заехать в уездный город Женеvu. Этого краткого времени было достаточно, чтобы понять, какие настроения, какая практическая политика может и по необходимости будет вырастать в такой атмосфере, понять, что, пока у нас преобладает заграница, мы не выйдем из того тупика, в котором партия сидит второй год. Щедрин когда-то восклицал: «Провинция, ты губишь людей!». К загранице можно применить то же. И я могу только пожелать, чтобы возможно большее число наших выдающихся товарищей возможно скорее приехали к нам в Россию. Я не хочу быть непонятым. Роль заграницы в прошлом громадна.

Товарищи, которые собрались здесь к 1900 г., совершили громадную работу, их усилиями, их знанием, их талантом заложен фундамент всей нашей партии, как партии социал-демократической. ...Но с момента, когда важнейшие теоретические вопросы были выяснены, когда были созданы и проведены в устав известные схемы будущей действительной организации партии, когда наступило время воплощения этих схем в жизнь, — заграница оказалась тормозом, препятствием, мешающим дальнейшему правильному развитию, — развитию партии. Точка зрения теоретиков, всегда склонных на первое место ставить свои схемы и лишь потом жизнь, сказалась немедленно же после II съезда в оценке деятельности ЦК «меньшинством» и потом «Искрой». Брюзжание, ворчливое недовольство, самая придирчивая, самая мелочная критика каждого шага, который делал или еще только собирался сделать ЦК, наконец, приписывание ему бюрократизма, канцеляризма, желания всех и вся стеснить, подавить, раскассировать и прочих качеств, существовавших лишь в воображении женевских и цюрихских ясновидцев, — таково то содействие, которое ЦК, а через него и вся партия, получили от заграницы при первых же попытках создать то, чего II съезд, вопреки мнению многих, не создал, для чего он только наметил схемы и нормы: создать действительную, единую, централистически организованную партию.

...Заграница сделала для партии все, что она могла сделать. С того момента, когда перед РСДРП *практически* встали задачи действительного создания партии, центр тяжести партийной политики переносится в Россию. Единая с.-д. ра-

бочая партия может быть фактически создана только сконцентрированием наибольшего количества сил в России, около российского центра. Мы должны затратить нашу энергию именно в этом направлении, должны сделать российский центр действительным центром нашей партийной жизни, предоставив в его распоряжение возможно большие материальные средства, а также и литературные силы. Партия, — единая централистическая с.-д. партия, — или не будет создана вовсе, или она будет создана нами там, дома, в России.

Красин посмотрел на идущего рядом, стучащего зонтом и улыбающегося своим мыслям Ленина и подумал, что это очень здорово, что состоялся III съезд и впереди теперь ясная цель и новый взлет борьбы, и замечательно то, что они поняли друг друга и он идет сейчас по Лондону рядом с человеком, который и принес партии эту ясность.

Ленин глянул искоса на прямого и стройного своего спутника в чуть сдвинутой набок шляпе и очень отчетливо вспомнил то, что говорил недавно Лядову:

— А все-таки большая умница наш Никитич, хорошо, что он с нами...

Состав Центрального Комитета партии, выбранного на III съезде:

Ленин — ответственный редактор Центрального Органа и представитель ЦК за границей, Красин (Зимин) — ответственный техник, финансист и транспортер, Богданов (Максимов) — ответственный редактор и организатор всей литературной части ЦК в России, Рыков (Сергеев) и Постоловский (Михайлов) — заведуют партийно-организационной работой в России.

На случай большого провала кандидатами в ЦК назначались: Эссен (Бур), Румянцев (Шмидт) и Гусев. Любимов (Зоммер) и Бибииков (Клещ) выделены в помощь Красину.

Ленин осуществляет связь с ЦК через секретарей Бюро ЦК в России — Афанасьеву (Серафима) и Стасову (Абсолют).

Они шли по узкому переулку, который запирало белое в черном переплете карнизов и рам то ли старинное, то ли стилизованное под старину здание крупного магазина.

В витрине магазина Красин увидел галстуки, повязанные виндзорским узлом. Он остановился в некотором замешательстве. Цены были сумасшедшие для члена ЦК РСДРП, но вполне по плечу инженеру Красину.

— Если бы мы могли приодеть своих агентов, — вздохнул Красин. — Российский жандарм благоговет перед белой манишкой, а на черную косоворотку сразу же делает стойку, как гончая.

Ленин прищурился и, отступив на полшага, осмотрел Красина с головы до ног, удовлетворенно усмехнулся.

— Скажите, Леонид Борисович, правда, что вы в Баку спасли во время шторма несколько человек? О вас рассказывали, что вы прямо в вашем комифотном облачении бросились в бушующие волны и...

— А знаете, что о вас говорят партийцы на Кавказе, Владимир Ильич? Один из них уверял, что вы двух саженой росту, с длинными черными усами и креститесь четырехпудовой гирей.

Ленин захохотал, схватил Красина за пуговицу.

— Сознаться, сознаться, Леонид Борисович, спасали утопающих?

— Участвовал в спасении, — сказал Красин.

Ленин пуговицу отпустил.

— Хорошо, что вы сильный. Мы должны быть сильными. Кто знает, что нас ждет впереди. Физические упражнения — великая штука. Любой свободный час надо использовать для бега, плавания, коньков, гимнастики...

— Помните Фауста? — улыбнулся Красин. —

Готов продать душу черту за вечную молодость, а ведь об утренней гимнастике — ни слова!

Ленин усмехнулся:

— Это фольклорный Фауст. А у Гете речь идет не о молодости, а о познании жизни. «Суша, мой друг, теория везде, а древо жизни вечно зеленет...»

— Вообще-то, — продолжал он с улыбкой, — утренняя гимнастика — вещь препротивная, но нужная. Согласны?

— Согласен.

Они вышли на respectableную Риджент-стрит. Толпа здесь значительно отличалась от разношерстного месива Оксфорд-стрит. Топ тут безусловно задавали собаки, огромные, чинно выступающие лоснящиеся доги, колли и сенбернары, маленькие пушистые японки с бантиками, тибетские терьеры, пудели.

— Так вы отбываете завтра? — спросил Ленин.

— Да, в Биши. Морозов мне назначил там встречу.

— Что он за человек?

— Раздвоенный, мечущийся, может быть, даже больной. Умница высшего толка.

Между тем они вышли на Пиккадилли-серкус, маленькую площадку с золоченой статуей Эроса посредине, вокруг которой кружили экипажи и открытые автомобили с обитыми мягкой кожей сиденьями, напоминавшие коляски без лошадей.

Большие часы царили над площадью, а под ними была надпись: «Ginnes Time».

— Время Гиннес,— сказал Ленин.— Видите, какая хитрая реклама под часами? Сколько бы ни указывали стрелки, всегда будет «время Гиннес», то есть время промочить глотку темным ирландским пивом «Гиннес».

— Я не прочь,— сказал Красин.

На Пиккадилли они зашли в обширное сумрачное помещение какого-то солидного паба с деревянными панелями и бронзовыми бра, с массивной, обитой медью и обтянутой кожей стойкой, над которой возвышался настоящий иконостас разномастных бутылок.

Они сели к столику в центре зала. Ленин вынул из кармана блокнот.

— Перед тем как проститься, Леонид Борисович, я хочу с вами еще раз поговорить о нашей «тайной» резолюции... вот это место...— он открыл блокнот.

Красин оглянулся — в пабе было пусто. Ленин коротко хохотнул.

— Вы часто оглядываетесь. Молодец. Конспиративные привычки у вас выработаны крепко. Впрочем, сейчас мы здесь совсем одни.

— Вот еще одна персона появилась,— Красин кивнул на забавного молодого субъекта смуглой окраски в ярком кашне вокруг шеи, похожего на обиженного индюка.

Субъект под взглядом Красина вдруг растерялся, поскользнулся, уронил стойку с газетами, шляпу, трость и в полном смятении ринулся в самый дальний угол зала.

— Вы скучаете по России, Владимир Ильич? — спросил Красин, глядя на массивный склонившийся к открытому блокноту лоб.

Не отрываясь от записей, Ленин коротко и сухо ответил «да», как бы закрывая перед Красиным некую дверку: мы, мол, с вами, батенька, еще мало вместе соли съели, чтобы задавать друг другу подобные вопросы. Красину стало неловко.

— Да, так вот именно это место, — отчеркнул ногтем Ленин.

Красин прочел отмеченное:

«...Принимая во внимание возможность того, что некоторые меньшевистские организации откажутся признать решения III съезда, съезд предлагает ЦК распускать такие организации и утверждать параллельные им, подчиняющиеся съезду организации, как комитеты, но лишь после того, как тщательным выяснением будет вполне установлено нежелание меньшевистских организаций и комитетов подчиниться партийной дисциплине...»

— Извините, Леонид Борисович, хоть вы и голосовали за эту резолюцию, — мягко сказал Ленин, — но, учитывая ваше «примиренческое» прошлое, я еще раз хочу обратить на нее ваше внимание. Убежден, пусть нас будет меньше, но мы должны быть твердыми и надо отказаться от болтовни...

Снова они шли вдвоем, теперь уже по Кенсингтон-роуд, и не смотрели больше на солнечные блики в витринах, на встречных дам и собак, вообще они забыли, что идут по Лондону в редкий для этого города солнечный день.

Вновь и вновь они обсуждали вопросы временного боевого соглашения с партией социалистов-революционеров, вопросы отношения к либералам, к крестьянскому движению...

«Да ну их к черту, — подумал тем временем субъект в ярком кашне. — Сколько можно плестись за ними? Все равно ничего не слышно».

Он кликнул кэб и через пятнадцать минут вошел в небольшое кафе на Стрэнде. Кафе было какое-то очень мягкое, покрытое стеганым плюшем — диванчики, пуфики, подушечки, и столь же мягким, стеганым, плюшевым казался толстый господин в углу, читавший «Панч». Это был глава русской заграничной агентурной службы коллежский советник Гартинг.

— Садитесь, «князь», — кивнул Гартинг и, вынув изо рта дешевую ямайскую сигару, выжидательно уставился цепкими рыжими глазами на субъекта в цветастом шарфе.

Тот фуфукнул носом, бубукнул, выдавив пухлыми губами желтенький пузырек, в глазах его появилась влага.

— Договаривались о закупке оружия в... в... в Японии, — пробормотал он.

— Только не врать! — оборвал его Гартинг. — Я полпути ехал за вами. Вы и на двадцать шагов к ним не приближались!

— Несколько раз приближался... — пролепетал «князь».

— О чем они говорили?

— Они смеялись, говорили о спорте, об уличных торговцах, о рыбе... В одном пабе они вынули какие-то бумаги, но я... но я в этот момент... упал... и...

— Все еще боитесь своих тифлисских дружков? — презрительно скривился Гартинг и пристукнул ладошкой по столу. — Ну-ну, еще заплачете! Черт знает с кем приходится работать... — он вынул из портфеля конверт. — Сегодня же отправьтесь обратно в Женеву и совершенно секретно передадите это письмо Георгию Аполлоновичу.

— Гапону? — глаза «князя» подскочили.

— Именно,— усмехнулся Гартинг.— Его можете не бояться. Через него получите дальнейшие распоряжения. Идите.

«Князь» — Арчаков вышел из кафе, и к Гартингу тут же подсел с улыбочкой человек в пенсне, в хорошем, очень добротном костюме берлинского бюргера.

— Вот с кем приходится работать, Андре. Что бы я без вас делал, не знаю,— проворчал Гартинг.

Сосед по купе, сидящий напротив, чем-то волновал, почти раздражал Красина, хотя более безликую, незаметную личность придумать было трудно.

Короткий ежик полуседых волос, выцветшие голубые робкие глазки, целлулоидовые полукружия оттопыренных ушей, пожелтевшие уголки целлулоидового воротничка. О такой персоне ничего и не скажешь, кроме «сосед», «пассажир», «покупатель», «прохожий»... Впрочем, может быть, именно эта неприметность одежды, манер, общее выражение лица и раздражали Красина. Он закрылся французской газетой и стал читать различные прогнозы предстоящей схватки русской армады с японцами.

Красин был в дурном настроении. Он думал о последней своей встрече с Морозовым. Суетливость, беспричинный дребезжащий смех, темные блики страха в глазах Саввы Тимофеевича выбили его из колеи. Он чувствовал, что в душе Морозова происходит какой-то неотвратимый, роковой процесс. Он отогнал тогда от себя это ощущение, но оно возвращалось снова и снова.

За короткое время их знакомства они очень сблизились. Красин с юношеских лет знал за собой свойство быстро, без оглядки привязываться к людям и потому часто заставлял себя быть сдержанным, даже

суховатым с теми, кто ему правился с первой встречи. Всегда сдержанным он был и с Морозовым, хотя ему чрезвычайно пришлось по душе этот умный и печальнейший человек. Морозов отвечал ему такой же сдержанностью, уважительной, деловой, прохладной. Так нередко бывает между гордыми и независимыми людьми: долго они сохраняют в своих отношениях вежливую корректность, хотя оба прекрасно понимают: да, друг... точно — друг...

В эту их встречу в Виши Морозов смог дать совсем немного денег — больше у него не было: все дела прибирали к рукам родственники. Радостно набросившийся в первый момент встречи на Красина, он через несколько минут поблелел и стал нугливо оглядываться.

— Рассказывайте быстрее. Я не хочу, чтобы вас видели здесь...

— Кто?

— Вообще... Жена и вообще...

На глазах этого еще совсем недавно властного, жесткого человека появились слезы.

Красина передернуло, когда он вспомнил лицо Морозова в тот момент. Он отложил газету и стал смотреть в окно на милый французский пейзаж — зеленые холмы и лиловатые ложбины, скопления белых пятен и сверху красные пятнышки — проплывающие на горизонте крохотные городки с черепичными крышами и шпилями церквей.

Сосед был закрыт газетой, тем же «Фигаро». Вдруг он тихо пискнул. Газета опустилась. Глаза его округлились, рот приоткрылся.

— Подумать только, мсье, подумать только, — с почтительным ужасом произнес он.

— Простите? — сквозь зубы сказал Красин.

— Вы не прочли это сообщение? Вчера в Виши

застрелился русский миллионер Морозов! Подумайте только, мсье, и чего человеку не хватало?

Глядя прямо в выцветшие, трепещущие, словно ждущие ответа глаза, Красин медленно поднимался с кресла. Голова его закружилась вдруг, и он схватился за подлокотники.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

...От ворот до Покровского храма, где была совершена литургия и отпевание, по обе стороны дороги шпалерами выстроились депутаты с венками.

На похоронах присутствовали представители всей торгово-промышленной Москвы, представители ученого, литературного и художественного мира... известные представители московской адвокатуры, почти вся труппа Художественного театра... представители земства... и много рабочего люда. Скоплению последних способствовали прекрасная погода и воскресный день.

К началу литургии прибыл московский генерал-губернатор Козлов.

Вследствие узкой дороги, ведущей к могиле покойного, и страшной тесноты туда могло пройти немного публики. Могила обита внутри белой материей, а на последней нашит большой крест из золотого глазета.

С большим трудом пронесли к могиле венки. Большая часть — из живых цветов, есть много серебряных. На некоторых венках от рабочих и служащих имеются очень трогательные надписи...

«Московские Ведомости»

...когда я прочитал телеграмму о его смерти и пережил час острой боли, я невольно подумал, что

из угла, в который условия затискали этого человека, был только один выход — в смерть. Он был недостаточно силен для того, чтобы уйти в дело революции, но он шел путем, опасным для людей его семьи и его круга. Его пугали неизбежностью безумия, и, может быть, некоторые были искренно убеждены, что он действительно сходит с ума...

А. М. Горький.

Полный разгром русского флота в Цусимском проливе.

В Москве князем Волконским и другими организована черносотенный «Союз русского народа».

Расстрел рабочих на Талке в Иваново-Вознесенске.

Президент Северо-Американских Соединенных Штатов Т. Рузвельт начал переговоры с русским и японским правительствами относительно свидания Ойямы с Линевичем для выработки условий перемирия.

Расстрел демонстрантов в Лодзи.

В Ростове-на-Дону А. Гончаров покушался на жизнь чистосердечно раскаявшегося на допросе и выпущенного из тюрьмы П. Максимова. Оба члены «донского отделения с.-д. р. партии».

— Вся беда нашей державы состоит в том, что руководят ею бездарные люди. Ну, почему, скажите, Второй Тихоокеанской эскадрой командовал тупица Рожественский, а в Порт-Артуре заправлял олигофрен Стессель? Кстати, слышали, господа, эпиграмму

о Стесселе? Автор — мерзавец Пуришкевич, но бьет она в самую точку:

Я слышал — Стессель Анатолий
На десять лет упряган в крепость.
Какая, говорят, нелепость —
Он даст и эту ... ma parole! ¹

— Прimitивно рассуждаешь, любезный братец! — прервал Николая Берга старший брат.

— Подожди, подожди, Павел, не перебивай! Леонид Борисович, вы слушаете? Я хочу до конца развить свою нехитрую мысль. Так вот, государство наше великое и народ великий, и, несмотря на все наши уродства и искривления, все-таки во всех сферах происходит процесс естественный — одаренность так или иначе возвышается над тупостью, талант над серостью.

Строят пароходы и паровозы, дома, фабрики, трамваи, выращивают скот, делают вино, торгуют подтяжками и «чудодейственными» лекарствами люди деятельные, энергичные, одаренные светлой мыслью. Без этого невозможно, без этого бы все давно развалилось, любое общество погибло бы.

Но есть у нас одна сфера, где все происходит наоборот, где только бездарность, только тупица-чиновник может применить свои силы, куда талантливому человеку путь заказан. Это сфера административная, руководящая, правительственная. Там достоинства — не ловкость, а лень, не вдумчивость, а безмыслие. И вот получаются трагические ножницы, несоответствие, разлад. Кучка бездарных чиновников сводит на нет труд миллионов талантливых людей. Разве не так?

Николай Берг пробежался по веранде, зачем-то

¹ Честное слово (фр.).

хлопнул ладонью по раме и обернулся к обществу, нища сочувствия или возражения. Последнее не заставило себя ждать.

— Прimitивно! — крикнул Павел. — Таланты и бездарности. Очень просто! Ты начисто забыл о классовой структуре общества!

После этой совершенно обычной стычки братьев на веранде наступила тишина. Сегодня в Шашкино, загородное имение Бергов, приехал новый гость, известный инженер-электрик Красин. Никто из присутствующих не вмешивался в спор. Подразумевалось, что сейчас выскажется именно он.

Общество расположилось вокруг длинного стола с традиционным самоваром во главе. У самовара хозяйничали Лиза с Таней, Красин и Буренин сидели в центре, Горизонтов и Лихарев напротив, с ними и Кириллов, который привез Красина. Надя Сретенская по своему обыкновению устроилась на углу в тени, откуда диовато посвечивала глазами. Павел хотел было пристроиться рядом с ней, но был отогнан каким-то тихим словом и теперь, так же как и брат, разгуливал со стаканом по веранде, только другими траекториями.

А вокруг веранды бесчинствовал уже июнь. Запахи табака, резеды и метиол, свежей листвы, травы и воды, коры и смолы, смешавшись вместе, волновали юные существа, отвлекали их от мыслительных процессов. В зеленовато-золотистом свете заката по цветущим кустам сирени проходил ветер, и они колыхались укромно, а ветер залетал на веранду.

— В том, что говорит Николай Иванович, есть, конечно, свой резон, — проговорил Красин, внимательно оглядывая всю компанию. Он уже успел разобраться в не очень-то сложной системе пересечения взглядов, и только один взгляд, поблескивающий

взгляд его связанной Нади Сретенской был ему неясен.

— В конечном счете я согласен с Николаем Ивановичем, — сказал он. — Бездарность несправедливо людей недюжинных, она никогда не даст им выйти вперед, и поэтому царский бюрократический аппарат обречен на деградацию.

— Видишь? — торжествующе крикнул брату Николай. — Есть неглупые люди, свободные от ваших марксистских догм. Люди, которые видят вещи в их истинном свете.

— В истинном свете! — воскликнул Павел, потрясая руками, расплескивая чай. — Вы, либералы, почему-то как огня боитесь классовой оценки явлений. Не хватает еще разговоров об «извечной борьбе добра и зла» и прочей мистике.

— Вы считаете меня либералом? — спросил Красин Павла.

— Простите, Леонид Борисович, но либерал для меня не самое ругательное слово, — с разгону обернулся к нему Павел и вдруг, всей кожей почувствовав насмешливый взгляд Нади, бурно покраснел, чуть слезы не брызнули.

Красин с легкой улыбкой сделал небрежный светский жест: либерал, мол, так либерал.

«Как он держится, какая выдержка, — думала Сретенская, — какое волевое лицо! А Павел — мальчишка...»

— В нашей семье, Леонид Борисович, все убежденные марксисты, — любезно и несколько снисходительно пояснила, высунувшись из-за самовара, Татьяна. — Кроме Николая, все...

Красин одобрительно покивал ей.

— Нынче все марксисты, а я вот электротехник.

— Bravo, Леонид Борисович! — закричал Николай Берг, влюбленно глядя на него.

После этого возгласа возникла пауза. Потом отчетливо прозвучал спокойный голос Ильи Лихарева:

— Вопрос сейчас не в том, как сложился царский аппарат, а в том, как его разрушить.

«Вот так, сразу быка за рога,— подумал Красин и внимательно посмотрел на Лихарева.— Должно быть, внутри у этого паренька пар поднят до высшей точки».

Он уже кое-что знал о молодом рабочем берговской фабрики с партийной кличкой Канонир, знал о его большой и полезной работе среди обувщиков, о неистовой страсти к самообразованию, теперь вот увидел его и сразу догадался: во-первых, влюблен, безусловно влюблен в Лизу Берг, а во-вторых, готов уже для баррикад, все в нем внутри бурлит, он еле сдерживается, но сдержится — нервы крепкие.

В самом деле, при одном только взгляде на Лизу круглощекий аккуратист в подштопанном пиджачке заливается краской, но вот он произнес короткую и, прямо скажем, довольно энергичную фразу про «царский аппарат», и в лице его обозначились мгновенно резкие линии, углы, а в глазах промелькнул жесткий блеск.

Красин подумал о том, как изменился тип рабочего-революционера с того времени, когда он пришел по заданию Бруснева в кружок на Обводном канале в Питере, с тех времен, когда он занимался агитационной работой на фабриках Кохмы, Шуи, Иваново-Вознесенска. Среди тех, первых, были еще такие, которые считали, что «царя-батюшку енаралы обманывают»... Современный передовой рабочий читает Маркса, знает историю, он уже думает о будущем своей страны. Вот ведь не кто-нибудь, а именно «Канонир» резко и, пожалуй, даже властно изменил направление беседы. «Вопрос сейчас не в том, как сло-

жился царский аппарат, а в том, как его разрушить».

Павел Берг рванулся было вперед, но, поняв, видимо, что его мнение и без того ясно всем присутствующим, остановился и молча обернулся к брату.

— Выход один, — тихо сказал Николай. — Как это ни противно, нужно идти к ним, к этим тупицам, открывать им глаза, беречь их заплывшие жиром мозги, просвещать их...

Взрыв хохота заглушил его слова. Хохотали Горизонтов, Лиза, Илья, Павел и даже Надя. Каждый, видимо, представил себя среди персонажей картины «Государственный совет» в роли просветителя.

— Вот эсеры и идут к ним! — орал Горизонтов. — Вот и просвещают! Сазонов и Каляев здорово их просветили! Если так просвещать, то я согласен!

— Я стал замечать у тебя, Витя, симпатии к эсерам, — строго сказал ему Павел Берг. Он пристально следил за политическим развитием Горизонтова, ибо считал себя его крестным отцом в области научного социализма.

— А что? — задиристо вскинулся Горизонтов. — Некоторыми ребятками из их числа я просто восхищаюсь. С удовольствием бы и сам ухлопал какого-нибудь Дурново или Святополка-Мирского...

— Личный террор — глупость! — крикнул Павел.

— Не учи ученого! — по-мальчишески огрызнулся Горизонтов. — Я большевик и не хуже тебя знаю...

— Ты уже и большевик? — удивленно спросил Павел. — Не знал, не знал...

— Много ты про меня знаешь, — буркнул Горизонтов.

— Что касается меня, то я против раскола эсдеков, — сказала вдруг Лиза и покраснела.

Молодежь горячо заговорила разом. Буренин и Кириллов тоже приняли участие в разговоре о съезде. Молчали только Надя и Красин.

«Вот идеальная подпольщица», — думал о девушке Красин.

Красин вынул из кармана змейку, ту самую, купленную на Оксфорд-стрит во время прогулки с Ильичем. Плюшевая эта ленточка поражала его — по каким-то необъяснимым законам сцепления и скольжения она ползла по руке, словно живая, а на гладкой поверхности развивала престо-таки безудержную активность.

Он играл змейкой и смотрел на расшумевшуюся молодежь. Он знал, что эти юноши и девушки преданы делу революции и даже «позитивист» Николай не раз перевозил нелегальную литературу, а сестрички, так те на прошлой неделе, замаскировавшись под белешвеек, раздавали прокламации на Сухаревке солдатам Ростовского полка. Славные ребята. Однако сейчас совершенно уже необходимо прекратить дачную болтовню и делать дело, только дело. Спорить будем потом, а сейчас нужно напрочь искоренить эту русскую интеллигентскую расхлябанность, «душу нараспашку», эту отрывку нигилизма, столь удобную «гороховым пальто». Спорить будем потом и потом будем строить, что-нибудь выдумывать, потом будем любить — авось, времени еще хватит. И обязательно разгадаем загадку этой змеи.

Разговор постепенно затихал. Первой заметила змейку Таня. Глаза ее расширились, отражение их растеклось по пузатой поверхности самовара. Красин бросил змейку в сухой стакан, и та тотчас же выползла оттуда, заюлила по накрахмаленной скатерти.

— Боже мой, Леонид Борисович, что же это у вас такое? — вскричала девушка.

— Это самый таинственный зверь в Европе,— улыбнулся Красин.— Ядовитая змея из плюша. Дарю ее вам.

Все столпились вокруг счастливой Тани, Горизонтов уверял, что он таких в Гонконге ел живыми, а Красин встал и попросил Кириллова проводить его до станции.

...— Я вам забыл рассказать важное, Алексей Михайлович,— говорил Красин по дороге.— Камо с товарищами перехватили и допросили какого-то Арчакова, есть у них такой «ручной» провокатор. Оказывается, охранка засылала его на Гапоновскую конференцию, а потом он побывал и в Лондоне. Из его показаний видно, что охранка знает о существовании Винтера и Никитича, но не подозревает, что оба эти лица — Красин. Кроме того, выяснилось, что мое имя ни разу не выплывало на допросах наших арестованных декистов. Коля Берг прав — бездарность в империи процветает, она проникает и в охранное отделение. Печально, печально... Куда мы идем?

Оба рассмеялись.

— В общем, я снова легален,— продолжал Красин.— В Орехово на всякий случай возвращаться не буду, но службу уже подыскал в Питере.

— Что за служба, Леонид Борисович?

— Служба завидная и весьма удобная во всех отношениях. Я буду заведовать кабельной сетью «Электрического общества 1886 года».

— Но как же с нашим бетоном?! — огорченно воскликнул Кириллов.

— Не волнуйтесь, Алексей Михайлович, я оговорил условие приступить к работе только осенью. Так что бетоном мы займемся в самое ближайшее время. Теперь относительно парохода. Мне это дело, откоро-

венно говоря, не очень нравится. Тут замешан Гапон, а это имя почему-то мне не очень по вкусу. Может быть, и ошибаюсь. Некоторые товарищи в ЦК считают, что надо рискнуть. Оружие необходимо. Так что пароход будем принимать...

Буренин и Горизонтов ушли с веранды в столовую якобы для того, чтобы опрокинуть по рюмке «шустовки». На самом деле к «шустовке» ни тот ни другой и не притронулись.

— Вам, Англичанин, скоро придется выехать в Санкт-Петербург, — сказал Буренин. — Приказ Никитича.

— Отлично! — воскликнул Горизонтов. — Надеюсь, наконец-то дело?

— И пресерьезное. С собой вы возьмете трех-четыре самых надежных людей из вашей группы, а по приезде в столицу займетесь чем-нибудь отвлекающим, чем-нибудь наиболее идиотским. Ждать придется, может быть, месяц, может быть и больше.

— Я знаю, чем займусь, — улыбнулся Вася Англичанин. — Футболом.

— Теперь о Тюфекчиеве, — сказал Красин уже на дачном перроне.

— Тюфекчиев, Тюфекчиев, — пробормотал, наморщив лоб, Кириллов.

— Ну, тот болгарин, который мудрит над бомбами «македонками». Из Парижа пишут, что нашего человека ждут в Софии.

— Поедет Омега? — быстро спросил Кириллов.

— Правильно, — Красин протянул руку. — Вы возвращаетесь в Шашкино?

Из-за леса уже выкатился слабенький среди горющего закатного неба фонарь паровоза.

— Да, мне нужно еще отвезти Надю, — сказал Кириллов с некоторым смущением.

Красин очень крепко пожал ему руку, заглянул в чистое, славное лицо этого скромного человека, а потом проводил взглядом прямую, «гвардейскую» его фигуру.

Буренин и Павел шли в сумерках по главной аллее Шашкинского парка.

— Николай Евгеньевич, я говорил с сестрами и с братом. Все мы готовы, также и Николай, хоть на будущей неделе продать всю нашу недвижимость и передать вырученные средства партии. Поймите, я не могу жить так, как я живу, зная, что партия задыхается без денег!

— Павел Иванович, успокойтесь, — Буренин деликатно, но крепко взял под руку старшего из юных Бергов и повлек его к красивому ценному мостику. — Ваш дом и имение — прекрасные явки. Все свои средства вы и так передаете на дело революции. Партии выгоднее, чтобы именно вы были хозяином фабрик, а не какой-нибудь Тит Титыч. Теперь послушайте, и это главное. Ленин и Никитич поручили мне передать вам...

— Они знают обо мне?

— А как же вы думаете! Итак, принято решение приступить к организации на ваших фабриках боевых дружин нашей партии, начать вооружение рабочих и обучение военному делу...

— Bravo, — прошептал возбужденный донельзя Павел.

Таня и Лиза играли в серсо почти до полной темноты и только, когда колец совсем не стало видно, бросили игру и побежали к дому. Из дома уже

доносились аккорды рояля: Николай Евгеньевич играл «Блестящий полонез». В освещенных дверях веранды застыл с поднятой к волосам рукой силуэт Нади Сретенской.

Надя посторонилась, пропуская Лизу, а Таню задержала, схватила за руку.

— Что Надюша? — спросила Таия.

— Таня, отдай мне эту змейку, — прошептала Надя, — прошу тебя ради всего святого, умоляю, — она задрожала, — отдай мне эту змейку!

— Да что с тобой, Надя? — строго сказала Таия. — Ну что ты, как маленькая? Возьми, пожалуйста, эту ерунду и успокойся.

Николай стоял в полной уже темноте среди кустов сирени. Он смотрел, как за стеклом опустевшей веранды ходит взад-вперед Надя. Ему хотелось позвать ее, ему весь вечер хотелось ее позвать...

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

Демонстративные похороны убитых во время июньской демонстрации в Лодзи.

Расстрел толпы в Ставрополе.

Всеобщая забастовка и уличные бои в Лодзи.

Баррикады в Одессе. Столкновения рабочих с казаками.

Создана американская рабочая организация «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ).

Глава VI

Начинают броненосцы

В толчее на Садово-Триумфальной Илья вдруг оказался перед цветочным рядом и растерялся. Ему неудержимо захотелось привезти Лизе тюльпаны, пионы или вот эти розы, огромные, кремовые, большой букет, пусть хоть четверть получки уйдет на это, но... но ведь это же будет полная нелепость — явиться в Шашкино с розами, тоже кавалер нашелся, ты рабочий, а она богачка, впрочем, это ерунда, вы с Лизой — товарищи по общему делу, и вдруг ты являешься с цветами, как какой-нибудь офицерик. Нет уж, такого не будет... Но ведь она даже и не подозревает, что он... что он о ней бесконечно думает...

Как странно шашкинские вечера! Разве замечал ты раньше висящих над аллеями стрекоз, паучьи хлопоты меж ветвей, капли на листьях, прозрачность листьев, их жилки?

Витька Горизонтов ни секунды не раздумывал бы перед этими цветами. Конечно, ему и в голову не пришло бы привезти Лизе цветы, но если бы пришло, он тут же бы их купил и привез. Флотские, они такие...

Горизонтов куда-то исчез, и Лизе теперь не на кого смотреть через плечо этим ее взглядом, и самое

время привезти ей цветы, вот хотя бы те красные гвоздики, красные гвоздики, огненные, это просто будет как товарищеская солидарность... Глупость, глупость — в Шашкино с цветами, в Шашкино, где гвоздики растут под ногами.

Вдруг Илья увидел неподалеку какое-то завихрение толпы, мельканье рук, газет... Двое в котелках прошли мимо с развернутыми «Ведомостями». Илья услышал:

— Уму непостижимо — бунт на флоте!

Мгновенно забыв о цветах и о Шашкино, Илья бросился в толпу, и тут воздух разрезал веселый пронзительный крик мальчишки-газетчика:

— Восстание на Черноморском флоте! Красный флаг над броненосцем «Князь Потемкин-Таврический»!

Через несколько минут Илья уже был на имперiale конки. Быстрее, быстрее! В мире происходят потрясающие события! Еще и еще раз Илья перечитывал сухие строчки телеграфных сообщений, и даже дыхание у него перехватывало. Броненосцы, гигантские чудовищные утюги с огромными пушками, плавающие несокрушимые крепости, подняли красные флаги! Все! Это начало! Начало конца для старого мира, начало начал для нас! Быстрее на фабрику, рассказать ребятам, надо быть наготове, сегодня же вызвать Павла, собрать ячейку...

Кое-кто на фабрике, видимо, уже слышал новость. В дверях цеха Илью остановил хмельной пошатывающийся мастер Столетников.

— Илюша! Петрович! Петрович Илья! Я тебе жить давал? Нет, ты скажи, давал? Давал, давал и почти что, можно сказать, не препятствовал, сам знаешь... А теперь как ваша власть придет, не обидишь?

Илья, оттолкнув Столетникова, вбежал в цех.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

«Георгий Победоносец» сдался властям.

«Потемкин» прибыл в румынский порт Констанцу. Румыния предложила броненосцу сдать-ся румынским властям.

«Потемкин» в Феодосии. Обстрел «потемкинцев» войсками.

Япония заняла остров Сахалин.

«Потемкин» сдался румынским властям в Констанце.

Религиозное умопомешательство. На днях у мирового судьи 7-го участка было рассмотрено дело по обвинению крестьянина Ксенофонта Виноградова, выдававшего себя за Илью Пророка, и сожительницы его Евдокии Ручьевской, именовавшей себя Богородицей. *«СПб. Ведомости»*.

Только по подписке за 1 рубль. Печатается и рассылается немедленно альманах —

Полиция и бюрократия по страницам русской сатиры. *«СПб. Ведомости»*.

Каково усердие! Цензурный Комитет, ныне именуемый Комитетом по печати (г-н Бельгард), устранил из всех пьес Пшебышевского слово «тело». Bravo! *«Виржевые Ведомости»*.

— Вот и правильно, что устранил, — сказал, отчихавшись, Высший Чин. — Тело — вещь сумнительная, потому что с грудями.

Стоя посреди горницы, Ферапонтыч свистел паровозом. Ну и сон ему нынче снился — чистый парад-ассамблей!

— Совершенно правильно позволили отметить, ваше высокоси́ятельство, бывает тело благородное, воинское, а бывает так, что под оболочкой бесстыдства скрывается нечто.— Генерал, высказавшись, заглотнул слизистый гриб.

Полковник, покопавшись в суточных щах, отчего борода его украсилась отменнейшим зеленоватым бордюром, щелкнул под столом каблуками и весело доложил:

— Позавчера, ваше превосходительство, в комедии смотрели с супругой художественную пьесу «Тайфун». Апогей там достигает безумства, когда самурай Хари-Ноги из любви к миледи Доу (такой, доложу вам, товар, господа!) делает себе хакари кривым ножом и на глазах почтеннейшей публики на сцену вываливаются ...что бы вы думали?.. кишочки, господа, натуральные кишки! Вот от такого «тела» получаешь истинное наслаждение, потому что кишочки-то японские! Уж мы смеялись с супружницей, ажник чуть не лопнули!

Все офицеры с удовольствием поохотали, вообразив совершеннейший японский позор, а хозяин фатеры Дормидонт Ферапонтыч Луев рванул меха гармоники, а благоверная его тонким голоском, так что жилы чуть не порвались на курином горле, воспроизвела популярное:

Генерал японский Ноги —
Батюшки!
Чуть унес от русских ноги —
Матушки!

Блестящее общество пожаловало к Ферапонтычу не совсем внезапно: всех этих господ, персон, в отечестве почитаемых и любимых, Луев не раз видел во сне и предчувствовал их появление: как раз Сера-

фима Лукинична новую кадушку с грибами вскрыла, а у начальства нюх на такое дело ахов.

И вот явились — заскрипели, подгибаясь, половинцы, запахло фиксажуром, алексипром, одеколоном подмышечным, сливочным кремом, коньячной отрыжкой и сыром французским; здесь проживает верный слуга государев господин Луев Дормидонт Ферапонтыч? — а мы с визитом а ля фуршетно посидим культурненько, без шансонеток; давай, Луев, мечи что ни есть из печи!

И вот расселися, а господа скубенты вокруг флигеля с бойбами бродют, напевают про себя «Тумбуразку», — кабы знали об луевских гостях, то-то было бы фейерверту!

— Как хотите, господа, а вся беда Расеюшки заключается в автомобилях, — задумчиво сказал, водя пальцем в блюде студня, пристав. — Обыватель, а особливо иноверец поганый, видя коляску, катящую без лошадей, убеждается, что можно прожить и без полиции.

— Я конечно, ваше высокопревосходительство, — пытаюсь раскурить соленый огурец на манер сигары, обратился к Высшему Чину околоточный надзира- тель, — я конечно за государя нашего нынешнего Николая Александровича жисть свою окаявную отдам, околоток с молотка нуцу, сундуки пожгу! А все ж таки при Николае-то Павловиче, при Первом-то авто- мобилей на российской территории не было...

Все тут при этих непростых словесах как бы между прочим замолчали, взялись ковырять пальца- ми в горчице, в студне, в носу — все ждали слов Высшего Чина.

— А вот и верно, не было при Николае Павло- виче вонючих автомобилей, а шпицрутен был, — с все- селым задором сказал Высший Чин.

Все офицеры тут радостно загалдели про Николая Павловича, которого Палкиным грубый мужик прозвал, а надо бы Великим. Порядок был при том царе и в военном деле не хромали — Крымскую канпанию отгрохали, это вам не тютюкня хвост. Проиграли, говоришь, Ферапонтыч? Мало что проиграли — зато турчатины сколь навалили под Севастополем!

— Господа, господа, Ферапонтыч в автомобилях видит элементы прогресса!

— Так точно, хоть голову секите!

— А шляпы нынешние бабские вроде корзин да с аршинными булавками тебе не колют?! — наскочил с шашкой на городского пристав.

— Никак нет, не колют! — браво ответил Ферапонтыч, подставляя выю. — Мне даже очкастый господин в пенсне очинно импонирует, потому что видеть — аптекарь.

— Может, тебе и бомбист по душе, Ферапонтыч? — подскочил с револьвером полковник.

Серафима Лукинична тем часом убирала со стола и хихикала с Высшим Чином, когда те ее за бугристую ногу хватали.

— Разные бывают, — задумчиво сказал Ферапонтыч, расстегивая на груди мундир для пули. — Который в тебе целит, этот нечист, а который в вышестоящее начальство, тот молодец — вакансию освобождает.

— А ведь дело говорит Луев, — зачесали в затылках гости.

— А вот мне любой бомбист не ндравится, что ты будешь делать, потому что переть уж мне выше вроде некуда, — сладко похрапывая, оглаживая хозяйюшкины шершавые бока, сказал Высший Чин и проследовал в спальню.

— Куда ваше высокосиятельство имеет направ-

ление следует быть? — вышучив глаза и вздымая ус, спросил Ферапонтыч.

— Хде дывчину чую, там и заночую, — с неожиданным малороссийским прононом возгласил Чин.

Послышался общий аплодисмент, а Ферапонтыч, чувствуя законную гордость, расставил покрепче ноги и отдал свое пожилое тело в объятия Морфея-шалфея.

ХРОНИКА

Учителем Куликовским убит московский градоначальник граф Шувалов.

Администрация Путиловского завода в С.-Петербурге объявила локаут.

Тифлис и Тифлисский уезд объявлены на военном положении.

Избиение евреев и интеллигенции в Нижнем Новгороде «черной сотней» при содействии полиции и казаков.

В Туле началась забастовка рабочих оружейного и патронного заводов.

Сормовские рабочие отправили в Нижний дружину для борьбы с «черной сотней».

*Из личного письма Ленина членам ЦК
(июль 1905 г.)*

Дорогие друзья! Ряд писем из России со всех концов, вести Александрова¹, беседа с Клецом и еще несколькими приезжими — все укрепляет во мне убеждение, что в работе ЦК есть какой-то внутренний дефект, дефект организации, устройства работы. Центрального Комитета нет, его ни-

¹ Пестоловский Д. С.

кто не чувствует, не замечает — таков общий голос. И факты это подтверждают. Политического руководства ЦК над партией не видно. А между тем работают все члены ЦК до изнеможения! В чем же дело?

По-моему, одна из основных причин тому — отсутствие регулярных листков ЦК. Во время революции руководить устными беседами, личным общением — архиутопия. Надо руководить публично. Надо *все остальные* виды работы подчинить этому виду, всецело и безусловно... «Извещение» о III съезде до сих пор нигде не перепечатано полностью в России: это такое безобразие, такое фиаско всех этих пресловутых «техник» ЦК, что я решительно не понимаю, чего смотрел Винтер? чего смотрят Зоммер и другие? Наконец, ведь есть и комитетские типографии?!?

По-видимому, члены ЦК совершенно не понимают задач «публичного оказательства». А без этого нет центра, нет партии! Они работают до упаду, но работают, как кроты, на явках, на собраниях, с агентами и т. д. и т. п. Это прямо хищение сил! ...Важно *выступить* и *выступать* открыто, перестать быть немым. Иначе и мы здесь оторваны совершенно.

Может быть, надо бы пополнить состав ЦК? взять еще полдюжины агентов? На это, я уверен, нашлись бы люди...

Жду ответа.

Богданов закончил чтение и устало откинул голову. Постоловский взял тонкие листки швейцарской бумаги и, заглядывая в них, стал что-то чиркать себе в блокнот карандашом. Красин барабанил пальцами по столу.

— Старик оторван от нашей практики. Он прав во многом, но не во всем. — Богданов окутался папиросным дымом.

— Я думаю, товарищи, что Старик прав, потому что он лучше нас видит конечную цель нашего движения, — сказал Красин. — Мне, например, кажется, что в нынешней обстановке он придает чрезмерное значение всем этим «лясткам» и «дневникам», что десяток «македонок» сейчас важнее сотни «листочков», но, наверное, почти убежден в этом, я неправ, а прав именно он.

Во всяком случае, необходимо усилить нашу литературную деятельность, и прежде всего издать «Рабочего». Это уж ваше дело, у меня сейчас голова занята в основном проблемами химии.

Через час Красин вышел из подслеповатого, правым боком ушедшего по самое окошко в землю домика, владения машиниста Брестской дороги Ермолаева. Вокруг была глухомань — лабиринт заросших лопухами улочек и переулков Петровской слободы. Мимо заборчиков, под цветущими кронами огромных лип, сквозь лай цепных псов Красин вышел к знаменитому ресторану «Яр», взял лихача и поехал к еще более отдаленному от центра ресторану «Эльдорадо», местечку, пользующемуся в первопрестольной очень сомнительной репутацией. При слове «Эльдорадо» мужчины в московском «обществе» строго и несколько отвлеченно покашливали в кулак, а московские дамы пронзительно смотрели на этих мужчин.

В «Эльдорадо» Красин увидел двух-трех знакомых московских промышленных тузов с молоденькими барышнями. Тузы, багровые от смущения, делали вид, что не знают или не замечают друг друга. Красин построил свой путь через зал так, чтобы не обой-

ти ни одного из промышленников, и с каждым предупредительно раскланялся, а барышням целовал ручки. Оставив за спиной близких к обмороку пузачей, он приблизился к столику, за которым его дожидались Павел Грожан с девушкой Наташей и Струна — Надя. Надя была одета очень нарядно, на нее, усмехаясь и перешептываясь, смотрели два эльдорадских завсегдатая, наглые порочные мерзавцы. Девушка чувствовала их взгляды, краснела, комкала платок и вдруг, увидев Красина, радостно улыбнулась и как бы потянулась к нему.

Встреча в «Эльдорадо» была назначена для того, чтобы Надя могла проводить Красина в Петровско-Разумовское, где по ночам упражнялась в стрельбе берговская боевая дружина.

Красин велел принести шампанского, игриво и даже несколько вольно шутил с девицами, оживленно расспрашивал Грожана о Ницце, откуда тот якобы только вернулся. На самом деле Грожан приехал из Батума, где вместе с Камо и Енукидзе переправлял через границу партию оружия.

Наконец все четверо вышли из ресторана. Грожан и Наташа уехали в центр на извозчике, а Красин и Струна двинулись в противоположную сторону, на запад, что тоже не могло вызвать никаких подозрений, ибо почти в любом домике этого района барин в светлом летнем костюме со своей красивой девушкой могли найти комнату для свидания: жители «эльдорадской долины» охотно занимались и этим промыслом.

Было еще светло, закат тускло светился за ветвями старых тополей, но когда они подошли к нужному им месту, стемнело окончательно. В душной ночи слышались только лай собак да скрип гармоники.

Надя шла впереди Красина вдоль забора по узкой тропке и иногда оглядывалась, глаза ее мелькали среди ветвей, как звездочки. Красин чувствовал себя очень странно, неловко, у него вдруг перехватило дыхание, он резко потянул вниз галстук. Надя остановилась, отодвинула две доски и скользнула в парк.

— Здесь мне придется взять вас за руку, — с хрипотцой сказала она.

— Позвольте уж мне это сделать, — с нелепым смешком сказал Красин, протянул в темноте руку и коснулся надиного плеча. Движением слепца он спустился от плеча к локтю и сжал этот локоть от злости на себя, пожалуй, сильнее, чем требовалось.

Они пошли по темной аллее. Надя двигалась в полном мраке так уверенно, что Красину на миг даже показалось, что его влечет в темноту какое-то молодое лесное животное...

— У меня такое ощущение, что вы видите ночью, как кошка, — сказал он.

— Почти, — сказала девушка, — но все-таки, Леонид Борисович, зажгите на всякий случай спичку.

Красин чиркнул спичкой. Девушка поднялась на цыпочки и прочла вслух маленький плакатик на березовом столбике:

— Сосны Сукачева. Посадка 1886 года... Ровесницы, — тихо засмеялась она.

— Что? — удивился Красин.

— Сосенки эти — мои ровесницы, — совсем тихо произнесла она.

Спичка погасла, и фигура девушки мгновенно пропала во мгле.

— Теперь нам куда? — с нарочитой сухостью спросил Красин и кашлянул, взял да еще и кашлянул, как на заседании, словно ему совершенно безразличен возраст этих сосен.

— Теперь направо,— словно очнувшись, сказала Надя.

Через несколько минут среди ветвей появились освещенные три окна.

Чем ближе, тем яснее доносились из домика лесничего визгливая гармошка, свист и пьяный рев — «Хас-булат удалой».

— Это они для отвлечения изображают пирушку,— сказала Надя.

— Молодцы, хорошо придумали,— одобрил Красин.

Надя условной дробью постучала в ворота, приоткрылась калитка, тихий голос спросил:

— Кто там?

— Струна,— ответила Надя.— Я с гостем.

Калитка открылась пошире, они вошли во двор и по темной скрипучей лестнице поднялись в мезонин.

— Свет не зажигайте,— сказал Красин, подошел к окну и стал смотреть во двор.

Во дворе мелькали быстрые тени, слышался лязг оружия. Освещенную полосу пересекла цепочка людей с ружьями. Они ушли в темноту и через некоторое время сквозь шум «пирушки» стали доноситься редкие хлопки.

— Значит, вам всего девятнадцать...— тихо сказал Красин.

— Вы хотите видеть Павла? — спросила из глубины комнаты Надя.

Голос ее ломкий, голос ее...

— Нет-нет, пока не нужно. Позовите, пожалуйста, сюда Кириллова...

— Я здесь,— раздался голос из темноты.

Красин удивленно обернулся. Он думал, что они с Надей одни.

— Послушайте, Алексей Михайлович, что с бетоном? — медленно спросил он.

— Все в порядке. Однако необходимо уже предупредить наших.

Заключенный Таганской тюрьмы член ЦК РСДРП Носков, один из тех, кто был схвачен на квартире Андреева, привычно шагал по диагонали своей камеры взад-вперед, взад-вперед...

Загремел засов, суконное рыло влезло в камеру, посонело, гыкнуло:

— Носков, на выход!

Носков шел по тюремному коридору недоумевая — куда ж его влекут на сей раз? Допросы вроде уже позади.

— Куда ведете, господин надзиратель? — с веселой развязностью старой тюремной крысы спросил он. Тон такой был по душе надзирателям Таганки.

— Родственник к тебе пришел, — не оборачиваясь, просипело суконное рыло. — Вроде богатый. Деньжат подкинет — смотри, не забудь.

— Обязательно, обязательно, — пробормотал Носков. Он чуть язык не проглотил от изумления. Неужели его единственный дядюшка? Не может быть, он ненавидит смутьяна-племянника...

В зале для свиданий за решеткой, похлопывая перчатками по рукаву, прохаживался... Красин! Носков бросился к решетке, потеряв голову от радости. Вот ведь выходка — явиться в тюрьму, где и самому пришлось баланду хлебать!

— Здравствуй, племянник, — сухо сказал Красин. — Печально видеть тебя в этом доме, но пеняй сам на себя. Рад во всяком случае, что вид у тебя неплохой. Каковы условия быта? Нет ли опасности

инфекции? Часто ли водят вас в баню? Баня отвечает санитарным нормам?

Огорошенный вначале, Носков быстро освоился со странными вопросами «дяди» и обстоятельно все рассказал о тюремной бане.

Красин удовлетворенно улыбнулся и подмигнул Носкову. Ничего не изменилось в Таганке со времени его отсидки.

— В Москве я надолго, ибо решил вложить капитал в производство бетона. Навещу тебя еще раз, а ты, надеюсь, используешь избыток свободного времени для полезных размышлений о своей плачевной судьбе,— сказал Красин на прощанье, прикоснулся щекой к щеке «племянника» и шепнул: — Выручим...

Неподалеку от тюрьмы на пустыре появилась новая строительная площадка, огороженная высоким забором. На вывеске значилось: «Анонимное общество — производство бетона».

За забором в просторном сарае в скором времени состоялось совещание, в котором участвовали директор-распорядитель фирмы Л. Б. Красин, заведующий работами Трифон Енукидзе, приказчик Михаил Кедров и его помощник Павел Грожан.

— Будем копать под баню,— сказал Красин.— Вытащим их оттуда совершенно чистыми.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

Состоялся Учредительный съезд Всероссийского Крестьянского Союза в Москве.

Введено военное положение в Варшаве и Курляндской губернии.

Манифест об утверждении Государственной Думы.

Новая вспышка армяно-татарской резни в Баку.

В интеллигентной французской семье в Париже принимаются пансионеры на полное содержание. Плата от 75 рублей в месяц. *«Петербургский Листок».*

Гастроли Шаляпина. В Новом Летнем театре с неслыханным успехом идут гастроли Ф. Шаляпина. Зал всегда набит битком. Певец поражает слушателей мощью голоса и артистизмом. Следует, правда, отметить, что Шаляпин весьма падок на аплодисменты и уступчив к бисированию. Арию о золотом тельце из «Фауста» он спел трижды, причем путая слова.

Мой сосед саркастически улыбнулся: да, это действительно песнь золотого тельца о золотом тельце! Две тысячи рублей за спектакль — гонорар, кажется, небывалый! А. К. *«СПб. Ведомости».*

...Состоялось собеседование членов «Союза русских людей» с рабочими. Рабочие обижены положением о выборах в Государственную думу, по которому они вследствие высокого ценза не могут ни избирать, ни быть избранными. *«СПб. Ведомости».*

Футбол. Начались игры на первый кубок, разыгрываемый Санкт-Петербургской лигой футболистов, состоящей под покровительством Его Императорского Высочества Великого князя Бориса Владимировича и князя Белосельского-Белозерского... *«Биржевые Ведомости».*

После игры в воротах велодрома произошел неприятнейший эпизод. Двое зрителей, возбужденных

зрелищем, схватили друг друга за глотки и покатались по траве. Задержанные назвались механиком Игнатием Румером и князем Енгальчевым. Во время схватки князь сжевал и проглотил галстук механика. Доставлены в участок на Конногвардейском проспекте.

Молодой гигант с длинными, свисающими вниз и загибающимися усами, похожими на рога горного коала, выпрыгнул на ходу из пролетки возле полицейского участка на Конногвардейском. Сопровождавшие его экипажи, набитые пестро одетыми мужчинами, остановились, послышались крики:

— Ура Агееву-Карпову!

— Освободить спортсменов!

Агеев-Карпов, он же Вася Англичанин, он же Виктор Горизонтов, обернулся к своим поклонникам, сжал руки над головой, потряс ими и скрылся... в участке.

Вид его — обильная растительность, ярко-лимонный в голубую клетку пиджак, темно-вишневые брюки и белые туфли — был настолько поразителен, что дежурный городской вскочил за своей загородкой и вытянулся по стойке «смирно».

Горизонтов, махнув в его сторону перчатками, прошел в кабинет и представился тоже вскочившему офицеру:

— Привет, ваше благородие! Василий Агеев-Карпов, форвард!

— Чем могу быть полезен? — пролепетал офицер.

— Полчаса назад на велодроме задержаны два спортсмена из зрителей. Один — мой друг Игнатий Румер, механик. Человек глубоко ранимый, склонный к гипертрофическому взгляду на действительность, с обостренным чувством справедливости, допу-

стил под влиянием футбольной игры пренеприятнейший поступок. Прошу его освободить, ваше благородие, и передать в мои руки. Будет мною строго наказан.

— Да вы садитесь, господин Иванов-Крабов,— округляя глаза и любезно жестикулируя, сказал офицер.— Свищенко, привести задержанных на футболе!

После этого он робко взглянул на Горизонтова. Изумление его не проходило, а увеличивалось. Виктор еще поддал жару — оттопырив нижнюю губу, распушил усы до предела.

— Футбол, ваше благородие, игра, уходящая корнями в Месопотамию,— развязно болтал он.— Атлетически развивая организм, он отвлекает молодежь от вредных идей и посему находится под покровительством великого князя Бориса Владимировича, а также князя Белосельского-Белозерского.

— Понимаю, понимаю,— закивал офицер.— Я бы вам, милостивый государь, немедля дружка вашего отдал, да вторая персона, оскорбленная вагшим другом, называется князем и лейтенантом русского флота, одним из немногих епаснившихся «петропавловцев», так что вы сами уж на их светлость повляйте...

У знаменитого форварда засосало под ложечной. Неужели кто-нибудь с броненосца? А ну как, несмотря на усы и кудри, будет он узнан? Виктор покосился на окна — забраны в решетку. Тогда, значит, в случае опознания, Митьке (его сейчас выведут) сразу ногой в зад, выскакивать вместе на проспект, в пролетку и деру! Револьверчик бельгийский здесь, вот он, маленький, греется под мышкой...

Ввели понурого, плюгавого механика Румера, то есть Митеньку Петунина. Ушишки свисали у него вниз, как мышинные хвостики, белесые волосики слиплись мочалкой. При виде разгневанного благородного

лика своего патрона Митяй пугливо подался к страже.

За ним с громким «черт побери» вошел князь Енгальчев, в клетчатом кепи с пуговкой, в брюках «гольф». Расставив кривые крепкие ноги, он устремил свой взгляд на офицера и Горизонтова. Был он похож на разъяренного фавна, и даже удивительным показалось впоследствии, что под кепи у него не рожки, а обыкновенная плешь.

Горизонтов едва не присвистнул при виде этого «князя». Вспомнились ему дни прошлогодней осени, дымный Роттердам, желтая труба «Пензы», парохода Добровольного флота, и кривоногий фавн — второй помощник капитана, согласившийся за пятьдесят английских фунтов провезти «липового» пассажира до Санкт-Петербурга. «Князь» вгляделся в Горизонтова и слегка дернулся, тоже, видимо, узнал. По лицу его скользнула весьма своеобразная улыбка. Одной этой улыбки было достаточно для опознания в «князе» заядлого мошенника.

— Ну вот извольте, князь, расскажите, как было дело, — пробормотал полицейский.

— Уничтожу! — побагровел «князь». — Меня, Енгальчева, за горло! В порошок! Сотру! Пристрелил бы, как собаку, на дуэли, если бы был дворянского звания! Но смерда за версту видно!

— Аристократа тоже за версту видно, — спокойно глядя на «князя», сказал Горизонтов. Он понял, что игра у них равная и волноваться нечего. — Посмотрите на князя, на весь его облик, на его ноги! Его сиятельство наверняка ведет свой род от Золотой орды. Какие ноги! Десятки поколений его предков провели свои дни в седлах, и вот результат! Какова сила наследственности!

Виктор откровенно наслаждался, следя за меняющим плутовским лицом «князя». Гнев сиятельной

особы мигом улетучился. Он усмехнулся и сказал без находчивости:

— А вы, сударь или мусью, случайно не с острова Борнео?

Горизонтов мягко поаплодировал ему, а Митенька, вытаращив глаза, рванулся.

— Вот именно! Борнео! — косым ртом закричал он. — Гориллой обзывает и еще хочет в безопасности пребывать! Никому не позволю! Стреляться!

Оказалось: «князь» при выходе с футбола заметил небрежно, что «этот, как его, Агеев-Карпов, что ли, прыгает с ловкостью человекообразной обезьяны», Митенька тогда и вцепился ему в горло.

Из участка форвард Агеев-Карпов и князь Енгалычев вышли под руку и вместе сели в экипаж.

— Ну, здравствуй, Ваня, — сказал Горизонтов. — Вот ты уже и князь. Как же ты это галстучек-то проглотил?

— Не сдержался, Вася, — виновато сказал «князь». — Можешь меня понять?

— Конечно, могу, — миролюбиво ответил Горизонтов и кивнул Митеньке, пристроившемуся у него в ногах на дне пролетки. — Пожмите друг другу руки.

— Пусть обезьяну свою назад возьмет, — буркнул Митенька.

— Беру, беру, — с веселым великодушным смехом сказал «князь» и протянул руку. — Дюжину галстуков вам куплю взамен проглоченного. Как я рад, друзья, нашей встрече! Уверен, что впредь никаких недоразумений у нас не будет, а, напротив, мы сможем развешивать в этом городе весьма полезную деятельность. Ты, Василий, в какой гостинице стоишь?

— В «Универсале».

— Слабо, слабо. Я в «Европейской». Завтра в шесть вечера встречаемся в Озерках. Большие

планы, друзья, большие планы...— с этими словами «князь» соскочил с пролетки, вильнул напряженным задом и скрылся за углом.

Некоторое время ехали молча. Митенька виновато хлопал носом, так и не решаясь пересесть на сиденье.

— Зачем вам этот мошенник? — наконец робко спросил он.

— Молчи, кретин! — рявкнул Горизонтов, но через минуту наклонился и зашептал Митеньке на ухо: — Он моряк, понимаешь? Может пригодиться...

В гостинице Горизонтов хлопнул Митеньку томом Брокгауза и Ефрона по голове.

— Ты понимаешь, что мы по твоей милости были сегодня на грани провала? Придумать надо — устроил драку на велодроме! Да я тебя сейчас прямо на Пряжку свезу в больницу, а то завалишь всю организацию.

— Делайте что хотите со мной, а только оскорблять вас при себе никому не позволю, — засверкал глазами Митенька. — Вы меня вырвали из власти деспотического самодержавия, из убийцы сделали борцом за народную долю! Я за вас любому князю глотку перегрызу.

— Идиот, — буркнул Горизонтов. Вообще-то ему льстила такая преданность. — С операции я тебя снимаю. В море больше не пойдешь.

Митенька бухнулся в ноги.

Горизонтов вышел в коридор, крикнул, чтоб подали обед на одну персону. Обед еще не прибыл, когда явился мальчик и доложил:

— Господин Агеев-Карпов, заходил ваш брат Аристарх и просил перед отъездом на охоту протелефонить ему в контору.

158 Это означало, что нужно снова выезжать в Сестрорецк. Вот уже трижды за месяц группа Горизон-

това, состоявшая из пяти человек — его самого, двух молодых московских рабочих Степана Носова и Алеши Гуцало, одного флотского Петра Печникова и Митеньки, — участвовала в транспортировке крупных партий оружия из Финляндии.

Обычно они собирались в условленном месте в лесу возле Тарховки. Туда же приходили сестрорецкие оружейники — братья Емельяновы, Тимофей Поваляев, Саша Матвеев, Анисимов, Васильев и другие. Ночью на рыбацких баркасах они выходили в море и за трехмильной пограничной зоной встречались с финскими баркасами. Оружие перегружалось, и лодки возвращались восвояси.

Предприятие это было чрезвычайно опасным, но проходило почему-то очень гладко, без сучка и задоринки. Один только раз прожектор с пограничной миноноски располосовал море в полусотне метров от баркаса. Горизонтов приготовился уже к бою, но луч попрыгал по волнам и исчез.

Неторопливые спокойные оружейники, конечно, радовались такому обороту дела, а Горизонтов и его «орлы» сильно поскучевели: надоели им идиллические морские прогулки. Впрочем, они знали, что все эти ночные походы московских, питерских и сестрорецких рабочих боевых групп были только началом.

Ждали главного дела, для которого и прибыли из Москвы, ждали целого парохода с оружием. Пароход этот сваряжался где-то за границей комитетом, состоящим из представителей разных революционных партий. В мглистых кварталах Петербурга готовились к встрече этого парохода также и боевые группы эсеров, анархистов.

Сегодняшнее послание от брата Аристарха было необычным, ибо в нем было слово «охота». Значит,

предстоит переезд в Финляндию и, возможно, как раз и начнется это главное дело.

Горизонтов заметался по номеру, запихивая в саквояж свитеры и носки, рассовывая по карманам патроны, вытаскивая болотные сапоги и охотничье ружье.

Митенька где-то в углу иногда пускал в пространство слабые возгласы:

— Умоляю!

— Собирайся быстрее, Митрофанушка дурацкий! — рявкнул наконец Горизонтов. — Мигом за ребятами! Одна нога здесь, другая там!

Плоские волны мерно шли по мелководью и накатывались на бесконечный пустынный пляж с полосами остро пахнущей морской гадости. Саженой на сто в море уходил поросший жесткой травой волнолом, и там, на конце волнолома, вздымалась белая пена, там на глубокой воде покачивалось несколько пустых лодок.

Группа Горизонтова вот уже четвертый день жила в сосновом лесу возле моря. Вырыли окопчик, прикрыли его сверху ветками, забросали дерном, травой, получилось уютное логово. Каждое утро приходил немногословный, как гранитный валун, финн, приносил мешок с едой. Горизонтову чрезвычайно нравилась такая жизнь — приключения Тома Сойера, да и только.

В сумерках Виктор прогуливался по пляжу, вглядывался в закатные дали, думал, в кого же влюбиться — в Надю Сретенскую или в Лизу Берг; Виктор вздыхал: хоть он и назывался Англичанином, а славянская его душа возле моря тосковала.

Иногда на пляже встречались чрезвычайно худые, душно одетые юноши. Тогда говорилось вполголоса

«зюйд», а в ответ слышалось «ост» или что-нибудь другое, условное, которое сообщалось каждый вечер другим финном, вечерним, который тем и отличался от утреннего финна, что вместо провизии приносил два этих слова. Обменявшись этими словами, юноши расходились без разговоров. Горизонтов знал, что в мирном лесу таится несколько социал-демократических групп, а также эсеры и анархисты.

Тревога была сыграна во второй половине четвертой ночи. Виктор со Степаном, Алешей и Петром ринулись к лодкам, перепрыгивая с валуна на валун. Митенька Петунин, несмотря на все его мольбы, был оставлен на берегу. Люди Горизонтова опередили других. Ловко подтянув баркас, они прыгнули и понесли в тихо гудящую тьму.

Долго гребли молча. Через полчаса прямо по курсу темнота сгустилась, еще несколько минут спустя показался мигающий желтый огонек; они точно выходили на крохотный островок в гирле залива, где боевики должны были взять в свои баркасы местных контрабандистов, которым за эту операцию выплачивали кругленькую сумму. В баркас Горизонтова прыгнул некто в кожаной куртке, нижняя часть лица замотана шарфом. Пробравшись к рулю, он быстрым деловитым голосом сказал:

— Правые, табань! левые! Пошли, ребята!

Голос этот понравился Горизонтову, и нервная дрожь, охватившая его сразу после тревоги, улеглась. Теперь, когда в лодке оказался этот деловитый кожан, Виктор уверился в успехе дела.

Они обогнули остров. Волны здесь были значительно выше. Баркас запрыгал было, но, повернутый умелой рукой, пошел вперед, взбираясь на встречную волну и солидно, увесисто ухая вниз.

Прошли еще мимо двух островков, отвесные скалы их можно было даже потрогать руками, и снова вышли в открытое море.

Между тем силуэт рулевого все яснее вырисовывался, небо за его спиной начинало светлеть.

— Поздновато вышли, — сказал контрабандист. — Придется с товаром весь день на острове отсиживаться. В карты играете?

— Встречаемся с пароходом на траверсе Якобстада, так? — спросил Горизонтов.

— Точно, — подтвердил контрабандист. — Там и перегрузимся за островами. Там спокойно и мухи не кусают...

Прикрывшись полой, он закурил и, потягивая из рукава, снова заговорил:

— Мое дело маленькое, а все ж таки разрешите полюбопытствовать — за каким товаром идем?

— За оружием, — весело крикнул из-за спины Горизонтова Степан. — За оружием для революции, дядя!

Горизонтов было разозлился на Степана, но потом подумал: «Чего уж тут скрывать в море — все одним узлом повязаны...»

— Николашку валить? — с неожиданной веселостью и понятливостью спросил контрабандист. — Пора уж, пора. В этом году свалите?

— Обязательно в этом году, — сказал Виктор. — До рождества, я думаю управимся.

Рука контрабандиста протянулась в темноте и что-то сувила в карман горизонтовской куртки. Виктор пощупал — толстая пачка денег.

— Ты чего это? — удивился он.

— Задаток, — сказал контрабандист. — Вернешь своим начальникам. За такое дело я денег не беру, а вот когда власть возьмете, напишите обо мне в газете

и патретики, хоть маленький дадите, да? Вот и будет Семка Шило знаменитостью! — он захохотал.

— Бросьте дурить, возьмите деньги, — сухо сказал Горизонтов, но контрабандист в этот момент встал на дне баркаса, взгляделся в серую предутреннюю мглу.

— Вот он — паролод! Топовый огонь вижу, да что-то там неладно. Э, братцы, да он на камни сел, паролодик ваш!

Виктор оглянулся и увидел скошенные очертания мачт и трубы. Он сразу понял все: паролод сел на камни, его бьет крутая волна из открытого моря, на палубе, конечно, аврал.

— С левого борта можно подойти к нему, — сказал он.

— С левого можно, — согласился контрабандист. — Да что толку?

Когда они приблизились и стали огибать паролод, было уже так светло, что на корме можно было прочесть: «Джон Гладстоун». Можно было даже увидеть лица людей, мечущихся возле шлюпбалок.

— Убирайтесь! Опасно! — закричали с палубы на баркас по-английски.

— Уотс ронг? В чем дело? — крикнул, встав во весь рост, Горизонтов.

— Не видишь, что ли?! — завопил в ответ долговязый парень в норвежской вязаной шапочке. — У нас котлы залиты водой! Того и гляди, взрыв будет!

— Давайте груз! — гаркнул Горизонтов. — Отойдите от плюшки! Успеете смотаться! Вон те ящики, что принаготованы на юте, — живо!

— К черту ваш груз, идиот! Здесь уже были русские офицеры! Того и гляди, миноносец подойдет! Спасайте свои шкуры, олухи! — завопил долговязый.

Горизонтов выхватил из-за пазухи маузер и прицелился в долговязого. Его примеру последовали

Степан, Петр и Алеша. Трое матросов на палубе «Джона Гладстоуна» тоже выхватили пистолеты. Баркас то влетал выше палубы, то падал вниз.

— Мы не промахнемся! — крикнул Горизонтов и хищно улыбнулся. Он вспомнил, что эта его улыбочка выводила из себя многих матерых бандюг в Гонконге.

Матросы, проклиная по-английски, по-норвежски и еще на каком-то неведомом языке свою злую долю, наглых русских и финские камни, засунули оружие в карманы и взялись за ящики.

Когда стрела опускала восьмой ящик, из ходовой рубки выскочил невероятно лохматый субъект. Он закричал по-русски:

— Рулевой был предатель! Я застрелил его! Здесь ловушка! Уходите быстрее! Мы вот-вот взорвемся! Шлюпки на воду!

Через полчаса, когда баркас уже скользил по спокойной воде под защитой острова, послышался взрыв.

— Похоже, что только нам удалось загрузиться, — печально сказал Горизонтов.

— Не похоже, а точно, — сказал Семен Шило.

Теперь можно было разглядеть его лицо. Оказалось оно почти коричневым, иссеченным морщинами, лицом человека лет пятидесяти.

— Здесь причалим, капитан? — не совсем естественным голосом спросил Семен, показывая на удобную бухточку. Он, видимо, тоже был удивлен при свете дня молодостью Горизонтова и всей команды.

— Нет, пойдем к матеруку, — жестко сказал Горизонтов. — Надо предупредить товарищей о катастрофе.

— Смотри, капитан! — Семен заглянул ему прямо в глаза, но Горизонтов отвел взгляд. Не смотрели на

Семена и другие гребцы, смотрели на ящики прямо перед собой.

Митенька Петунин, когда рассвело, вылез из убежища и устремил взгляд в море. Челюсти его были сжаты, а губы яростно шевелились. Он очень огорчился, что его не взяли на опасное дело, и клялся себе, что при первом же удобном случае обучится плаванию, усовершенствует горизонтовскую джигитсу, подвергнет себя испытанию голодом и вообще станет настоящим Рахметовым.

На горизонте появилась какая-то точка. Уж не возвращается ли баркас Виктора Николаевича? Да что-то они к югу забирают...

Подумав, Митя решил сигнализировать товарищам дымом костра. Он бросился в лес за хворостом и вдруг увидел впереди стремительно бегущего между сосен молодого человека из соседнего анархистского становища. Он хотел было крикнуть анархисту, что появился баркас, но онемел и застыл на месте: навстречу анархисту из густых зарослей орешника выдвинулась конская морда.

Митя упал на землю и затаился. Он успел заметить, что анархист быстро сказал что-то всаднику, махнул рукой в сторону моря, побежал дальше и исчез. Всадник поехал прямо на Митю, и Митя вскоре узнал его: это был Валя Гришанинников, прапорщик из его же, Митино, трижды проклятого драгунского полка. Да-да, тот самый Валька, известный тем, что ставил зеркало на пол и часами смотрел на свои ноги, а потом ставил зеркало на стол, садился к нему спиной и в маленькое зеркальце часами разглядывал свой затылок. Тот самый Валька, с которым они в прошлом году пошли в Кисловодске в какой-то

армянский «кошкин дом» и были там жестоко биты. Вот он, Валька, слепой слуга деспотизма...

— Митька! — ахнул Гришанинников. — Живой! А мы уж думали, что тебя в проруби утопили. В смыском, что ли, служишь? В тайной?

— Тише Валя, тише... — трясущимися губами пробормотал Митенька, встал, почистил зачем-то колени и взялся за стремя.

— Видал? Приближаются господа социалисты, — весело преговорил Гришанинников, показывая недобродком на море. — Сейчас они у нас спляшут пляску святого Витта! Это вы своих людешек к ним послали? Чистая работа!

Он тоже дрожал, но от радостного возбуждения, от предчувствия привычной уже сладости убийства. Митя даже слышал, как тихо стучали его зубы.

— Тише, Валя, тише... — бормотал Митя, глядя на усски, на зелененькие Валькины глаза...

— Как у тебя с бабами сейчас? — спросил Гришанинников. — Я, брат, здесь такую чиновницу подыскал самоварную, хороша...

«Врет, все врет он про чиновницу!» — вспыхнуло в Митиной голове в тот момент, когда он всаживал нож Вальке в живот, под пряжку ремня.

Валька вскинулся и поднял над головой палец, как человек, который что-то припомнил, потом сполз набок. Митя стащил его на землю, догнал побежавшего было коня, вспрыгнул в седло, взглянул в море.

Баркас уже приближался к каменной косе. Митя отчетливо видел в лодке синюю тужурку любимого своего Виктора Николаевича и так же отчетливо видел затаившийся за валунами полувзвод солдат.

Митя вынесся на пляж, выстрелил из своего «бульдога», помчался к той косе, вопя что есть мочи:

— Засада! Виктор Николаевич! Засада!

Не проскакал он и десятка шагов, как солдаты поднялись из-за валунов с ружьями наперевес. Офицер макая рукой и что-то кричал тем на баркасе, видимо, предлагал сдаться. Из лодки ответили залпом маузеров. Офицер и двое солдат упали.

Митя видел, как торопливо начали стрелять остальные солдаты, видел он и многочисленные вспышки огня в прибрежных кустах. Видел появившийся над баркасом столб пламени и огненный клубок, взлетевший и пропавший в небе. Он все видел, но ничего не слышал — ни выстрелов, ни криков, ни взрыва патронных ящиков, ни топота копыт, ни своего безумного вопля.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

Новая вспышка беспорядков в Баку. Подожжены заводы, склады, прерваны пути сообщения. Татары разгромили промыслы на Биби-Эйбате. Из 117 действующих скважин осталось 77. Местные газеты предсказывают наступление голода. «СПб. Ведомости».

Арест самованца. В некоторые полицейские участки за последнее время стали поступать заявления, что в Петербурге проживает лицо, которое разъезжает по столице либо в форме лейтенанта русского флота, либо в спортивном костюме и называет себя то лейтенантом Подгурским, то князем Енгальчевым, выпрашивает у разных лиц деньги взаймы и не возвращает денег.

Вскоре полиции стал известен и случай буинства в Озерках, произведенный именуемым себя князем Енгальчевым. Лицо это на днях было задержано у фабрики Жорж-Борман. Довданием установлено, что задержанный — штурман дальнего плавания II разряда Иван Иванович Вирячев.

В настоящее время определенных занятий не имеет. Форму военного лейтенанта надел сам не знает для чего. Самозванец привлечен к уголовной ответственности. «СПб. Ведомости».

Ряд газет публикует список видных ученых, писателей, артистов и общественных деятелей, которые как петербургские граждане лишены избирательного права, не удовлетворяя высоким ценовым требованиям...

Таинственный пароход. В трех милях от Кеми сел на мель пароход. Таможенные досмотрщики на патрульной шлюпке подъехали к пароходу, взошли на борт и выразили желание его осмотреть. Их встретила вооруженная команда, говорящая по-английски. Досмотрщикам предложили или взлететь на воздух, или сейчас же удалиться. Оба досмотрщика были заперты в комнате, где им угрожали револьверами. Спустя час они оставили судно, а через двадцать минут после их удаления раздался взрыв.

Вернувшись к судну, обнаружили, что оно затонуло, а команда скрылась.

К месту взрыва отправлены военные суда. Выловлены ящики с ружьями и штыками швейцарской работы, обнаружены также водонепроницаемые ящики с патронами, всего 120 тысяч патронов. Ружей найдено 5 тысяч штук. «Финляндская газета».

В Портсмуте заключен мирный договор между Россией и Японией.

IV съезд «Союза освобождения» принял постановление об организации открытой партии конституционалистов-демократов.

Глава VII

„Дубинушка“ и „Марсельеза“

Красин свернул с Неглинной на Петровские линии. Настроение было ужасное: он знал, он чувствовал, что от этого парохода «пахнет Гороховой улицей»; сколько погибло прекрасных людей, сколько в тюрьме, сколько денег, в конце концов, пошло на дно!

Идущий навстречу ему вальяжного вида человек с собакой перенес поводок из левой руки в правую. Все в порядке — явка чиста.

Красин еще раз оглядел Петровские линии, кусочек импозантного европейского Петербурга посреди разлапистой неряхи Москвы, вошел в чинный подъезд, поднялся по мраморной лестнице на третий этаж, открыл своим ключом резную тяжелую дверь с медной дощечкой «присяжный поверенный Комаровский» и оказался в квартире с крепко настоенным запахом холостого комфортного жилья: сигары, марочные напитки, дорогая мужская парфюмерия; слегка, правда, потягивало и псиной.

Навстречу ему поднялась из кресла Надя.

— Вы? — удивился Красин. — Должен был прийти Черт...

— Черт застрял на товарной станции,— прерывающимся голосом произнесла Надя, прижала руку к груди, кашлянула.— Вот, послали меня...

— Вы не простужены? — Красин прошел в кабинет, обошел огромный адвокатский стол и присел на подоконник.— За здоровьем нужно следить.

«Что он говорит, что он говорит таким неприятным голосом? — панически подумала Надя.— Откуда у него такой неприятный голос?»

— Нет, Леонид Борисович, я здорова. Просто долго молчала и вот закашлялась...

— Вы вообще все больше молчите. Для подпольщицы это изумительное качество, но.— Он вдруг оборвал предложение, просто поставил точку после «но».

«Что «но»? Что это такое?» — у Нади заколотилось сердце.

«Что за нелепые фразы я произношу,— думал Красин.— Откуда эта неловкость? Глупость, глупость... Этого еще не хватало».

— Принесли? — сухо спросил он.

— Да! — Надя открыла сумочку, пробежала, пробежала, пробежала расстояние от кресла до окна, приблизилась и протянула Красину сложенную вчетверо газету. Красин поспешно развернул ее.

Это был первый номер новой газеты «Рабочий», отпечатанной в типографии на Лесной.

— Отлично! Вот как прекрасно! — воскликнул Красин и, забыв обо всем на свете, залюбовался титульным шрифтом, а потом стал читать передовую статью.

Вдруг что-то оторвало его от чтения, он повернулся и увидел сияющее юное лицо Нади, обращенное прямо к нему.

— Что с вами? — поднял он брови.— Что за мгновенные смены настроения?

— Вы так обрадовались «Рабочему»! — сказала девушка.

— Послушайте, Надя,— сказал он, слез с подоконника, сунул газету в карман и зашагал по ворсистому ковру кабинета.— Я хотел бы...

— Одну минуточку, Леонид Борисович! — прервала его она и заговорила быстро-быстро, словно стараясь потоком слов увести его в сторону от некоего опасного места или желая спастись сама.— Я давно хотела посоветоваться с вами по важному для меня вопросу, и лучшего случая, кажется, не будет. Вы знаете, конечно, что я из бедной семьи, но вот недавно скончался мой родственник в Чернигове, и я волею судеб оказалась его единственной наследницей. Правда, пока я получаю по завещанию только проценты, которые вношу в партийную кассу...

— Это я знаю,— вставил Красин.

— Полностью я вступаю в права наследования после замужества. Такова была воля покойного. Я думаю, Леонид Борисович, я думаю, что сейчас, в эти дни, мне просто необходимо... ну, выйти замуж. Понимаете ли...

— У вас есть жених? — спросил Красин, внимательно, сощуренными глазами глядя на девушку.— Вы любите кого-нибудь?

— Я считаю, что,— она запнулась,— что подпольщица не имеет права любить...

— Павел Берг? — спросил он.

Она покачала головой.

— Кириллов?

— Нет...

— Вы хотите вступить в фиктивный брак?

— Да! — воскликнула она.

Красин приблизился и снова сел на подоконник.

— Послушайте меня внимательно, Надежда

Яковлевна, — по-прежнему сухим, официальным тоном заговорил он. — Вы должны полностью отдавать себе отчет в том, что вы делаете, а мы должны быть уверены, что вы этот отчет себе отдаете. Вы хотите передать партии все свое состояние, я уже слышал об этом. Вам совсем немного лет, Надежда Яковлевна... Не сломаетесь ли? Вы уже немало работали в партии и знаете, какова жизнь профессионального революционера. Полтинник в день — это максимум. А что ждет впереди? Мы все верим в победу, а может быть, нас ждет поражение, полный разгром? Тюрьмы, Сибирь? Вы подумали об этом?

— Иначе я бы не говорила так с вами, Леонид Борисович, — тихо сказала Надя.

— Я должен посоветоваться с товарищами, но думаю, что партия ваши деньги возьмет, — отчеканил Красин и стал смотреть в окно.

Несколько секунд прошло в молчании. Потом в глубине квартиры зазвонили часы. Надя вздрогнула, а Красин не шелохнулся.

— Смотрите, как высоко летит лист, — вдруг сказал он.

Над Петровскими линиями в сером небе отважно летал одинокий, наполовину желтый, наполовину зеленый лист. То он планировал, то трепетал на одном месте, то вдруг беспомощно падал, то снова взмывал вверх.

— Откуда он прилетел сюда? — проговорила Надя.

— С Неглинного бульвара, я полагаю, — громко и с какой-то странной бодростью сказал Красин.

— Первый знак осени, — шепнула она.

Он молчал и смотрел на лист, словно на летательный аппарат, ведомый каким-то отчаянным пилотом, каким-нибудь Виктором Горизонтовым. Рассказать

ей о гибели Горизонтова? Рассказать ли ей обо всем? Рассказать ли этой девочке о самом себе? Как об этом рассказывают?

Подполковник Ехно-Егерн явился с докладом к генералу. Войдя в кабинет, он вытянулся перед огромным столом, за которым маячила под самым сапогом высочайшего портрета шишковатая голова генерала.

Правый глаз подполковника сразу углядел за плечом какое-то неожиданное мерцание; эге, вон оно что: погоны, пуговицы, крестики, аксельбанты — да тут целый синклит.

— Докладывайте, подполковник, — по обыкновению роясь в бумагах, ища в них любимый свой набор соблазнительных открыток, сказал генерал.

Ехно-Егерн раскрыл папку.

— По сведениям заграничной агентуры, ваше высокопревосходительство, революционные группы, несмотря на неудачи с пароходами «Гладстоун» и «Джон Графтон», всеми путями завозят в империю оружие и боеприпасы. Вот список перехваченных грузов и арестованных преступников.

— Ваше высокопревосходительство, господа! — Ехно-Егерн небрежно кивнул правостороннему молчаливому мерцанию. — Должен, к величайшему своему огорчению, отметить закостенелость нашего аппарата. Более двух месяцев наш департамент доводил на места полученные с таким трудом скудные сведения о III съезде эсдеков. Сколько времени понадобилось, чтобы объявить по всей империи розыск большевистских цекистов! Наконец, пропала словно иголка в стоге сена такая крупная фигура, как инженер Красин, который, по некоторым нашим, правда еще не проверенным, агентурным донесениям, отнюдь

не бросил преступную деятельность, как утверждают некоторые наши высокопоставленные персоны, а, напротив, избран в ЦК РСДРП.

— Вздор! — бабахнуло из угла, и Ехно-Егерн понял, что слухи оправдались: бакинский его оппонент повышен в должности. Он сумел усмехнуться и чуть-чуть повернул голову. Так и есть: опустив пузо до колен, сидит в углу полковник Караев.

Генерал между тем предавался любимому своему занятию — обводил сухим жерышком открытку, создавая, видимо, иллюзию сопричастности и изображения. Эх, слуги порядка!

— Плохо, ваше высокопревосходительство, боремся мы с бунтовщиками, — продолжал Егерн. — У тех спайка, железная дисциплина, взаимовыручка, а у нас рутина. Плохо мы еще боремся, плохо...

— Эт-то кэ-то же пэ-лохо бор-рецца? Эт-то у кэ-го же рутина? — вроде бы негромко, но на самом деле грозно, устрашающе, гибельно произнес, не поднимая головы, его превосходительство.

Ехно-Егерн, зная прекрасно эту интонацию, почувствовал головокружение, извернулся ужом, вырнул папку.

— Это я, ваше высокопревосходительство! Это я про себя! Я плохо борюсь! У меня рутина!

— То-то... Хорошо еще, что признаетесь в ошибках, — генерал отбросил открытки и поднял голову. — А то развелись у нас в департаменте умники, прыткие такие молодцы, выдумывают всякие там «клапаны»... — Он захохотал, а синклит захихикал.

«Донес, донес, подлец, — быстро соображал Ехно-Егерн. — Тупица, бурбон! Но ведь я же тоже донес еще тогда, сразу же... видво, моя-то рука в сферах ослабла, видимо, караевское направление выходит вперед, видно, ждате надо большой крови...»

— Так вот, подполковник, перейдете под начало полковника Караева,— сказал генерал, наслаждаясь.— Все свои дела сдадите ему, а он уж вас научит бороться с кем надо. Можете идти!

Когда за Ехно-Егерном закрылась дверь, погоны, бороды, кресты, аксельбанты заколыхались.

— Ишь, пряткий какой!

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

Конференция социал-демократических организаций России высказалась за активный бойкот Государственной думы.

В Москве началась всеобщая стачка рабочих. Грандиозные политические митинги в Университете и в Межевом институте. Выступают докладчики-большевики.

Приговорены к смертной казни 5 обвиняемых в убийстве бакинского губернатора.

Цирк Чинезелли. Сегодня прибывает пароходом из Англии знаменитая труппа африканских дикарей-арапов, отличных акробатов-гимнастов.

С утра 24 сентября по Москве было расклеено объявление, запрещающее всякие сходки, собрания и собрания в публичных местах и на улицах. Виновные будут подвергнуты штрафу в размере 500 рублей или аресту до 3-х месяцев. Будут применяться решительные меры по пресечению беспорядков.

С утра демонстранты ходили по бульварам с пением «Марсельезы». Произносились речи. Во втором часу дня большая толпа пошла по Тверской от заставы к Страстному монастырю, но была рассеяна жандармами и казаками...

Началась забастовка на Московско-Казанской железной дороге.

Всероссийский железнодорожный съезд в Петербурге вырабатывает требования.

Забастовка охватывает ряд фабрик и заводов Петербурга.

В Москве закрылись все аптеки.

Бастуют все дороги, за исключением Финляндской. Делегаты всех московских профессиональных союзов и рабочих организаций решают примкнуть к забастовке.

Всеобщая забастовка в Харькове. Соборная площадь и университет забаррикадированы. На университете развеваются красные флаги. В некоторых частях города столкновения войска с народом...

Перевязочные пункты завалены работой. Комитет общественной безопасности с разрешения губернатора передал охрану города милиции из вооруженных рабочих и студентов. Горожане восторженно приветствовали народную милицию.

Учредительный съезд партии конституционалистов-демократов в Москве выражает солидарность с забастовкой и принимает резолюцию с требованием учредительного собрания.

Витте назначен председателем совета министров.

«Холостых залпов не давать, патронов не жалеть» — приказ Трепова.

Министр путей сообщения в течение двух часов уговаривал машинистов приступить к работе.

Он говорил, что, когда сам был рабочим, любил сверхурочные. В Англии и Америке он работал по 16 часов для увеличения своего заработка.

...Один из рабочих заметил, что при 16-часовом рабочем дне нельзя ни почитать, ни поучиться. Министр ответил, что при такой норме можно выделить один час на чтение, что составит 365 часов в год. Он, министр, работает больше рабочих и совершенно испортил себе зрение... *«Московские Ведомости»*.

Довольство войск Петербургского гарнизона свежим мясом отменено.

13 октября в Петербурге на всех фабриках и заводах проходили выборы в Совет рабочих депутатов. Ночью состоялось первое заседание Совета.

В Петербурге прекратили работу Невский судостроительный, Александровский, фабрики Торнтонна, Варгуниных, прекратилось движение трамваев и конок. Бастуют чугунолитейный завод «Атлас», императорские стеклянный и фарфоровый заводы.

Бастуют служащие телеграфа, телефонной станции, чиновники банков и министерства финансов.

Высшие учебные заведения окружены войсками.

В Казани в «Крымских» номерах произошли сильные взрывы бомб во время их приготовления. Многочисленные жертвы.

На третьем заседании Петербургского Совета рабочих депутатов председателем избран Хрусталев.

По предложению Петербургского комитета РСДРП в Совет приглашены представители социалистических партий.

Шалонский конгресс Объединенной французской социалистической партии приветствует русскую революцию.

Забастовки, митинги, расстрелы, террористические акты по всей стране...

*Высочайший манифест 17 октября
«Об усовершенствовании государственного
порядка»*

...Даровать населению незыблемые основы...
неприкосновенности личности, свободы совести,
слова, собраний и союзов...

призываем всех верных сынов...

долг свой перед...

помочь прекращению неслыханной...

напрячь все силы...

По страницам петербургских газет:

Грандиозное, с трудом поддающееся описанию зрелище представлял собой Невский проспект в ночь с 17 на 18 октября.

В 11 часов вечера стали раздаваться гектографированные экземпляры манифеста. Манифест буквально рвали из рук. Лица, незнакомые между собою, подходили друг к другу, жали руки и обменивались поздравлениями.

В час ночи манифестанты двинулись по Невскому с красными флагами и пением «Марсельезы».

Перейдя Полицейский мост, толпа остановилась у Строгановского дома и спела «вечную па-

мать». У дома Победоносцева была устроена враждебная демонстрация. Затем направились по Литейному проспекту к дому предварительного заключения на Шпалерной улице, где содержатся политические преступники, чтобы сообщить им радостную весть об ожидающей их свободе.

...Весть о свободе с быстротой молнии облетела все население. С утра улицы сразу зашумели и зажили новой жизнью. Огромные толпы с радостными кликами, бурным потоком устремились к Невскому.

На площади Казанского собора 10-тысячная толпа открыла народный митинг...

Это было невиданное зрелище! Свободные граждане только что провозглашенной свободной России свободно собрались в центре города, чтобы свободно говорить о чем угодно. Полиция стояла тут же и удивленными глазами смотрела на все происходящее. Сразу сняли цепи рабства, и то, что еще вчера было запрещено, сегодня стало возможным, и прошлое навсегда отошло в область преданий.

Неожиданная свобода ошеломила всех, и, конечно, трудно было ожидать порядка в этом первом народном митинге. Преобладающие темы ораторов: неполнота и недостаточность данной свободы, необходимость немедленной амнистии для всех политических преступников, образование народной милиции и проч.

...Почти во всех домах по Невскому были раскрыты окна, откуда неслись звуки «Марсельезы». Были переполнены балконы, окна, даже крыши. Отовсюду манифестантов приветствовали красными и белыми платками. ...Войск и патрулей не видно, полиция спокойно стоит на своих местах и

не вмешивается во все происходящее. Удивительный порядок и спокойствие в толпе.

...Вечером на улицу выступили хулиганы. Оскорбляя прохожих, задевая ни в чем не повинных граждан, срывая с домов национальные флаги и неся их перед собою, эти толпы с диким шумом носились взад и вперед по улицам. Спешно были заколочены магазины.

...В тот же день имели место кровопролития.

...После митинга на Выборгской дороге толпа рабочих двинулась через Литейный мост к Невскому.

...На Нижегородской ее встретили солдаты, которые произвели в толпу залп. Один убит, другой, раненный в живот, доставлен в больницу, где скончался. Тяжело ранены студент и курсистка...

У здания Технологического института собралась толпа. Один отряд казаков-семеновцев под командой корнета Фролова бросился в атаку, во время которой, между прочим, был сильно изрублен профессор Тарле.

...Один студент взобрался на фонарь и обратился к толпе с речью, говоря, что опасности никакой нет (по другой версии, он указывал на узкие рамки манифеста и призывал к дальнейшей борьбе).

...По команде капитана Зыкова было произведено из Бегового переуллка в фонарь 15—20 выстрелов. Студент свалился мертвым. Раздался новый залп. Толпа в панике побежала. Убито 4 взрослых и 3 детей.

...18 октября граф Витте принял петербургских журналистов. В своем слове к ним он, в частности, сказал:

— Не взирая на свое полное бесправие и без-

защитность, наша печать всегда имела громадное влияние на умы.

Я обращаюсь к вам как русский человек, как гражданин, а не как царедворец или министр. Помогите мне успокоить умы: от вас, главное — от вас, это успокоение зависит...

Тифлис. 18/X. Величественная демонстрация рабочих. Несколько десятков тысяч человек с пением «Марсельезы» и «Дубинушки» двинулись в Дидубе, затем к Метехскому замку — возвестить заключенным радостную весть.

Одесса. 18/X. Полумиллионное население города ликованием встречает свою свободу. По улицам, с которых еще не смыты следы крови юных борцов за свободу, двигается многотысячная демонстрация, впервые слышится великое свободное русское слово, развеваются красные флаги.

Полтава. После столкновения с войсками состоялся народный митинг. Писатель Короленко провнес с трибуны речь.

Севастополь. Возле тюрьмы убито 6 человек, ранено около 40.

Варшава. Толпа в 250 000 человек дошла по Маршалковской до Костела Креста. Восторженная овация была устроена Сенкевичу, произнесшему речь с балкона.

Томск. Жертвы беспорядков достигают 700 человек. Судебные власти приступили к следствию.

Одесса. Погром продолжался четыре дня. Установлена организация погрома. Убитых более 1000 человек, раненых до 5000.

Киев. Трехдневный погром. Разбиты все еврейские магазины. Убитых около 150, раненых до 300.

Ростов-на-Дону. Погром с 18/X до 20/X. Убито 176, ранено 500 человек.

Кролевец (Черниговской губ.). Город разгромлен.

Луганск. Три дня погрома.

Москва. 18 октября. Из Высшего технического училища к Таганской тюрьме направилась демонстрация рабочих и студентов.

На Немецкой улице ударом куска трубы убит Н. Э. Бауман, член МК РСДРП. Убийца задержан полицией.

...20 октября состоялись похороны Баумана, совсем недавно освобожденного из Таганской тюрьмы, где он просидел 16 месяцев... Толпа «патриотов» пыталась напасть на манифестацию, но, увидев в руках дружинников револьверы, разбежалась.

...По Замоскворечью и по Моховой ходили полицейские и через дворников приглашали обывателей принять участие в грандиозной манифестации «тех, кто за царя». Предполагается избивание интеллигентов.

Патрули боевых дружин, сформированных рабочими, продолжают обходить порученные им районы. Патрули, каждый в 6 человек, вооружены.

Лондон. Здесь все с ужасом ожидают страшной развязки, которая, видимо, приближается в России. «Дейли телеграф» опубликовала настойчивое воззвание к русским либералам, увещевая их поддержать графа Витте, который является

единственным человеком, могущим спасти Россию от полного разгрома и уничтожения всякой законности.

*Из листовки Московского Комитета
и Московской группы РСДРП:*

...Мщение, товарищи! Пора смести с лица русской земли всю эту грязь и гадость, позорящие ее, пора нам взяться за оружие для решительного удара.

Готовьтесь к вооруженному восстанию, товарищи, и не давайте черной сотне безнаказанно вырывать борцов из рядов наших!..

— Господи, сколько лет я мечтал об этом! Выйти на Арбат и увидеть самую обыкновенную студенческую демонстрацию — веселое свободное шествие, как в Европе! И вот, сбылось... без нагаек, без крови!.. не верится, не верится...

— Погодите, батенька, рано радуется...

— Да нет... нет... Этот процесс уже не остановишь — Россия вступила на европейский путь развития, милостивый государь, и постепенно вымрут ищейки, унтеры пришибеевы, держиморды и палачи, эти порождения столетий рабства!

— Неизвестно, батенька, куда повернутся события...

— Боязливость ваша, сударь, осторожность, извините, осточертевшая от татарского ига идут. Кончилось это все, кончилось! Посмотрели бы вы на эти юные решительные лица! Газеты! Газеты различных направлений! В голове не укладывается — нет цензуры! Конституционная монархия — как Британия, сударь, как Великобритания. Монарх постепенно превратится в чистейший символ — вспомните мое слово! Власть будет принадлежать избранныкам народа!

Коалиционные правительства, отставки кабинетов, запросы в Думе, общественная жизнь, борьба...

— Эка размахнулись, восторженный вы человек!

— Да, размахнулся, и не без оснований, сударь! Не на пустом месте мы выросли. Радищев, декабристы, Герцен, Чернышевский...

— Это вы, простите, считаете себя наследником?

— Милостивый государь, да будет вам известно, что я уже восемь лет даю деньги на революцию и вот в этом доме-с, да-с, не раз ночевали-с чемоданчики кое с чем-с... Решено, вступаю в партию к.-д.!

— Не торопились бы вы, батенька...

— Вздор! Вздор! Энергия, динамика — вот символы нашего времени! Молодежь...

— А вы сытые, господа мясники?

— Сытые, хозяин!

— Ливеру вам под графинчик хватает?

— Хватает!

— Грудинка при разделке остается?

— Остается!

— Куда деваете остатки?

— Съедаем, хозяин!

— Фартуки новые получали, господа мясники, калоши?

— Получили!

— Водку с вами хозяин пьет, не обижает?

— Не-е-т!

— А вот в листке этом подметном сказано, что хозяин всегда рабочему человеку злейший враг. Евреи, господа мясники, социалисты эти все говорят, что все производство надо народу отдать, а сами хотят весь российский достаток в свою пользу оборотить!

— Бить их надо!

— Вам сейчас, господа рабочие мясники, его высокоблагородие пристав все по порядку доложит. Только сперва разрешите ему стаканчик предложить.

— Пей до дна, пей до дна, пей до дна!

— Спасибо, братцы! Икона где у вас? Кресту верите? Государя надо спасать, братцы! Загубить его хотяя вражьи лазутчики, студенты умалишенные и часть обманутого фабричного люда. Завтра выходить надо, братцы! По Кузнецкому пойдём! Пойдете?

— Как один, ваше высокоблагородие, пойдём!

— Слышал, Филя, по Кузнецкому... Ох там лавки богатые!

— Тише ты...

— Не далее как третьего дня, Петр Николаевич, я узнал, что великий князь находится в близких отношениях с главой так называемой черносотенной партии пресловутым мазуриком Дубровиным...

— Господин председатель совета министров...

— Петр Николаевич, у нас же приватная беседа!

— Извините, Сергей Юльевич, но я полагаю, что это личное дело великого князя — касательно круга его знакомых...

— В этом случае нет, Петр Николаевич. Вы не хуже меня понимаете, что великий князь становится знаменем и главой этих революционеров правой.

— Вы имеете в виду, Сергей Юльевич, «Союз русского народа» и другие подобные группы? Я склонен считать членов этих организаций истинными патриотами отечества и отличным оружием правительства в борьбе с анархией, но уж никак не революционерами.

→ Ошибка, Петр Николаевич, трагическая ошибка, которая может нам дорого стоить! Извините меня, я волнуясь... Столкновение между левой и правой

могут вызвать в России гражданскую войну. Левые — люди, сбившиеся с пути, но принципиально большей частью люди честные, истинные герои, жертвующие своей жизнью за ложные идеи, а черносотенцы преследуют цели самые низкие, желудочные и карманные. Это типы лабазников, убийц из-за угла, их армия — хулиганы самого низкого разряда. Левые хотя бы убивают сами, жертвуют жизнью...

— Не мудро ли будет, Сергей Юльевич, направить одних на других?

— Нет, не мудро, Петр Николаевич. Это только по первому взгляду кажется мудро...

— Однако государь...

— Да, я знаю, государь под влиянием великого князя Николая Николаевича открыто провозглашает черносотенцев как первых людей империи, как образцы патриотизма... но драка между левыми и правыми может разрушить все. Мы должны поощрять умеренное либеральное движение, развивающее положения манифеста 17 октября, помня, конечно, о повелении устранивать прямые проявления беспорядков... Это применительно и к левым, и к правым!

— У меня есть особая точка зрения, Сергей Юльевич.

— В данном случае, господин Дурново, я говорю с вами как председатель совета министров!

— Очень хорошо-с! Не желая действовать за спиной вашей, господин Витте, довожу до сведения, что намерен как министр внутренних дел изложить свою точку зрения лично государю!

— Воля ваша, Петр Николаевич... воля ваша...

— Я боюсь за тебя. Я боюсь за тебя все время, пока тебя не вижу. Бог знает, что мне представляется,

какие страшные картины... Я наполнен тобой до края и не переживу твоей гибели.

— Ты знаешь, что и я не переживу тебя, а значит, и бояться нечего.

— Есть вещи и страшнее гибели. В газетах теперь почти ежедневно пишут об этом...

— Со мной этого никогда не будет. Вот, видишь? Потрогай лезвие. Он всегда со мной.

— Плохое время мы выбрали для любви.

— Другого времени у нас нет.

— Знаешь, ты не поверишь, но я думаю иногда... иногда я жалею, что не жили мы в другое, более спокойное время...

— Для настоящих людей не было спокойного времени.

— Верно, верно... Но есть на свете блаженный остров Таити, там жил Гоген, а нам дует сквозь старую раму зимний уже ветер, и за углом стреляют — кто-то падает кровавым лицом в снежную кашу...

— Ты бы хотел на Таити?

— Нет. Я хочу быть здесь... вместе со всеми... с тобой... и бояться за тебя...

— Товарищи! Мы, обувщики, решительно протестуем против соглашательских призывов прекратить всеобщую забастовку! Мы не пойдем на поводу у графа Витте, который слезливо взывает к «братцам-рабочим». Это унижительно! Позор! Да здравствует забастовка!

— Это кто ж там такой позорит?

— Да Илюшка Лихарев... Кажись, вчера еще его всяк, кому не лень, за вихры таскал, а сейчас, вишь, социалист. Папаня у него был хороший человек, слесарь золотые руки... под ломового извозчика попал выпимши, а маманя-то после этого по миру пошла

да пропала. Слабое дитя было, смиренное, а теперича-то гляди как шумит! Молодец!

— Ты за всех-то обушников не расписывайся, Лихарев! Тебе роят да бабу не кормить!

— Товарищи! Нельзя прекращать борьбу у самого края победы! Наши требования настоящих свобод, демократической республики, восьмичасового рабочего дня, человеческих условий труда могут быть удовлетворены! Революция уже перекинулась в вооруженные силы!

В Севастополе революционный офицер Шмидт возглавил целую эскадру! Во Владивостоке бунтуют вернувшиеся из Японии русские военнопленные. Наши братья, солдаты и матросы, выдвигают такие же требования! Социал-демократы зовут...

— Арестован! Арестован!

— Что за крики? Без паники! Нас охраняет дружина!

— Шмидт арестован! Восстание в Севастополе подавлено! Вот — последние газеты!

— Да здравствует лейтенант Шмидт!

— Да здравствует забастовка!

— А жевать-то чего будем, братцы?

— Извольте, господин подполковник, разобрать эти бумаги и отсортировать агентурные сообщения от обывательских доносов.

— Слушаюсь, Михаил Константинович. Я надеюсь, вы позволите мне и впредь так вас называть, хотя вы теперь мой непосредственный начальник?

— Дозволяю.

— Благодарю, Михаил Константинович!

«Спасибо, свиное рыло, чучело напыщенное, одряхлевший Скалозуб. Да почему же, почему ты поставлеп надо мной и даешь сейчас мне, тонкому

стратегу, эту дурацкую работу? Где же я не доглядел? Где же?.. А не подкатиться ли к самому графу Сергею Юльевичу? Ведь мы же с ним в полном смысле единомышленники. Спокойно, спокойно, Ехво — на рысьих лапках, Егерн — удар по темени... Мы еще потолкуем, господин Караев...»

— Хотелось бы, Михаил Константинович, помимо служебной субординации сохранить нормальные человеческие отношения, которые у нас сложились еще в Баку.

— Бур-р-р-кха...

— А все-таки, Михаил Константинович, взгляните-ка на нынешние события — моя тенденция берет верх! Правительство решило спустить пар. Что такое манифест, как не приоткрытый клапан? Согласны?

— Наше дело маленькое.

— Мудрое решение и единственно правильное. Пошумят, попоют и успокоятся, страсти из подполья будут перенесены в Думу под присмотр полиции. В конце концов какие-то формы, виды, контуры свобод необходимы в нынешнее время. Как вы считаете, Михаил Константинович? Почему вы молчите? Ведь у вас же трезвый и жесткий аналитический ум!

— Наше дело маленькое.

— А! Так вы не согласны со мной! Вы полагаете другое развитие? Выпуск не пара, а некоторой толики крови? Вызвать из небытия вооруженных инсургентов и... и ударить, перерезать жилы? Опасная, опасная игра, Михаил Константинович, чреватая для государства...

— Займитесь-ка бумагами, господин подполковник! Не по чину рассуждаете, милостивый государь!

— Слушаюсь!

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

*Из передовой статьи в «Пролетарии»,
написанной В. И. Лениным:*

...Развязка приближается. Новое политическое положение обрисовывается с поразительной, только революционным эпохам свойственной, быстротой. Правительство стало уступать на словах и начало тотчас готовить наступление на деле. За обещаниями конституции последовали самые дикие и безобразные насилия как бы нарочито для того, чтобы еще нагляднее представить народу все реальное значение реальной власти самодержавия...

Из листовки МК РСДРП:

...Товарищи! Дальше терпеть нет возможности...

20 октября мы доказали всей Москве нашу мощь. То была мобилизация нашей армии.

Уже недалек тот день, когда она выступит на решительный бой с разбойничьим правительством царя.

«...Это прирожденный авантюрист. Его постоянно одолевали различные фантазии. Одно время его обуяла страсть к воздухоплаванию, но и в этой области он ничего не сделал, так как, собственно, ни к какой серьезной работе не был способен.

Но было у него качество, которое он выказал и в последних печальных событиях,— это безграничная смелость. Когда во время отставки его притиснула нужда, он добывал себе хлеб тем, что давал публичные представления... Поднимался на воздушном шаре и затем опускался с него на землю с помощью парашюта.

В свое время Шмидт приобрел на этом поприще некоторую известность... Но и эту деятельность ему пришлось прекратить после того, как в Риге вследствие не совсем удачного спуска он ударился спиной о палубу барки.

...Имея некоторую протекцию во флоте, он вновь поступил на службу... и оказался способным только к измене и смуте, для чего не требуется ни знаний, ни опыта, а только безудержная смелость, в которой ему никогда нельзя было отказать...»

Красин скомкал «Петербургские Ведомости» и бросил в корзину для бумаг. Наемные борзописцы пытаются изобразить революционного моряка как площадного флигяра! Необходимо уже сейчас в «Новой жизни» давать настоящие портреты наших погибших героев — Баумана, Грожана... Сколько их еще будет? Минский, конечно, заартачится... Что-то в последнее время зиц-редактор стал трусить... Впрочем, это не мое дело, Ленин и Горький сумеют его уломать... Так, что дальше?

Он взглянул на календарь и в верхнем уголке сегодняшнего листочка увидел слово «дело», взятое в кавычки. — Товарищество «Дело». Сегодня же переговорить! Но деньги на типографию? Малянтович все еще молчит... Феномен должна передать определенную сумму Черту... А что, если перетащить в Петербург бакинскую «Ниву»? Идея! Впрочем, пужно посоветоваться с товарищами.

Загорелась лампочка настольного телефона. Красин снял трубку. Послышался хриплый, живиной утренний голос десятника Стекольниковца:

— Господин управляющий, мы уже третью версту до Гавани тянем, стенки осыпаются, а Кузнецов кабелю не дает.

— В депо были, Стекольников? — зло спросил Красин.

— Депо, Леонид Борисович, на замке, а господин Кузнецов третий день в «Забалканских номерах» не просыхают...

— Вы сами в каком состоянии?
Стекольников гыгыкнул.

— Я на ногах, господин управляющий.

— Берите извозчика и говите к Кузнецову. Я плачу. Пригрозите этой свинье, что я его под суд отдам!

Только трубка легла на рычажки, как огонек загорелся снова. На этот раз бархатистый интеллигентный баритончик. Малянтович!

— Хэлло! Леонид Борисович, вы ли?

— Павел Николаевич, дорогой! Жду вас, как манну небесную.

Телефон в этом кабинете редко бездействовал. Заведующего кабельной сетью «Электрического общества 1886 года» вызывали промышленники, заинтересованные в подключении их предприятий к новой системе высокого напряжения, пьяные десятники вроде Стекольщикова, представители иностранных фирм, а также подпольные химики, боевики, связанные из комитетов и из-за границы, транспортеры партии и типографщики. Нужно было быть очень осторожным и ловким в обращении с этим аппаратом. Не раз бывало, что во время визита промышленного туза или чиновника министерства какой-нибудь Аристарх орал в трубку, что не хватает гремучей ртути или бикфордова шнура.

Звонка известного адвоката Малянтовича Красин действительно ждал с нетерпением. Несколько дней назад они встречались и обсуждали сложное дело со страховым полисом С. Т. Морозова, оставленным им



на имя Марии Федоровны Андреевой. Вдова Морозова всячески препятствовала получению денег, и Малянтович после долгого крихтения по настоянию Андреевой взялся распутать сложный клубок отношений.

— Ну-с, Павел Николаевич. Жду с томлением...

— Могу вас обрадовать, Леонид Борисович. Кажется, лед тронулся... Нужно встретиться...

Ликуя, Красин бросил на рычажки трубку. Шестьдесят тысяч рублей как одна копейка! Сколько проблем с плеч долой! И все-таки не следует отказываться и от десяти тысяч доктора Симонова, тем более что вексель, подписанный Горьким, произвел на доктора исключительное впечатление.

Красин снял трубку.

— Барышня, будьте любезны, 22-19.

— Одну минуточку. Соединяю, — послышался милый женский голос в трубке.

Красин представил себе зал телефонной станции, длинный ряд распределительных шкафов, у которых сидят эти телефонные барышни, в конце дня говорящие хриплыми раздраженными голосами, и подумал, что в будущем, должно быть, соединение телефонов будет производиться автоматически. В голове его стали возникать возможные варианты такой автоматической станции, когда в дверях кабинета появился служащий...

— Леонид Борисович, вас к председателю правления.

Одновременно барышня сказала:

— Извините, номер занят.

Полчаса Красин провел на заседании правления общества, докладывая о строительстве трансформаторных подстанций и демонстрируя схемы Петербурга, по которым расползлась голубая паутина элек-

трокабеля. Члены правления остались более чем довольны его деятельностью. В условиях этой смуты, бесконечных забастовок и кровопролития начальником кабельной службы умудрялся укладываться в назначенные сроки.

Красин спустился к себе, открыл дверь кабинета и замер на пороге: в кожаном кресле, покачивая длинной ногой в лакированном ботинке, сидел не кто иной, как Ваню Стурца собственной персоной! Красин шагнул в кабинет, захлопнул дверь, метнул на старого друга яростный взгляд. С ума они посходили после манифеста! Разваливают всю конспирацию! Явиться прямо сюда, да еще с чемоданом, в котором наверняка или листовки или обложки для бомб.

— Господин Красин? — Ваню стоял перед ним в учтивой позе и протягивал визитную карточку. — Разрешите представиться. Реваз Какабадзе, представитель винодельческой фирмы «Мелани».

— Так и швейцару доложились? — спросил Красин.

— Как же иначе?

— А в чемодане что?

— Образцы ароматнейших терпких и экзотичных вин «Мелани», не уступающих по многим качествам винам Бургундии и Рейнской долины, а в чем-то и превосходящие их. Солнце в сосудах, господин Красин!

Красин со смехом обнял друга.

— Извини, Ваню дорогой, я уж думал, ты ваньку сваял. Забыл про твой подпольный опыт.

Оказалось, что «брат» почтенного господина Какабадзе Авель Едукидзе ждет в гостинице адрес явочной квартиры. Красин дал Ваню адрес квартиры Бруснева на Садовой, проводил гостя до выхода и, перепрыгивая через три ступеньки, помчался по на-

радной лестнице вверх навстречу служащему, который спешил сообщить ему, что представители иногородних фирм уже собрались и ждут его в комнате № 8, так называемой каминной.

...В каминной ждали Никитича Алексей Михайлович Кириллов, Черт — Богомолов, представитель Южного транспортно-технического бюро товарищ Лука, рижанин Пуриньш — Малыш и Павел Берг, находившийся в состоянии полного недоумения.

Прибыв сегодня утром в Петербург на совещание по вооружению дружин, он встретился на Николаевском вокзале со связной Боевой технической группы по имени Наташа. Наташа передала ему приказ явиться к полудню на улицу Гоголя в «Электрическое общество 1886 года», предъявить свою визитную карточку и попросить встречи с инженером Красиным.

Красина, этого энергичного, способного технократа, Павел помнил хорошо: несколько месяцев назад он был в Шашкино, и раньше они не раз встречались. Но зачем ему сейчас этот Красин и «Электрическое общество»?

В каминной комнате общества Бергу, неразборчиво пробурчав свои фамилии, поклонились трое молодых людей. Несколько минут прошло в настороженном молчании — никто из четверых не знал друга друга. Наконец явился Алексей Михайлович Кириллов — Кандид, и тут все заулыбались — его знали все четверо.

— Товарищи, здесь мы в полной безопасности, по все-таки прошу без бурных восклицаний, разговаривать будем вполголоса, как подобает деловым людям; — сказал Кандид. — Сейчас явится Никитич, а потом подадут коньяк и сигары.

Павел даже вздрогнул: наконец-то он увидит легендарного Никитича!

Дверь отворилась, и вошел Красин. Берг с недоумением взглянул на Кириллова, но Красин быстро подошел, протянул руку и тихо сказал:

— Не удивляйтесь, Павел. Никитич — это я.

Он поздоровался с остальными, опустился в кресло черной стеганой кожи и вытянул к камину ноги, обтянутые серой английской тканью и в английских же башмаках. Действительно, вслед за его приходом принесли коньяк, сельтерскую воду и сигары.

Павел был до того изумлен слиянием этих двух образов — преуспевающего инженера и мифического руководителя боевиков-подпольщиков, что некоторое время только смотрел на крепкие, так называемые «вечные» ботинки и не слышал ничего, что говорил Никитич. Наконец в его сознание стал проникать негромкий голос:

— ...Мы обладаем ограниченным количеством ружей и револьверов, поэтому основным нашим оружием в предстоящем восстании будут ручные бомбы — «македонки», которые вам всем, конечно, известны, товарищи, — с легкой улыбкой говорил Красин. — Следует довести до сведения всех наших дружинников: бомбы ни в коем случае не должны использоваться для индивидуального террора, мы не эсеры. Они предназначены для баррикадных и уличных боев, для взрыва железнодорожных путей и... разных кабелей, — Красин усмехнулся, вспомнив голубую паутину на схемах Петербурга. — Здесь, в Петербурге, нам удалось добиться больших успехов в производстве взрывчатых веществ. Сейчас главное — наладить транспорт бомб из Петербурга в Москву, Киев, Одессу, Ригу... Взрыватели и бикфордов шнур вы будете получать отдельно через финскую «партию пассивного сопротивления», ту самую, которую «Новое время» окрестило «кагалом»...

Следующий пункт, товарищи... Павел Иванович, отчего вы коньяка не попробуете? Общество наше солидное — угощает «Карвуазье»...

Павел суетливо закивал, хлебнул коньяка — в голове у него сразу же замутилось. В последнее время он довел личные расходы до минимума, в прекрасном своем миллионерском особняке он почти голодал, чтобы ничем не отличаться от дружинников. Отдельные слова Красина — Никитича еле-еле пробирались сквозь лиловатый туман.

— ...Необходимы безупречные документы... Гравер Эрнест Францевич Зиварт... набережная Мойки...

Красин и Кириллов отпустили извозчика возле Измайловского собора и пошли пешком в Четвертую роту. По дороге Красин весело рассказывал о парижских приключениях Буренина.

После софийской встречи Тюфекчиев назначил Буренину свидание в Париже, и не где-нибудь, а в «Савое». Буренин явился в роскошные апартаменты, и болгарин с места в карьер стал демонстрировать русскому коллеге усовершенствованный им бикфордов шнур. Чиркнула спичка, сразу возникло ужаснейшее шипенье, и комнаты наполнились плотным белым дымом, в котором Буренин не видел даже своих рук.

«Все — крышка», — подумал Буренин и вполне зримо представил себе свидание с русским консулом в парижской префектуре.

В двери колотила и кричала из коридора многочисленная прислуга.

— Мсье, мсье, что случилось?!

— Принесите прохладительного! — рявкнул из белой мглы бравый болгарин.

Все обошлось.

Красин замолчал и шагал некоторое время с застывшей улыбкой. В памяти его проходили парижские улицы и маленькие площади, Сена, Латинский квартал... Очень удобный для баррикад город... Туда безусловно перекинется наш огонь. Сначала Берлин, потом Париж, Рим, Мадрид, чуть попозже Лондон, Нью-Йорк... Мир займется вдруг, как сухая трава... Кто сказал ему эту фразу? Он запомнил ее навсегда... Когда-то в его жизни произошло великое событие. Дерзкий юноша в солдатской шинели, он осмелился заявиться в Ясную Поляну к Толстому. Толстой беседовал с молодежью о современной России, о науке, о революции..., но он имел в виду совсем другую революцию, революцию духа.

— Да, революция, конечно, это движение духа, мятежного духа! — вскричал юноша.

— Я говорю о духе смирения и братской любви! — разгневался Лев Николаевич.

— Но неужели вы думаете, Лев Николаевич, что заводчик, жандарм, бюрократ возлюбят когда-нибудь страждущего?..

— Леонид Борисович, — вдруг прервал его воспоминания Кириллов, — третьего дня мы обвенчались с Надей.

Красин быстро взглянул на товарища, нахмурился. Кириллов шел, опустив глаза, покашливая в кулак, красный чуть ли не до слез: он чрезвычайно был смущен своей печалью и душевной мутой.

— Дело о продаже сахарного завода уже начато, — проговорил он и вдруг поднял голову, пустился было в спасительную деловую скороворку. — Я обратился по вашему совету в московскую контору братьев Зондерс...

— Вы ее любите? — прервал его Красин.
Кириллов запнулся.

— Да,— сказал он после некоторого молчания.— Поэтому фиктивный брак с Надей обернулся для меня страданием. Знаете, после свадьбы — нужно ведь было соблюсти весь декорум — родственники провожали нас в Петербург... Мы остались с ней вдвоем... Это тяжело, но, впрочем... главное — дело, мы договорились пореже видаться...

Красин молча и коротко обнял Кандида за плечи, потом остановился, сильно провел обеими руками по лицу, выдохнул воздух и показал тростью на дом, выкрашенный в обычный для этих ужасных улиц-рот казенный желтый цвет.

— Вы, должно быть, не знаете, Алексей Михайлович, что в этом доме жил Салтыков-Щедрин? Нам как раз сюда.

Женщина с растерянным лицом, комкая и покусывая платочек, сидела в кресле, прямая и натянутая, как струна. Это была Любовь Пескова, знаменитая Альфа, химик Военно-морского ведомства. Два дня назад ей еле удалось уйти от полиции во время налета на рабочее собрание, а коллега ее Скосаревский — Омега на этом собрании был арестован.

Кириллов сидел на краешке стула напротив Альфы, а Красин, почему-то легкомысленно насвистывая, расхаживал по скрипучим половицам.

— Когда я прохлаждался в Воронежской тюрьме, Алексей Михайлович,— обернулся он вдруг к Кириллову,— у нас там был в камере один унылый террорист. Дело его тянулось бесконечно долго, и он часами бродил по камере и бормотал стишок:

Не могу я
Ни стоять,
Ни лежать,
Ни сидеть.

Надо будет посмотреть,
Не смогу ли я висеть...

— Так вы, сударыня, — резко повернулся он к Песковой, — тоже вознамерились посмотреть, «не сможете ли висеть»? По сходкам решили ходить, агитировать массы? А вы знаете, что в случае разоблачения вас ждет бескомпромиссная петля? Пропагандистов у нас много, а химиков, таких, как вы, нет. Если уж о собственной жизни не думаете, то...

— Хватит читать нотации, — хриловатым голосом сказала Альфа. — Я все поняла. Что со Скосаревским?

— Завтра будет освобожден за недостатком улик, — сказал Красин. — Не думайте, что это было очень легко сделать.

Пескова уже не слушала его. Она вскочила, бросила скомканный платочек на кресло.

— У вас пожелтели белки глаз, — сказал ей Красин. — Так работать с мелинитом нельзя, голубушка. Во-первых, надо подумать о здоровье, а во-вторых, и о внешности. Вы должны гулять. Каждый день два часа на Крестовском или на Каменном. Это приказ...

— Смотрите, как вода-то поднялась в Фонтанке, Екатерина Федоровна, — сказал Красин. — Чуть ли на тротуар не переплескивается...

— Видите, какие мы храбрые, живем под угрозой наводнения, — улыбнулась хозяйка квартиры Екатерина Федоровна Крит.

Они стояли у окна и смотрели, как в сумерках под слабым светом фонарей раскачивается тяжелая вода. За их спинами под уютной лампой расположились вокруг стола Горький, Румянцев, Ленин и руководитель издательства «Знание» Пятницкий. Переговоры с Пятницким шли трудно.

«Странно, какое сходство между сестрами, а между тем Андреева — красавица, а о Крит такого не скажешь,— думал он.— Правда, улыбка у нее совершенно андреевская, мгновенно проступает лицо Марии Федоровны...»

— Наводнение нам сейчас совсем ни к чему,— видимо, услышав их разговор, провозгласил от стола Горький.— Эдак вместо революции придется спасать «и страхом обуялый и дома тонущий народ»...

Все в комнате засмеялись, особенно охотно Пятницкий. Был он в трудном положении: всех этих господ он чрезвычайно уважал, Горького боготворил, но рисковать все-таки не хотел и поэтому очень радовался, когда разговор хоть ненадолго соскальзывал с главных рельсов. Главные же рельсы вели к одному.— изданию партийной литературы в «Знании».

— Константин Петрович, дорогой,— басил Горький,— зная вас как одного из самых мыслящих и сочувливых перед народом людей России, я и обратился к вам с этим предложением. Поверьте, эсдеки сейчас самая реальная сила, несмотря на свою раздвоенность...

— А может быть, и благодаря ей,— тут же бросил Ленин и замолчал, углубившись в созерцание прозрачного ломтика лимона в своем стакане.

К удивлению Красина, Ленин очень мало говорил в этот вечер, совершенно не «наседавал» на Пятницкого, не пускал в ход свою стальную пружинную логику, заставляющую обычно оппонента через пять минут только растерянно хлопать глазами.

— Кроме всего прочего, Константин Петрович,— сказал, подходя к столу, Красин,— издание нашей литературы в текущий момент принесет «Знанию» значительную коммерческую выгоду.

— Помилуйте, Леонид Борисович! — округлил 201

руки, глаза, рот и даже щеки вроде бы надул Пятницкий. — О выгоде ли думать нам в эти дни! О пользе дела, только о пользе, я полагаю так! Сохранить «Знание», не дать правительству повода для закрытия издательства я хочу не для себя, а для дела, для общества лишь. Вот ведь уже и пад «Новой жизнью» собираются тучи. Последние публикации вызвали крайнее раздражение властей. Минский в панике. Для того чтобы прийти к соглашению, господа, нам нужно очень детально оговорить характер литературы, которую вы собираетесь издавать в «Знании»...

— Вот это правильная постановка вопроса! — с обычной уже своей энергией воскликнул Ленин и прищурился. — Господин Пятницкий безусловно должен знать, что мы хотим издавать марксистскую, больше того — большевистскую литературу. Межумочная литература нам не нужна. — Он встал. — Извините, мне нужно уйти. Екатерина Федоровна, спасибо за гостеприимство.

Раскланявшись, Ленин взял под руку Красина и вышел вместе с ним в соседнюю комнату.

— Я уйду, потому что тут толку не добьешься. Встретимся у Бруснева и обговорим все, что касается товарищества «Дело». Нам нужно издательство, которое в случае нужды можно было бы сразу перевести в подполье.

В одиннадцатом часу ночи Красин возвращался домой. На совещании у Бруснева было принято решение перевезти бакинскую типографию в столицу и сделать ее легальной. Ленин возражал, он говорил, что ни в грош не ставит октябрьские «свободы», что легальные органы партии могут быть в один прекрасный день уничтожены...

Красин снял шляпу и подставил голову мокрому холодному ветру, который, перепрыгивая через Ад-

миралтейство, хлестал по Гороховой. Завтра, завтра решу, как начать перевозку, сказал Красин себе, сегодня уже невозможно ни о чем думать... Извозчик свернул на Большую Морскую, отражение его проплыло в зеркальных окнах банка. Патруль из трех солдат остановился и внимательно осмотрел ночного седока. Копыта гулко стучали по пустынной улице.

В подъезде вдруг кинулась к нему какая-то неясная фигура. Красин схватился уже за револьвер, когда узнал Павла Берга.

— Леонид Борисович... я ждал вас весь вечер... — Он обернулся и крикнул в темноту: — Надя, ну выходи же! Он пришел! — он ринулся куда-то и вытащил за руку мрачно глядящую исподлобья Надю Сретенскую.

— Надя, взгляни! — Павел Берг повернулся к Красину. — Вот человек, по одному слову которого я отдаю свою жизнь! Леонид Борисович, извините, больше мне ничего не надо, я только хотел, чтобы Надя вас знала и чтобы вы знали ее — это совершенно надежный товарищ...

— Вы выпили, Павел Иванович? — строго спросил Красин. — Нет? Тем более непозволительно вести себя подобным образом. Что это за гимназические штучки? вспомните о той ответственности, которая на вас лежит.

Сухо поклонившись Наде, Красин ушел по лестнице наверх.

— Тебя больше часу ждала молодая пара, — сказала встретившая его Любовь Васильевна. — Очень странный, очень нервный молодой человек и очень красивая девушка.

— Я знаю, — Красин закрыл глаза и на секунду прислонился к стене.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

«Новая жизнь»:

Открыта подписка на большую ежедневную политическую и литературную газету «Новая жизнь». Издается при ближайшем постоянном участии Максима Горького. Газета ставит своей задачей быть выразителем политических и экономических интересов рабочего класса...

М. Горький. Из «Заметок о мещанстве»:

Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей...

Рабочее население Германии пьет солодовый кофе Кнейппа как наиболее питательный! Чашка кофе — 1 копейка!

«Московские Ведомости»:

В «Аквариуме» с постоянным успехом выступает г-н Мефисто — неустрашимый велосипедист.

Женщины-боксеры г-жи Гаррэ.

Арабская труппа Бен-Бая.

Памяти Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича

Шесть месяцев прошло со дня, как среди столицы
Его коварный враг Отечества сразил,

И новых жертв за ним промчались вереницы,
Всю Русь кровавый ток волною обагрил.

...Эти флаги — символы кровавых устремлений развевались в течение нескольких часов на доме Московского генерал-губернатора. На них обратили внимание «Русские люди», участвующие в патриотической манифестации. Между ними нашлись смельчаки, которые сорвали столь ненавистные русскому народу красные революционные тряпки...

«Новая жизнь»:

В пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовки, в зале Тенишевского училища состоится литературно-музыкальный вечер. Участвуют ...г. М. Арцыбашев, Скиталец, Г. Чулков... хор студентов...

В Саратове умер от огнестрельных ран, полученных во время хулиганского погрома, член РСДРП Александр Яковлевич Ветров.

В Лиговском народном доме состоится лекция о профессиональных союзах.

Петербургское отделение союза инженеров и техников объявляет начальнику Адмиралтейских Императорских заводов в Колпине генерал-майору Гроссу бойкот за увольнение 16 инженеров, примкнувших к всеобщей политической забастовке.

«Московские Ведомости»:

От московского градоначальника. Призываю жителей Москвы прекратить всякие шествия по улицам с флагами, так как подобные действия вызывают недоразумения и очень печальные столкновения между разными группами

населения и тем самым нарушают мирное течение жизни.

Собирайтесь, Русские люди, под знамя Священного Союза народной самоохраны за Веру Христову, за Царя, за Отечество... собирайтесь в столицах, в городах, по деревням, по селам, по станицам, аулам и обширным степям во имя любви против крови.

Замыслили недруги порядка, враги хитрые и коварные, погубить Святую Русь... водрузить знамя красное на Святой Руси, кровью Царя-Освободителя обогреть.

...Помоги же ты, Св. Георгий-Победоносец! На русском щите образ Твой: змея лютого поражаешь Ты!

«Новая жизнь»:

...Павел Августович Грожан погиб в возрасте 26 лет... Толпа патриотов-черносотенцев несла портрет своего царя. «Шапки долой!» — дерзко гремели они, уверенные в своей силе... П. А. приподнял шапку, как и другие, и, пропустив передние ряды с портретом, снова надел ее. Но тут, видно, сыщик выдал его толпе, на него набросились, он стал отстреливаться, а когда выщли патроны, отбивался финским ножом, долго и стойко защищаясь. Но он был один, и разъяренная толпа забила его насмерть... Похоронили его на Ваганьковском кладбище рядом с товарищами, погибшими в октябрьские дни...

«Московские Ведомости»:

...Все события последнего времени, с тех пор как кресло министра внутреннего безделья занял либеральствующий манекен, спутавший весь ход

государственной машины, все события доказывают, что правительство наше тает в кипятке никому не нужных реформ перед лицом подтачивающей государственной организм крамолы...

До чего дожила Москва: псаломщики собрались на митинг в количестве 300 человек. Псаломщики пропели «вечную память» умершим «борцам за свободу» и решили объединиться в «союз»...

По Москве ходила группа молодежавых лиц, пятеро в новенькой форме городских и двое в статском. Они предлагали городским подписаться под листком о присоединении к забастовке.

Городовой III разряда Шловенц, заподозрив неладное, под предлогом достать перо и чернил отправился во двор соседнего дома, дабы вызвать дворников. Вернувшись, никого на улице не застал.

За такую смелливость городовой Шловенц переведен из III разряда во II и получил награду 10 рублей из остаточных сумм полиции.

«Новая жизнь»:

В зале Тенишевского училища состоится концерт, устраиваемый Н. А. Римским-Корсаковым при участии известных артистов.

Сбор в пользу пострадавших от стачки рабочих.

Граждане, требуйте освобождения председателя Совета рабочих депутатов товарища Хрусталева!

¹ «Новая жизнь» была закрыта правительством за напечатание «финансового» манифеста Совета рабочих депутатов и революционных организаций. Вышло всего 28 номеров.

Глава VIII

Все вокруг горит

Гигантская нескончаемая толпа, колышащаяся черная масса с яркими пятнами знамен и полотнищ текла по Неглинному проезду к Театральной площади. Движение было неравномерное: толпу вдруг словно пронизывал какой-то ток, и она устремлялась вперед, как горная река, то вдруг вовсе прекращала движение, как бы раскачиваясь. Повсюду большие и малые группы людей пели «Русскую марсельезу», «Дубинушку», «Варшавянку», выкрикивали и хором скандировали лозунги:

- Долой садиста царя!
- Да здравствует республика Россия!
- Ура Учредительному собранию!
- Да здравствует социализм!
- Дубасова — долой!

В мощном этом штормовом гуле немо кричали отдаленные ораторы с фонарей, с крылец, с крыш неподвижных трамваев, немо кричали из открытых окон, размахивая красными флагами и просто красной материей, немо трубил оркестр ресторана «Европа».

соты было настолько острым, что у многих в толпе на глаза наворачивались слезы.

В числе тысяч своих капель толпа влекла и трех раскрасневшихся девушек — Лизу и Таню Берг и Симу, бывшую их горничную, ныне боевую подругу. Девушки уж и плакали, и пели, и кричали, а сейчас просто шли, смеясь, крепко взявшись под руки, чтобы не потеряться.

Из-за плеча Лизы просунулась на длинной шее вертляво-озабоченная башка в студенческом блине с выпуклыми и прозрачными, как сосульки, глазами.

— Товарищи, вы с Высших женских?

— Да, — кивнула Лиза. Не скажешь ведь, что еще гимназистки!

— Машу Спирину знаете? Она у себя? Никак не могу пробраться к вам в Мерзляковский. На Тверском бульваре казаков — пруд пруди.

— А вам зачем в Мерзляковский? — спросила Таня.

— Да за бомбами. Бомбы надо у Маши взять. У нее есть десять штук, — ответил студент.

— А вы бы на Лубянку шли да там извозчика взяли и в объезд по набережной... — бойко посоветовала Сима.

— Эврика! Спасибо, товарищ! — заорал студент и ринулся к проходному двору.

Щелкая семечки и выплевывая шелуху со скоростью пулеметов, впереди двигались три солдата-«артурца» в огромных лохматых маньчжурских папахах. Один из них все поворачивал к девицам зеленый глаз и длинный ус — интересовался. Наконец он протянул Лизе пригоршню семечек.

— Угощайтесь, барышни!

— Из плена, чай, кавалеры? — игриво спросила Сима.

— Из японского плена, господа московские ба-
рышни,— значительно ответил «артурец», явно
хмельной.

— А чего же вы там ели, в Японии? — рассыпая
веером шелуху, спросила Сима.

— Ели мясо кита,— со спокойной печалью отве-
тил «артурец».

— Ой, страсти господни! — вскричала потрясен-
ная Сима.

На Театральной площади бушевали извозчики.

— Бей гада бельгийского!

— По миру пустил!

— Третьего дня жду возля Оперы, а публика уся
нос воротит и к нему...

— Кузя, Кузя, по фонарям ему шибани! — Около
полусотни толстозадых московских «ванек» разогна-
лись и атаковывали, словно кентавры, заклятого свое-
го конкурента — электрический трамвай бельгийского
общества.

Несколько городских из-за кустов театрального
сквера робко свистели и стреляли в воздух.

Голова демонстрации достигла Театральной. Дру-
жинники выскочили вперед, разогнали извозчиков и
защитили вопящий от боли трамвай.

Перед крыльцом городской думы шел многочасо-
вой непрерывный митинг. Члены стачечного коми-
тета, Совета рабочих депутатов, представители сою-
зов плотной толпой ряд над рядом стояли на крыльце,
словно собравшись для фотоснимка. Ораторствовал
пожилой человек в распахнутой генеральской ши-
нели.

— ...Мы должны заявить правительству наши ре-
шительные требования о созыве Учредительного соб-
рания!

— Кто такой? Что за генерал? Откуда взялся? — интересовались в толпе.

— Это наш революционный генерал Аверьянов, председатель союза служащих, — объясняли знающие люди.

Оратор сменял оратора.

— Товарищи, в Европе одна лишь Россия да еще Турция влачат путы самодержавия... Долой рабство! Пролетариат всех стран борется с капиталом... Только демократическая республика может дать права рабочему народу!

Разговоры в толпе:

— Позвольте, господа, где мы находимся? Ругают царя, церковь, и все это безнаказанно?

— Да вы с Луны, что ли, свалились?

— Товарищи, читали, что заявил этот дубина Дубасов? Полюбуйтесь... «Я принимаю свое назначение на пост московского генерал-губернатора как назначение на боевой пост»...

Дальше еще похлеще! «За повреждение телефонных и телеграфных столбов... в некоторых случаях караются смертной казнью...» Каково? За столб — человека! Вот вам и неприкосновенность личности!

— Слышали, Ростовский полк взбунтовался!

— Две трети войск отказываются стрелять!

— Господа, победа будет за нами!

— Тихе! Тихе! Это большевик Литвин-Седой!
Чрезвычайное сообщение!

С крыльца молодой еще человек с белыми волосами кричал надорванным голосом:

— По поручению Московского комитета эсдеков сообщая! Московский Совет рабочих депутатов принял решение о вооруженном восстании!

Толпа пронесла девушек через Театральную, по Манежной, по Тверской... Здесь им удалось выскочить в Камергерский переулок, который тоже был полон народу, но там можно было двигаться и по своей воле. При свете рано загоревшихся фонарей у подъезда Художественного театра под редкими крупными снежинками, с белыми бордюрами на карнизах Камергерский напоминал какой-то странный, как из сна, по-новогоднему, по-рождественски торжественный зал.

С крыльца театра кто-то тоже говорил речь, кто-то с непокрытой головой, уж не Станиславский ли?.. Какой-то юноша, быстро шагая, передал девушкам толстые пачки листовок и со словами «разбрасывайте, разбрасывайте» исчез в подъезде. Вдруг возник пчеловеческий крик, все обернулись на этот крик и увидели, что среди толпы пляшут лошади и тускло в ранних сумерках поблескивают над головами лошадей клинки.

— Товарищи, без паники! Товарищи, дадим отпор! Спротивляйтесь, товарищи! — пронеслось по толпе.

Бухнул первый выстрел. Таня вдруг увидела совсем близко от себя молодую женщину, которая, деловито задрав юбки, вытащила из-за чулка револьвер и часто стала палить. Таня вспомнила, что и у нее в муфте спрятан крохотный «бульдог», выхватила его и, радостно вскрикнув, выстрелила в воздух.

— Ух, сволочи! — тяжело выдохнул кто-то совсем рядом, и мимо пронеслось, скрипя подругой, остро пахнувшее тело лошади с сапогом драгуна. Вслед за этим сразу же Таня увидела шатающегося и мычащего от боли человека с рассеченными руками и лицом. Человек упал. Таня бросилась к нему, и в это время со стороны Большой Дмитровки — словно

рухнула громадная поленница дров — прогрехотал залп. Плотный ряд серых шинелей, закрывая весь проход улицы, устремился в Камергерский.

— Лиза! Сима! — отчаянно закричала Таня.

В толпе уже мелькали черные шинели городских, дворницкие бляхи... Кто-то рванул Таню за плечо.

— Ага, с ливальверчиком!

— Товарищи, нужно, пока не поздно, захватить Николаевский вокзал, прервать связь с Петербургом. Оттуда нам угрожает главная опасность!

— Но оттуда мы ждем и помощи!

— Это дело железнодорожной дружины.

— У них мало сил. На вокзале железнодорожный батальон, две роты, эскадрон и две пушки...

— Пропустите, пропустите, я член Федеративного комитета. Товарищи, я принес ужасную новость — час назад в Косом переулке арестован Федеративный Совет.

— Без паники, товарищи!

Николай Берг прибежал домой в шинели с оторванным лацканом, мелькнул в зеркалах взлохмаченный, с горящими глазами.

«Все-таки мы с Павлом — одно лицо», — подумал невольно он, но тут же эта мысль была захлестнута потоком, водопадом других мыслей, среди которых была одна, поразившая Николая.

«Только политические лозунги! Ни одного экономического — вот что удивительно! Эти огромные толпы забитых, почти неграмотных людей требуют конституции, демократии, уважения личности! Что они знают про демократию? Они одержимы, они готовы сразиться с чудовищной силой! Безумцы! Будет кровавая баня!»

Шаги его гулко разносились по огромному дому.

— Павел! — крикнул он. — Лиза! Таня! — голос раскатился по лестницам и комнатам, и Николай сразу же понял, что дом пуст. Он пробежал все-таки через холл, распахнул несколько дверей, потом спустился в подвал.

Здесь, как всегда, орудовали «блаженненькие», как их называла Сима, студенты-химики. Студенты весело насвистывали какой-то кекуок.

— Простите, милостивые государи, за вторжение, — процедил сквозь зубы Николай, — но не видели ли вы кого-нибудь из хозяев этого дома?

— Пашка, должно быть, на фабрике, Колюня, — с поразившей Николая фамильярностью сказал один из «блаженненьких», — а девочки, наверное, гуляют...

«Девочки гуляют!» Артиллерия уже бьет вдоль Тверского бульвара, повсюду дерутся, а «девочки гуляют», — Николай в бешенстве вылетел из подвала, снова пробежал по темной, в таинственных бликах и тенях гостиной, повернул выключатель — света не было: забастовка.

Он сгреб со стола несколько газет, сунул их в камин, бросил спичку. Красные отблески заплясали на полу, на стенах, на окнах... Николай вдруг увидел среди пушистых хвойных лап, вилотную подступающих к окну, двух птиц небесных, снегирей, красногрудого самца и серенькую самочку. Птахи кувыркали в снегу, топорщили перышки, раскачивались на ветках в полном блаженстве.

— Какая идиллия! — ядовито процедил Николай. — На дворе революция, а у них, видите ли, любовь...

Застучали двери, в вестибюле послышались незнакомые мужские голоса и женский плач. Николай рванулся.

В прихожей топтались два солдата в мохнатых шапках, один из них зажигал лампу, а на ступеньках лежала ревущая во весь голос, трясущаяся Сима.

— Коленка! — дурным голосом завопила она.— Схватили наших девочек в Камергерском! Сама видела, и Лизу, и Таню в полицейскую карету затолкали... Меня тоже волокли, да вот господ «артурцы» отбили...

У Николая кругом пошла голова, он схватился за бронзового Пана со свирелью, крикнул:

— Где Павел, Сима? Где Павел?

— Павел на обувной с дружиной распоряжается...

Градоначальник барон Медем — в Петербург:

...В настоящее время мятежники стараются захватить в свои руки власть над городом путем систематического сужения баррикад, постепенно суживая кольцо последних к центру. Некоторые местности фактически уже находятся во власти восставших...

«Известия Совета рабочих депутатов»:

...Победа близка! Будьте, товарищи, смелы, решительны и умеете, не дрогнув, смотреть в глаза нищете и смерти в борьбе за свободу!

*Генерал-губернатор Дубасов —
премьер-министру Витте:*

Положение становится очень серьезным. Кольцо баррикад охватывает город все теснее, войск для противодействия становится явно недостаточно. Совершенно необходимо послать из Петербурга, хотя бы временно, бригаду пехоты.

С колокольни Страстного монастыря открывался обширный вид на заваленную снегом, подернутую морозной дымкой низкокрышную Москву. Маковки бесчисленных церквей светились под лютым декабрьским солнцем. Ближе всего и удобней для прицела был Тверской бульвар в черном человеческом мельтешении, в морозном дыхании, в мелькании узких красных полотниц.

— Ишь, сволочи, своего тряпья у них не хватает, над русским флагом измываются. Белое и синее отрывают, а красным машут!

Во главе бульвара стоял, опустив голову в плечи, в пышный снежный воротник, печальный черный человек.

Артиллеристы, багровые от натуги, втащили наконец на колокольню пулемет и, приседая, чтоб не расшибить лбы об огромные колокола, подкатили его к краю площадки.

— Наводи на бульвар, елки точеные! — гаркнул, растирая побелевшие уши, бравый усатенький поручик.

Артиллеристы замялись.

— Вроде бы не с руки, — пробормотал один носатый, а рот — галка залетит, ефрейтор. — Вроде бы не с руки, ваше благородие, со святого места пулеметом...

— Я тебе, Бухтин, из рожи сейчас татарский бифштекс сделаю, — спокойно сказал поручик.

Взялись заряжать.

— Сейчас по бульвару шарахнем, — потирая руки, словно перед стопкой водки, говорил поручик, — а потом засадим вон по той баррикаде. Париж, ха-ха-ха, история!

— А это кто ж там такой — чугунный?

— Генерал, должно, какой, полководец...

На Старо-Триумфальной казачью сотню окружила вооруженная толпа. Ружья и пистолеты были подняты стволами вверх, шашки пока лежали в ножнах. В толпе мелькало множество молодых женских лиц. Казаки неуверенно улыбались.

— Свободу казакам! Долой офицеров! — раздался вдруг пронзительный крик.

— Ура! — загремела толпа.

— Шашки наголо! — голос есаула потонул в шуме.

— Эй, казачки-красавчики, переходите к нам! — Яркоглазая молодка взялась за стремя. Чубатый свесился, прижал руку к груди.

— Господа, как же я могу, когда я присягу принимал защищать государство!

— Да ведь мы и есть, голубчик, это самое русское государство, кто же еще, — прогудел пышноусый рабочий.

— Разойдись! Стреляем! — прорезался металлический голос из толпы.

— Не стреляйте! Казаки за нас! Не стреляйте! — закричали в толпе.

Анархистская дружина «Черный костер» дала по казакам залп из маузеров. Мгновенно взвились шашки. Сотня и дружина ринулись друг на друга в атаку. Митенька Петунин метко прострелил есаулу голову, подхватил у убитого товарища черное знамя свободы, пикой этого знамени ударил кому-то в глаз, бросился вперед, ничего перед собой не видя, и только, получив сабельный удар по плечу, почувствовав жжение и обнаружив расплзающееся на куртке темное пятно, опомнился и радостно засмеялся. Свершилось! Пролил, пролил и он кровь за свободу, отли-

лась хоть капелька его, Митиной, кровушки за убиенных им невинных аглицев в Петербурге, за погибшего незабвенного Виктора Николаевича Горизонтова.

Чумной выдался у Ферапонтыча ноне денек. С утра на Собачьей площадке пымал за соленые уши молодого злоумышленника 9 лет. Оный торговал публице портретики лейтенанта Шмидта и госпожи Спиридоповой по пятиалтынному за пару. Ферапонтыч товар у злоумышленника отобрал и сбыл его на Тверском бульваре куньим да собольим воротникам.

Опосля в Скатертном переулке налетел на Ферапонтыча жгучий острик. Отдавай, кричит, сатрап, личное и нательное оружие!

— А сжели не отдам? — с хитрецей спросил Ферапонтыч.

— Убью! — кричит острик.

— Чем убивать, ты мне лучше пятерик подари, господин поднадзорный зубной техник.

Произошел хороший обмен. Острик с ржавой пашкой и луевским наганом (орехи им хорошо было колоть) полетел по своим делам, а Ферапонтыч с пятериком за щекой солидно пошлепая на фатеру.

По дороге в Калашном выменял шинэлку на полуживого попутая-колдуна.

Дома ждал Ферапонтыча удивительный сюрприз — грамотная записка от благоверной:

«Шер ами! Путя наши разошлись в море жизни, и авось не пересечься им никогда. Прощай и прости, пойми и не ревнуй. Огурцов тебе хватит до весны, а там, гляди, и вернусь. Твоя Серафима Луева, в девичестве Прыскина-Экосез».

Пока читал, с валенок натекло, и Ферапонтыч, стоя в луже, заснул. Попка-колдун всю ночь ему на ухо шептал:

— Спи, Луев, спи, а то, гляди, шкуру спустят с тебя...

Проснулся Ферапонтыч, вышел во двор, а вокруг — песни, смех, пальба... Господа скубенты революцию играют.

В квартире Горького и Андреевой на углу Моховой и Воздвиженки ходуном ходили полы, непрерывно содрогались зеркала и картины, дребезжала посуда. Люди входили, выходили, вбегали с коротким «здрасьте», иногда и не представляясь, выбегали без лишних слов, что-то ели в столовой, чаще стоя, чем сидя, обжигались горячим чаем, перевязывали раны друг другу, проверяли оружие, обменивались информацией.

— Артиллерия разбила училище Фидлера. Били прямой наводкой, гады!

— Главное, там арестовано больше сотни наших парней.

— Слышали? Дубасов приказал стрелять по нашему Красному Кресту!

— Ну, я им ночью — отвечу! Найти бы напарника...

— Бросьте вы свои эсеровские штучки!

— Братцы, товарищ с Симоновки добрался!

— Как там у вас, симоновцы?

— У нас замечательно. Мы провозгласили Симоновскую рабочую республику. Но нужна помощь...

— К вам на подходе студенческая дружина Костицына и Кавказская...

— Надо было захватить Николаевский вокзал. Мы упускаем важнейший момент, товарищи. Железнодорожники все время атакуют, но безуспешно. Алфимов убит. Им нужна помощь!

— Кого пошлешь? Нет связи! Нет центра! Не хватает оружия...

— Спокойно, вагоны наши, должно быть, уже на подходе. Пора высылать в...

— Вы рехнулись — вслух об этом?

— Чего там — все свои...

— Уверены, что в этой толчее нет провокатора?

Мария Федоровна, дав себе короткий приказ «держаться», спокойная, прямая, улыбчивая и немислимо красивая, двигалась от одной группы к другой, следила за Алексеем Максимовичем, чтоб не дай бог не выбежал на улицу после плеврита, распорядилась на кухне, писала письма в Петербург, раздавала деньги нужным людям...

— Мария Федоровна! — долетел из прихожей голос Чертковой. — Вас просят!

— Пусть товарищ проходит. Впустите, Олимпиада Дмитриевна.

Олимпиада прибежала, смеясь в кулачок.

— Да это не «товарищ». Сосед снизу, дрожит...

Тайный советник в шубе, но без шапки, подбородок держал высоко и вроде бы крепко, но седые волосы на пятнистой голове действительно дрожали.

— Мария Федоровна, простите великодушно, — поставленным барским голосом произнес он, но сбился и дал «фиксу», — простите, я по-соседски... у вас тут молодые люди, Мария Федоровна, иной раз постреливают...

— Разве? — наивно округлила глаза Андреева. — Я не замечала.

— Да-да, конечно, — торопливо забормотал тайный советник, — но пуля пробила у нас фортепиано. Может, и не от вас, а так просто залетела откуда-нибудь, но... жена очень напугана, Мария Федоровна, а я ведь всегда держался либеральных взглядов...

На лестнице послышались голоса, и за спиной тайного советника выросли люди. Он глянул и обомлел: таких людей он еще не видел. Это были высокие юноши в белых папахах и с черными усами, с широкими плечами и осиными талиями, с горящими глазами и сахарными зубами, не меньше десятка, не меньше десятка таких гусей... Оружие они несли открыто, не стесняясь его, а вроде бы гордясь.

— Марья Федоровна Андреева? — произнес бархатным голосом головной боец. — Я Васо Арабидзе. Мы посланы к вам.

Сказав тайному советнику что-то успокоительное, Андреева пропустила грузин в квартиру.

— Прибыли к вам для охраны по поручению Никитича, — сказал Арабидзе.

— Это почему же нам такая честь, специальная охрана? — спросил, выходя в прихожую, Горький.

— На вашу квартиру готовится налет, — ответил Арабидзе. — В общем, Алексей Максимович, мы отсюда не уйдем. В квартиру не пустите, будем на лестнице сидеть.

— Проходите, проходите к самовару, — пробасил Горький.

Пока пробирались через толпу, некто, никем не замеченный, скользнул в туалетную комнату, а когда грузины скрылись в столовой, некто — шапку в руки и затопал по лестнице вниз.

Красин и Кириллов провожали Надю в Москву. Красин очень спешил. На вокзальной площади дожидаясь автомобиль, который должен был доставить его с Николаевского на Финляндский вокзал. В Таммерфорсе работала большевистская конференция РСДРП.

Надя была в модной ротонде, несла букет, смеялась, поднимая лицо, изо всех сил пыталась казаться : 221

веселой, беспечной барышней. Мужчины провожали ее взглядами. Кириллов нес огромную коробку конфет. Коробка под слоем шоколада была на три четверти заполнена медными капсулами для «македонок».

— Кольберг и Наташа проехали благополучно, — тихо говорил Красин. — Если в купе заглянет офицер, ешьте конфеты. Уверен, что все обойдется. Передайте Павлу и Илье, что на Петербург в ближайшие дни Москве рассчитывать нечего. Здесь наши силы рассеяны. Совет парализован арестами. Москве нужно держаться как можно дольше. Главное — Николаевская дорога! После вашего проезда мы попытаемся взорвать полотно. От этого, может быть, зависит судьба восстания...

Подошли к желтому международному вагону с тускло светящейся бронзой и бархатом внутри. Возле вагона два подвыпивших кавалергарда провожали известную оперную певицу, шутили наперебой, хохотали, целовали даме ручки, но, увидев Надю, вдруг по-мальчишески разинули рты.

— Идите, Леонид Борисович, опоздаете, — тихо проговорила Надя и протянула Красину руку. Она глядела в сторону, но Красин все-таки выждал, собрав все силы, поймал ее ускользающий взгляд. Меньше секунды они смотрели глаза в глаза, потом рукопожатие их распалось, Красин приподнял шапку, круто повернулся и быстро пошел прочь.

Надя и Кириллов вошли в купе. Кириллов положил Надин сак в сетку, а коробку поставил на самое видное место, на столик. Крикнул, чтобы принесли вазу для цветов. Наступили самые тягостные для обеих минуты. Надя, конечно, отлично понимала, что чувства к ней ее «мужа» несколько отличаются от чисто партийных товарищеских чувств. Ей было жаль Кандида, и он был ей мил. Вот этот неуверенный,

застенчивый взгляд, румянец, заливающий щеки, мягкая бородка — тип молодого русского помещика, грустного мечтателя... Кто скажет, что это один из самых страшных для властей боевиков, помощник неуловимого Никитича?

— Ну... не надо... Алексей Михайлович, милый... Идите уж... — прошептала Надя.

Кириллов обернулся в дверях купе.

— Берегите себя...

Поезд тронулся, застучал по рельсам. Мимо купе, шелестя шелками, приподняв высокомерно-оскорбленный носик, прошла невица, чуть-чуть, еле-еле покосилась на Надю. Больше, кажется, в вагоне пассажиров не было.

Надя закрыла дверь, расстегнула воротник платья, откинулась на мягких подушках. Она уже начала засыпать, когда раздался осторожный стук. Она вскочила, застегнула платье, приоткрыла дверь и увидела пуговицы жандармского мундира.

— Прошу прощения, мадемуазель...

Луна в арктических кольцах смотрела с высоты на баррикаду в районе Садово-Каретной. Над баррикадой тихо шевелился обмерзший красный флаг и торчали выставленные для поднятия духа чучела Дубасова и Трепова. Здесь было тихо, а вот с Кудринской доносилась непрерывная трескотня выстрелов.

Оттуда как раз и явилась на баррикаду пожилая женщина в барской добротной шубе и с простым крестьянским лицом. Она спросила начальника Кушнеровской дружины наборщика Алексея Кайровича, и ее ввели в помещение зеленой, где был теперь склад боеприпасов.

— Я от Седого, — сказала женщина Кайровичу. — 223

Принесла вам печать ЦК для передачи сами знаете кому.

— Это вы — Антонина Григорьевна? — изумился Кайрович. Однажды ему довелось видеть эту женщину, мать самого Никитича, на конспиративной квартире. — Как же вы прошли через Кудринскую?

— Божьим промыслом, сынок, — улыбнулась женщина. Она сняла шляпку, вынула шпильки и извлекла из упавших на плечи волос печать ЦК РСДРП.

— Дела-а! — проговорил Кайрович.

Между тем дружинники покуривали у костра, мирно передавали друг другу чайник и пили из горлышка, и лишь один, огромный, с квадратными плечами, спокойно ходил вокруг костра, щелкал затвором винтовки, заглядывал, словно томясь, за ящики в пустынную глубину Каретной.

— Слыхали? — крикнул он вдруг. — Иваново-вознесенцы-то молодцы — пулемет захватили! Там у них какой-то Фрунзе, боевой парень!

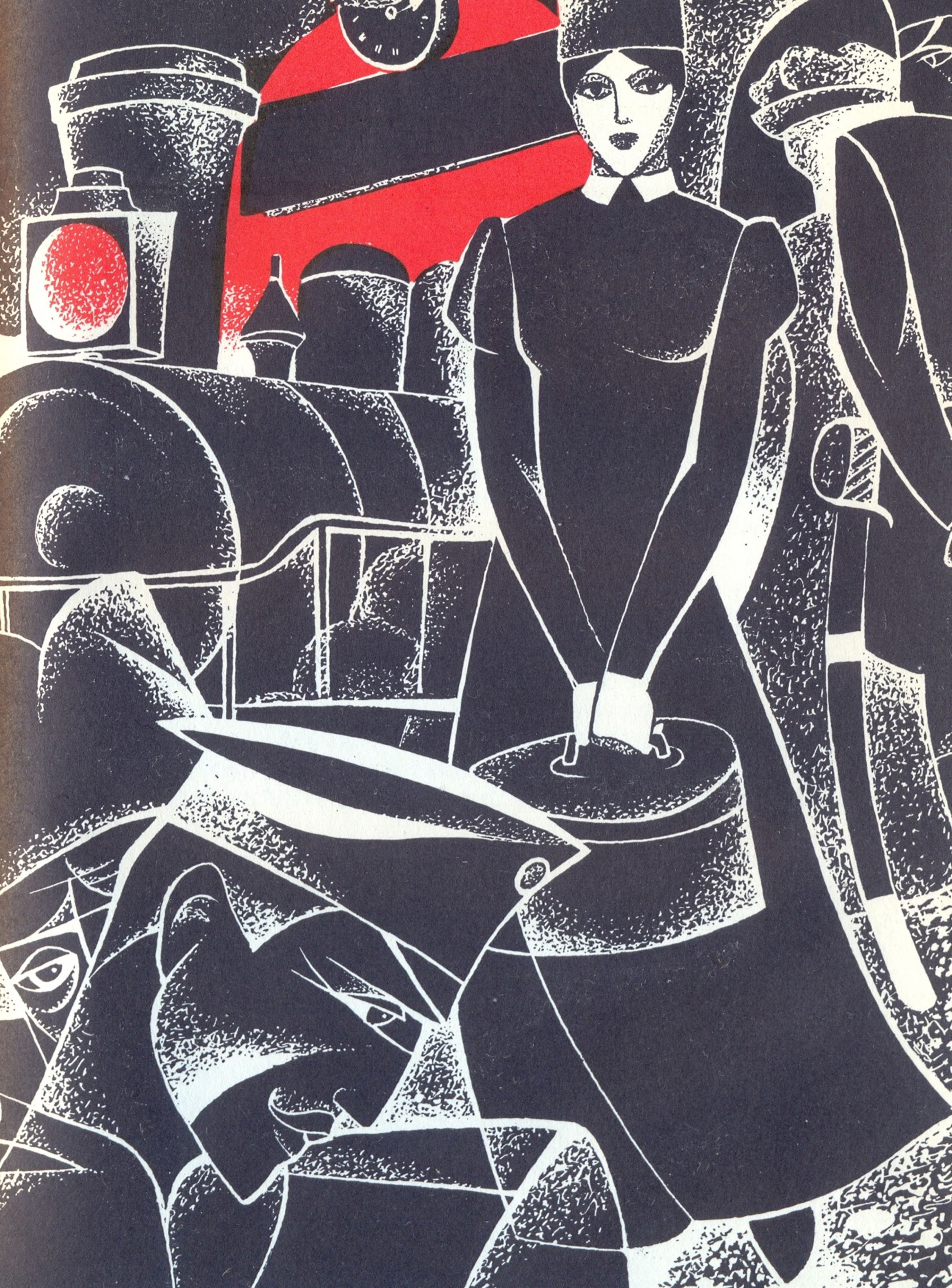
— Иди чайку попей, Англичанин, — сказали от костра. — Эка тебе не сидится.

— А чего же сидеть? Драгун ждать? Действовать надо, действовать! — закричал Англичанин Вася, а это был именно он при ближайшем рассмотрении. — Чай будем пить, они и про революцию позабудут! Эй, кто со мной? Пять человек, не больше. Сейчас мы им дадим шороху!

— Куда собираешься, Вася? — спросил, подходя, Кайрович.

— Партизанский рейд в аристократические районы, — засмеялся Горизонтов. — Что сказано в инструкции? Действовать маленькими группами, нападать и уходить. Верно?

— Верно, — сказал Кайрович. — Действуй в таком разе, ты человек военный.



Горизонтов осмотрел добровольцев, скептически крикнул, завязал башлык и дал пинка под зад гимназисту Пете. Остальные, четверо крепеньких рабочих пареньков, его устраивали. Сунув маузер за пазуху, он перепрыгнул через заграждение.

Пока пять силуэтов быстро удаляются по обледенелой улице, можно вкратце рассказать историю неожиданного появления в сражающейся Москве многократно оплаканного Лизой Берг «Англичанина Васи». История в общем-то незамысловатая. Простреленное в трех местах и почти бездыханное тело Горизонтова вытащили из воды к концу боевого дня финские рыбаки. Месяца два его отхаживали на какой-то мызе в божьем краю, в немыслимой лесной глухомани, а потом переправили в Гельсингфорс, в особняк некоего шведа, ботаника, зоолога, вообще натуралиста, у которого Витя за короткое время окреп, обучился по-шведски и по-фински, насобачился делать чучела птиц и малых лесных зверей. Ученый швед и горничная его юная датчанка Сирьё нарадоваться не могли на такого юношу, но через некоторое время стали они замечать, что одновременно с тем, как укрепляются Витины мускулы, увеличивается его задумчивость и распухает кипа газет, которую он по утрам приносит с улицы.

Однажды он посмотрел на черепичную крышу с огромной сосулькой, на мохнатого ласкового ученого в окне мезонина, на Сирьё, смеющуюся из-за хлопающего под балтийским ветром промерзшего белья, и подумал, что жизнь эта нереальна, что это лишь декорация к сказкам Андерсена, что в то время, когда товарищи... В тот же вечер, покинув плачущую датчанку и огорченно сопящего шведа, Горизонтов отбыл в Москву, где как раз объявлена была всеобщая забастовка.

...Итак, он был уже второй день в Москве и жаждал действия.

Надя открыла дверь пошире. В проходе стоял сухощавый подполковник с моноклем в глазу. В конце прохода теснились три нижних чина.

— Прошу прощения, мадемуазель, вы путешествуете одна?

— Да, мсье, если не считать этой коробки конфет,— весело ответила Надя, поправляя волосы...

— Вы знаете, что в Москве волнения?

— Волнения? Какого рода? — При этом вопросе Надя настолько переиграла в кокетстве, что даже испугалась. Но, кажется, вытянутое, тонкогубое лицо жандарма не отразило никаких чувств.

— Волнения очень серьезного характера. Стрельба.

Одна-единственная мысль терзала Ехно-Егерна вот уже третий день. Оформить ее можно было бы примерно так: «Кабан дремучий Караев, мизерабль ничтожный, унижить мастера сыска, психолога тайной войны до досмотров в поездах! Зачтется это вам, чугунное рыло, зачтется...»

Ехно-Егерн взял было уже под козырек перед очаровательной юной дамой, как вдруг в поле его зрения попала обтянутая шелком бонбоньерка. Вчера и третьего дня он уже видел точно такие же роскошные большие коробки шоколада в точно таких же купе, и везли их молодые дамы примерно одного возраста. Надя удивилась: губы жандарма вдруг растянулись в любезнейшей улыбке.

— Какая прелесть! Какой тонкий вкус! Умеют все-таки у нас, когда хотят, делать изящные вещи...

«Форд» с грохотом ехал по Литейному мосту к Финляндскому вокзалу. Автомобили все еще были в диковинку в Петербурге, а тем более такие огромные. Прохожие останавливались на тротуарах, оживленно обсуждали движение заморского механизма, мальчишки неслись следом, шофер «Электрического общества» ежеминутно нажимал резиновую грушу сигнала, словом, шум был великий, но Красня ничего не видел и не слышал вокруг.

Он весь был погружен в свои мысли.

Москва загорелась вдруг, как соломенная крыша, события там развиваются с невероятной быстротой... Как предугадать исход? Столица сейчас не готова, властям удалось арестами, террором ослабить движение, любое выступление будет подавлено немедленно... Сейчас — да, но через неделю — неизвестно... Неизвестно, что будет через неделю, даже через два дня... Москва должна держаться как можно дольше! Здесь у нас пока только один успех — «бабушка»...

Недавно три краснянских боевика умудрились похитить со двора гвардейского экипажа пушку Гочкиса, названную «бабушкой» из конспиративных соображений.

...Да, «бабушка»! Неожиданный ошеломляющий обстрел этой пушкой Зимнего дворца мог бы послужить сигналом для общего восстания. Москве нужно держаться! Продержится ли? Ходят слухи об отправке в первопрестольную гвардейских частей. Власти, конечно, попробуют устроить кровавую баню. Что с Маратом, Васильевым-Южиным, почему от них нет вестей? Неужели они взяты? Главная надежда на железнодорожников. Вот проедет Надя... Надя... проедет Надя... ее же не схватят... нет, нет... это уже было бы слишком.

На мгновение представив себе Надю в руках жан- 227

дармов, Красян почувствовал дурноту, кожу его покрыла испарина.

«Форд», отчаянно грубя, пробирався сквозь мельтешню извозчиков на вокзальной площади.

— Как стадо коров эти «ваньки»! — закричал шофер. — Невозможно развить скорость, Леонид Борисович!

В доме на Воздвиженке наступила относительная тишина; только в кухне раздавались голоса да изредка по коридору стучали быстрые шаги.

В гостиной в полосах лунного света лежали на медвежьих шкурах грузины. Арабидзе, не обращая внимания на доносящиеся с улицы выстрелы и далекие взрывы, вполголоса читал по-грузински «Мерани»:

Стрелой несется копь мечты моей,
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей.
...Я слаб, но я не раб судьбы своей,
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей¹.

Горький из-за двери слышал грузинское чтение. Он не понимал слов, но характерная эта речь, при которой в горле словно подпрыгивает под струей воды небольшой камешек, необходимое для этой речи препятствие, и тревожная интонация Арабидзе взволновали его, и он пошел писать в «птицевую комнату».

— Послушай, Васо, — прервал вдруг чтение один юноша, садясь и обхватывая колени, — я уверен, что видел здесь в толпе Арчакова. Сначала я думал — показалось, а теперь уверен. Мелькнуло лицо, я прошел мимо, потом я его нигде не видел...

228 ¹ Стихотворение Н. Бараташвили «Мерани» (современный перевод).

— Это тот двойник из Тифлиса, Ладо? — спросил Арабидзе.

— Ну да. Мы с Камо перехватили его в Одессе, когда он возвращался с гапоновской конференции. Почему не убили — не знаю. Клялся, сволочь, что уедет в Персию навсегда.

— Наверняка подослан охранкой. Если бы его поймать, узнали бы много интересного...

— Поймаешь в этой Москве!

— Следующий раз убью, не раздумывая!

Весь день дружина Павла Берга и Ильи Лихарева сдерживала натиск сильного отряда полковника Зурова. Баррикада, отменнейшая баррикада из четырех кочных вагонов, телеграфных столбов, будок и колючей проволоки, была сооружена в устье Поварской улицы у самой Кудринской. Такая же, если не лучше, баррикада вознеслась в устье Большой Никитской.

Возведением обеих этих баррикад руководили Илья и новый его дружок, низкорослый — поперек себя шире — силач из кузнечного цеха Сеня Колучий. Павел в распахнутой по обыкновению шинели метался между Поварской и Никитской, выкрикивал что-то очень пламенное, красивое: «Товарища, стоять до конца! ни шагу назад! свобода в наших обоях!» Дружинники улыбались, глядя на него. Слова эти им нравились, но работы они не прекращали.

— Илюша, а это зачем? На кой черт нам эти ямы, эти заборчики, эти, прости меня за резкость, дровишки? — спросил Павел, когда работа подходила к концу.

— Для костров, — ответил Илья. — Люди греться будут.

— В бою согреемся! — крикнул Павел. — Вспомни картину Делакруа, дружище! Я тебе показывал! Вот что такое баррикады!

— У Делакруа обнаженная дама, товарищ Берг, — вставил неожиданно Колючий, — а значит, погода теплая. А у нас мороз, товарищ Берг.

Илья засмеялся:

— Правильно, Сеня!

— Откуда вы про Делакруа знаете, товарищ Колючий? — удивился Павел.

— Илюшка рассказывал.

Колючий еще недавно был самым главным бузотером в фабричной слободе, что ни вечер — безобразный рев под гармонику, мордобой, буйство, сил у него пока на это хватало даже после рабочего дня в кузнечном цеху. От сознательных рабочих он держался в стороне, книжки пускал на раскурку, словом, жил по вековечному российскому принципу: «он до смерти работает, до полусмерти пьет».

И вот однажды ночью он разбудил Лихарева и взволнованно рассказал: явились двое в одинаковых пальто, вербовали его в доносчики, обещали полтора червонца на пропой, пришлось стукнуть их лбами, уж не знаю, живы ли, а может, заболели... Илья после этой ночи взялся за Колючего, стал рассказывать ему о рабочем движении в России и в Европе, о марксизме, о близкой революции...

Собутыльники недоумевали: Сеня Колючий менялся на глазах, чистым стал, серьезным, задумчивым. Летом Илья включил его в дружинку, и вот теперь могучий парень стал его ближайшим сподвижником. Строительством баррикады Колючий занимался деловито и толково, словно это была далеко не первая баррикада, далеко не первая революция в его жизни.

Когда мальчишки сообщили, что на Арбате появились казаки, Павел тут же стал собирать отряд для молниеносной атаки, но Илья остановил его: нужно

выждать, надо, чтобы войска сами атаковали баррикаду берговцев. К общему удивлению, Лихарев разложил на столе схему района и изложил штабу дружины свою диспозицию боя.

Илья в душе очень гордился двумя этими мощными сооружениями, запиравшими выход на Кудринскую площадь и дальше на Пресню. Гордился он чрезвычайно и боем, какой провела сегодня его дружина.

Едва на Поварской или на Никитской появлялись зуровские казаки и гренадеры, баррикады открывали мощный огонь. Зуровцы отступали с большими потерями, выдвигали вперед свои пушки, и тогда с крыш летучие отряды берговцев бросали бомбы, производившие ужасный грохот. Таким образом к ночи повреждены были оба зуровских орудия и один пулемет. Стрельба стихла. Войска, как предполагали на баррикадах, ушли в Манеж.

Павел и Илья, расставив посты, зашли в квартиру либерально настроенного присяжного поверенного, любезно предоставленную революционерам для обогрева. Из кабинета хозяина с бешеными глазами выскочил Николай Берг.

— Видал, как мы им задали жару! — возбужденно сказал ему брат. — Сейчас начнем строить баррикаду возле Арбата.

— Ты безумец! — завопил Николай. — Сестры! У тебя пропали сестры, девочки наши в руках каких-то держиморд!

— Революция, Коля, — спокойно сказал Павел. — Надо быть готовым к жертвам. Баррикады...

— Пусть сгорят все твои баррикады, если с головы моей сестры хоть волосок упадет! — закричал Николай. — А ты, Илья, чего молчишь? Ты же любишь Лизу!

Илья, стоявший к нему спиной, только вздрогнул 231

от этих слов, но не обернулся. Любит ли он Лизу?

Он увидел ее впервые шесть лет назад весенним вечером на Арбате, строгую девочку с огромным голубым бантом в косе, и почему-то застыл, словно раньше ему не приходилось видеть девочек с голубыми бантами. Она шла с гувернанткой, и он провожал их тайком до самого дома на Поварской и после чуть ли не полгода каждый вечер слонялся вокруг дома в надежде увидеть строгую девочку; он и не знал, что это дочь его хозяина, самого Берга. Знал лишь, что богачка и недоступна, как царевна из сказки, пока однажды в попытке догнать ее экипаж не вскочил на подножку конки и не был оттуда выброшен пинком на мостовую, а там еще лихач огрел босяка кнутом... После этого он сказал себе, что в мире нет строгой девочки с голубым бантом, ее нет, нет совсем... Но она существовала все эти годы, пока он ее забывал, и вдруг оказалось, что молодой агитатор Павел — родной ее брат, и они стали встречаться, говорить о книгах, о Марксе, и он понял, что их пути пересеклись, и с каждым днем, невзирая на Лизино увлечение Горизонтовым, он чувствовал, что они подходят все ближе и ближе друг к другу и что революция соединит их навсегда.

— Или, может быть, вы уже принесли их обоих в жертву? — неистовствовал Николай.

— Прекрати истерику! — сказал вдруг совершенно не своим, железным голосом Илья, и Николай сразу замолчал. — Между прочим, пока ты тут нервничал, мы все разузнали: все схваченные в Камергерском сидят в Тверской части. Сейчас мы туда отправимся с отрядом. Примешь участие в экспедиции?

— В экспедиции и принимать участие не буду, а сестер спасать пойду! — крикнул, но уже потише, Николай.

— Держите, Николай Иванович! — кто-то из рабочих протянул маузер.

Николай отдернул руку, как от раскаленной плиты.

Бомбы вылетели из окон Центральных бань и разорвались, почти сразу три штуки, в самой гуще жандармского эскадрона, стоявшего поблизости в каре. Заметавшиеся всадники были обстреляны частым огнем из пяти маузеров.

Так глубоко повстанцы еще не проникали, и поэтому несколько минут в Театральном проезде царил паника. Затем жандармы в ярости ринулись на молчаливые и безжизненные Центральные бани.

После столь удачной атаки Горизонтов приказал своему отряду рассеяться. Каждый должен был добираться до баррикады в одиночку. Сам он выбрался во двор через котельную, вывернул наизнанку свой кожан и спокойно зашагал к Театральной площади. Почему-то Витя был уверен, что кожан, вывернутый мехом вверх, делает его совершенно лояльной персоной, чуть ли не иностранцем.

Первый же патруль остановился, моргая, при виде огромного человека в шубе лунного меха в загадочных разводах.

— Это с какого же ты сучка сорвался?

— Стой!

— Ай эм инглишмен. Итс май ферст визит ин ёр экселент кэпитэл-сити, — затараторил Горизонтов, хлопывая себя по животу, чтобы ощутить для спокойствия засунутый за пояс маузер.

— Иностранец. Из цирка должно, — предположил патруль.

— Ай лав уан рашен леди! — воскликнул Горизонтов.

— От бабы идет, — смекнул патруль. — Иди-иди, емея, а то пулю схлопочешь.

И патруль засмеялся снисходительно.

Еще дважды прибегнул Горизонтов к такому приему, и оба раза удачно. Теперь он был уверен, что благополучно доберется до дома Бергов, и воображал себе, какой эффект произведет там его появление. Вспомнил он вдруг, что не написал из Финляндии ни одного письма Лизе, которую, возможно, любит, а потом вспомнил, совершенно похолодев от ужаса, что после Нагасаки ни разу не писал домой в Тамбов и что родители считают его все еще пленником Страны Восходящего Солнца.

«После революции немедленно, первым же делом сяду за письмо маме и папе», — умиленно подумал он и был вдруг схвачен кем-то за рукав.

Сильная рука, схватившая его, высунулась из подъезда огромного дома на углу Воздвиженки и Моховой. Виктор выхватил было пистолет и чуть не засадил с ходу в темноту, но вдруг услышал знакомый голос:

— Англичанин, спокойно! Спрячь свою пушку!

— Личарда! — ахнул Витя, узнавая в темноте резкие черты эсера Юшкова, соседа по «Чебышам».

— На ловца и зверь бежит! — весело сказал Юшков. — Хочешь ко мне в напарники? Охранку рванем!

— Иес, сэ! Рад стараться, ваше благородие! — радостно возопил Горизонтов.

Ехно-Егерн вошел с нижними чинами в пустое купе и приказал унтер-офицеру Брюшкину:

— Разущите в общих вагонах ротмистра Щукина и скажите ему, чтобы из Бологого отбил телеграмму в Тверь, а там чтобы заготовили для нас одиннадцать комплектов статского платья. Поняли?

— Так точно,— сказал унтер с кислой рожей, словно у него дома корова недоеная.

«Ну, если подтвердится моя догадка, вот будет плюлюля Караеву! — думал Ехно-Егерн.— Жаль, конечно, столь прекрасную особу,— жеманясь подумал он и вдруг затрясся, загудел, едва не завопил от неожиданного прилива нечеловеческой ненависти.— Они нас не жалеют!»

Илья Лихарев расположил половину своей группы в подворотне двухэтажного каменного домишки. Остальные, связав предварительно дворника, спрятались в подъезде дома напротив. За углом во дворе какого-то склада были приготовлены несколько извозчичьих санок.

Улица была пустынна, мертва и темна, лишь слабый фонарь чуть покачивался над коваными воротами тюрьмы. Илья стоял, прижавшись к стене, и чувствовал, как дрожит рядом, от страха или от возбуждения, мелко-мелко дрожит Николай Берг.

«Ах, если бы мне спасти Лизу,— страстно, почти по-мальчишески мечтал Лихарев.— Ах, если бы мне самому с оружием в руках распахнуть перед ней дверь камеры! Тогда она поймет, что такое настоящий революционер! Витька Горизонтов, конечно, смелый был парень, но я тоже гожусь на горячие дела. Лиза увидит...»

Он уже поднял руку для сигнала атаки, как вдруг послышались в ночи какие-то звуки. Во-первых, заскрежетало железо в тюремных воротах, во-вторых, в черной глубине улицы возник дробный стук копыт, быстрый бег лихача.

— Стоять на месте,— прошептал Илья. Из ворот медленно выезжала длинная тюремная карета. Она 235

еще не успела полностью выползти на улицу, как с налетевшего лихача прогремели выстрелы. Кучер и городской с облучка словно куклы грохнулись на мостовую. Из пролетки спрыгнули двое. Один схватил вожжи левой рукой, правой же стрелял в глубь тюремного двора, второй, в какой-то немыслимой шубе мехом наружу, швырнул во двор бомбу. В грохоте, в дыму завопили чины полиции, грянули ружейные выстрелы.

— Ура! — закричал Илья. Вся его группа, паля без передышки, ринулась в атаку.

— Сдаемся! Сдаемся! — раздались голоса из участка.

— Поехали, Англичанин, тут и без нас народу хватает! — крикнул Юшков. Горизонтов, не разглядев даже внимательно неожиданную подмогу, прыгнул в пролетку, и молодые люди помчались к охранному отделению.

Между тем дружинники выводили плененных городских, а Илья сбивал замки с тюремного фургона. Сбылась его мечта: в фургоне среди других арестованных женщин была Лиза. Он подал ей руку, она спрыгнула на землю и молча, странным каким-то, новым для нее взглядом, похожим на взгляд Нади, посмотрела на Илью. Татьяна, тоже освобожденная, словно маленькая девочка рыдала на груди брата.

Перрон Николаевского вокзала в Москве клубился в морозных парах. Носильщиков не было и в помине. Перед Надей шелкнул каблучками молоденький прапорщик, взял сак и понес чуть впереди, все время оборачиваясь на Надю и говоря, что она, увы, не вовремя приехала в первопрестольную, вот если бы не революция, он взял бы на себя смелость познакомить мадемуазель с Москвой, и тогда она бы поняла, что

Москва — это не Петербург, а в том, что она, Надя, петербуржанка, он, прапорщик, не сомневался. Коробку с шоколадом Надя несла сама. По ее мнению, мужчины, особенно военные, придумали революцию от скуки вместо надоевшего бильярда, она уверена, что скоро и это выйдет из моды и в моду войдет спортивная игра лаун-теннис. Осчастливив прапорщика каким-то несусветным телефонным номером, она взяла извозчика до Криво-Арбатского переулка. Извозчик запросил цену ровно в пять раз больше обычной по причине революции и опасности пулевых ранений лошади.

Надя не видела, как вслед за ней тронулись от вокзала трое саней с переодетыми жандармами.

Ехно-Егерну досталось по фигуре пальцецо на рыбьем меху и шапка пирожком. Он всерьез опасался за свои уши, но грел себя надеждой, что этот день будет для него поворотным, что дерзкое нападение и захват гнезда революционеров вновь поднимут его до достойных высот. А вдруг в коробке один шоколад? Вот будет скандал, вот ужас, полное, абсолютное падение... Нет, он верит в свое чутье, в свою звезду!

— Бабенка-то хороша, Александр Стефанович, — шепнул ему на ухо ротмистр Щукин. — Смачная, как солдаты говорят, бабенка... — Дальше он понес такое, что Ехно-Егерн вынужден был сделать ему замечание, напомнить о чувстве долга.

...Вот и дом Бергов. На звонок вышла Сима. Ахнула радостно. Извозчик внес вещи, получил деньги, потрусил к своей лошадке: на Арбате уже постреливали, пора было выбираться из опасного района. Он видел, как к дому подкатили сани — одни, другие, третьи, как из них посыпались какие-то черные, не иначе — мазурики, подумал:

«Разделают они и дом, и девку по всем статьям, эх, беда, времечко лихое», — и стегнул свою лошадку.

— Где Павел, Илья? Девочки дома? — спрашивала Надя, снимая ротонду, растирая щеки. Она не сразу заметила, что Сима стоит с расширенными от ужаса глазами и что-то пытается ей сказать трясущимися губами. Кто-то кашлянул за спиной, она обернулась и как в дурном сне увидела каких-то черных мужчин, усатых, щекастых, и среди них сразу узнала галантного жандарма в нелепом на сей раз пальто и какой-то шапочке. Он улыбался ей дрожащей, почти просящей улыбкой.

Вскрикнув, Надя безотчетно бросилась по лестнице наверх, пробежала через гостиную в кабинет Павла, захлопнула дверь. За ней уже бухали сапоги — ближе, ближе... окно?.. Не успею!.. конец?.. пистолет... в столе!

Когда они ворвались, девушка трижды выстрелила из угла. Унтер-офицер Брюшкин рухнул носом в ковер, а ротмистр Щукин с совершенно неожиданной для сослуживцев ловкостью прыгнул вперед и, вывернув преступнице руку, вырвал пистолет.

— Панчин, Кузьменко, держите ее! — прохрипел он.

Через несколько минут в кабинет вошел сияющий Ехно-Егерн. Такого блестящего дела он не ожидал: в коробке оказались капсулы с гремучей ртутью, в подвале дома пристрелили двух студентов и обнаружили настоящую бомбовую лабораторию. В доме будет устроена отличная засада! А связаную, значит, взяли живьем? Прелестно, прелестно... Очень печально было бы видеть вас, мадемуазель, в виде бездыханного трупа.

— Брюшкина ухлопала, отца семейства... сучка... красная паскудина... — дрожа и глядя подполковнику

прямо в глаза, прорычал Щукин.— Разрешите приступить к личному досмотру, господин подполковник?

— Щукин, Щукин,— укоризненно покачал головой Ехно-Егерн и вышел из кабинета.

Надя в железных тисках Панчина и Кузьменко стояла неподвижно. Щукин приблизился, разорвал ей платье на груди, увидел в белье стилет, хохотнул, отбросил в сторону.

— Будешь плеваться, солдатам отдам...

Семеновцы выпрыгивали из вагонов с оружием наизготовку. Видимо, по заранее разработанной диспозиции иные взводы выбегали через вокзал на площадь и, стреляя залпами, сразу же устремлялись в атаку на Казанский вокзал, другая часть полка, ведя жестокий огонь вдоль запасных путей, где было много рабочего люда из паровозного депо, двигалась к Ярославскому.

Железнодорожники сопротивлялись отчаянно. Но все же через три часа оба вокзала и вся Каланчевка были в руках лейб-гвардейцев. По приказу полковника Мина раненых дружинников приканчивали йтыками.

Авессалом Арчаков был совершенно измучен. Он потерял сон, вздрагивал от каждого шороха, на коже появилась крайне неприятная сыпь. Тогда в Одессе после возвращения из Женевы он, как обычно, все рассказал перехватившим его кавказским эсдекам, вновь выкупил свою драгоценную жизнь за жандармские тайны и поклялся, что уедет навсегда в Персию, выйдет из игры. Он говорил искренне, он готов был уехать даже в Австралию, к ужасающим антиподам, лишь бы покончить с этой страшной жизнью, с двойным доношением, вечным страхом. Эсдеки тогда

его отпустили, но на следующий день его вызвала охранка. Там ему посоветовали забыть о дремотной Персии и переехать в Москву. В Москве было тоже неуютно, но здесь хотя бы не было кавказских революционеров. Пользуясь завязанными в Женеве на гапоновской конференции связями, Арчаков проник в революционные кружки, а впоследствии вступил в одну из сводных боевых дружин. Боевик из отряда Арабидзе не ошибся: именно Арчаков мелькнул перед ним в толпе. Именно Арчаков разузнал время прибытия вагонов с оружием для восставших и именно он сообщил это агенту охранного отделения, швейцару полуразгромленного ресторана на Грузинах.

После этого Арчаков, от чудовищного страха и солидного уже провокаторского опыта сделавшийся значительным ловкачом, начал ошиваться в Коалиционном Совете боевых дружин — вроде бы для связи — и, узнав о захвате войсками трех тысяч ружей и о гибели отряда железнодорожников, дал себе клятву: немедленно после получения гонорара уехать в Персию, но только не через Кавказ, упаси боже...

Распоряжение, врученное командиром дивизии полковнику Мину, командиру Семеновского полка:

Августейший главнокомандующий приказал... не прекращать действия, пока все сопротивление и все сопротивляющиеся не будут сметены окончательно, чтобы подавить в зародыше всякую вспышку, и сделать это так, чтобы отбить охоту это вновь начинать...

Вслед за Семеновским в Москву из Варшавского округа прибыл Ладожский пехотный полк, а из Твери еще раньше был направлен полк драгун. К ночи 15 декабря были отбиты у восставших все вокзалы.

Вдоль дорог по пригородным рабочим поселкам двинулись карательные отряды.

С Сухаревой башни прожектор на большое расстояние залил Садовую безжалостным светом. Шестидюймовые орудия начали разгром баррикад. Горело в Замоскворечье здание типографии Сытина и ближние дома. Градоначальник Медем запретил гасить пожар. Окруженные в этом районе дружинники с трудом отбивали атаки драгун. Войска продолжали жестокий разгром Симоновской слободы. Рабочая республика просуществовала всего несколько дней.

Дружинники заводов Бари и Гана, Центрального электрического общества вынуждены были отступить на Пресню. Еще раньше туда ушла Кавказская дружина.

Пресня становилась последним опорным пунктом борьбы.

— Илья, зарядите мне маузер, я не умею. Таня, подай вон ту винтовку! Какую? Не видишь разве — убитый лежит, ему она уже не нужна! Быстрее! Пошевеливайся! — резким, металлическим голосом командовала Лиза Берг.

Она схватила винтовку, поднесенную Таней, и стала целиться в перебегающих через Горбатый мост гренадеров.

— Есть! Упал! — радостно закричала она.

«Уже шестой», — подумала Таня. Она с испугом смотрела на сестру, на ее жестко обозначившиеся губы, хищный прищур и дрожащий на щеке мускул. Что-то с ней стало после ареста? Мстит за Виктора? Сама Таня перевязывала раны, шептала какие-то слова умирающим дружинникам.

В живых на третьем этаже конторского здания обувной фабрики Бергов осталось не больше пятна-

дцати человек, но они поддерживали интенсивную стрельбу и не давали семеновцам зайти в тыл догорающей, почти уничтоженной баррикады.

Илья лежал на полу рядом с Лизой и непрерывно стрелял, иногда бросая на девушку восторженные взгляды. Трезвая его голова, в которой прежде царил полнейший библиотечный порядок, теперь пылала. О чем он мог еще мечтать?! Лежать на полу рядом с любимой девушкой и стрелять по врагам пролетариата — так и погибнуть не страшно.

В углу комнаты на венском стуле демонстративно сидел с книгой Николай Берг. Пули дырявили вокруг него стены, но он как будто не обращал на них внимания — читал Шопенгауэра.

С чердака спустился Колючий и неестественно бодрым голосом доложил:

— Все вокруг горит. Дом Аборина горит, Бабурина, Бибикина, Прокофьева — все горит, Мариинская школа горит, церковь Покрова, по каретной фабрике бьют шимозами... Очень красиво! Кажется, на фабрику Шмита ворвались семеновцы, вот это плохо...

Он взял винтовку, вынул обойму, все это неторопливо, как будто на охоту собирался.

Хлопнула дверь, появился Павел Берг, прополз через комнату к окнам, положил на подоконник ствол маузера...

— Товарищи, я из Военно-боевого штаба! Седой, Иннокентий и все другие товарищи, в том числе и я, склоняются... — он не договорил.

— Есть! Седьмой! — звенящим от пугающей радости голосом закричала Лиза. — Убегают! Убегают! Трусы! Трусы!

— Посмотри, что с Лизой, — шепнула брату Таня. Павел взглянул и переполз поближе к ней.

— Лиза, тебе и Тане нужно уйти отсюда немедленно, сию же минуту!

— Ты с ума сошел! Я уже семь мерзавцев ухлопала. Они же трусы, трусы,— горячечно заговорила Лиза.

— Что с тобой, Лизапка? — тихо спросил Павел и повернул к себе голову сестры. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, и Павел вдруг содрогнулся в догадке.— Что они делали с тобой в участке?

Лиза зарыдала сразу, словно он своим вопросом открыл какую-то тяжелую тайную дверь.

— Ой... Павлуша... они хватили меня... за грудь... за ноги, хохотали, а один — огромной лапой взял меня за все лицо!

Илья в ужасе смотрел на рыдающую Лизу... Глаза Павла остекленели.

— Пушка,— сказал Колючий.— Выкатывают пушку.

— Все по местам! — закричал Илья.— Целься лучше. Огонь по команде... Пли!

Прислуга орудия была убита на месте, но тут же из-за угла выскочили еще три артиллериста.

— Целься лучше! — закричал Илья.

Страшный удар оглушил всех и разбросал по углам комнаты. Когда рассеялся дым, увидели, что в наружной стене зияет гигантская пробоина.

— Лиза! — отчаянно завопила Таня. Бросилась к рваному краю пола. Внизу на снегу, раскинув руки, в ярком своем тулупчике лежала Лиза. Лицом вниз.

Из листовки МК РСДРП:

...Новая схватка с проклятым врагом неизбежна, близок решительный день.

Опыт боевых дней многому нас научил... Гордо 243

развевается красное знамя на наших баррикадах... Мы не побеждены... Ждите призыва!.. Вечная память погибшим героям-борцам, вечная слава живым!..

Из воззвания исполкома Московского Совета рабочих депутатов:

...Мы свой долг выполнили. Нам нужно сейчас прекратить свою политическую стачку в Москве, чтобы деятельнее подготовить всероссийскую политическую забастовку и всенародное вооруженное восстание...

Из последнего приказа штаба пресненских боевых дружин:

...Мы начали. Мы кончаем... Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству...

— Уходить, уходить... Мы чудом спаслись, и теперь у каждого из нас одна задача — уцелеть... сберечь силы... — бормотал, обняв Таню, Павел Берг. Николай невесть откуда взявшимся ломиком выбивал кирпичи из двухметровой стены с колючей проволокой наверху. Сделав нечто вроде лестницы, он ловко взобрался на стену, протянул руку Тане.

Они оказались в Зоологическом саду. Луна безжизненным светом заливала ледяные аллеи с переплетенными тенями ветвей, тускло, не по-зимнему светился пруд, где еще совсем недавно Таня с Лизой катались на коньках. Взяв ослабевшую от рыданий сестру под руки, братья быстро шли по аллее, словно через какой-то странный сетчатый чулок: сверху пе-

реплетения ветвей, под ногами теши ветвей, по бокам клетки. Клетки были пусты, рев животных, обеспокоенных стрельбой, глухо доносился из закрытых помещений. Лишь однажды все трое как бы споткнулись, почувствовав на себе ледяной, как вся эта ночь, взгляд. Маленькие глазки-льдышки смотрели сквозь густую свисающую до самой земли шерсть.

— Что за тварь? — озадаченно проговорил Павел. Николай чертыхнулся, а Таня пролетела беспомощно:

— Это як высокогорный...

Над Пресней стояло зарево пожара, трещали выстрелы... Орудийного огня и взрывов бомб больше не было слышно.

На Поварской они вбежали в дом, который еще вчера был гостеприимно открыт для героев баррикад. Николай долго стучал.

— Кто там? — слышалось наконец из-за двери с медной табличкой «присяжный поверенный Шутиков».

— Лев Евгеньевич, это я, Павел Берг.

Воцарилось молчание.

— Господин Шутиков! — резко сказал Николай. — Мы просим вас только приютить сестру. Мы с Павлом немедленно уходим.

Послышались тихие звуки, открывались многочисленные засовы, снимались цепочки.

— Помилуйте, господа... (шепотом) товарищи... вы же знаете... я готов... Татьяна Ивановна, милости просим...

На Пречистенском бульваре попадались редкие пешеходы совсем мирного вида, иногда проезжали извозчичьи санки. Братья, немного успокоившись, пошли потише.

— Ну, я им отомщу за Лизу... за всех... — пробормотал Павел.

— Царство ей небесное, — со стоном сказал Николай.

— Идем быстрее, — дернул его за рукав Павел.

— Сейчас нелепо идти медленно и подозрительно спешить, — сказал Николай.

— У тебя есть какой-то план? — спросил Павел. — Куда мы идем?

— В Зачатьевский монастырь, — ответил Николай. — Помнишь мамино духовника отца Сергия? У него мы отсидимся...

Совершенно неожиданно из Сивцева Вражка выскочил и загарцевал по мостовой десяток всадников, казачий патруль.

— Будем стрелять? — спокойно спросил Павел. Почему-то в эту ночь он как бы поставил себя под начало младшего брата.

— Ни в коем случае, — прошептал Николай. — Идем вперед.

Делая вид, что они разговаривают о чем-то и даже вроде бы и не замечают казаков, братья шли к Пречистенке. Два казака преградили им путь. Братья попытались обойти всадников, но остальные казаки взяли их в кружок, тесня конями, подогнали к стене.

— В чем дело, господа? — спросил Николай. — Мы идем в Зачатьевский монастырь за священником. Нашему отцу стало плохо, а когда ему бывает плохо...

— Покажи-ка крест, иуда! — гаркнул один из казаков и шапкой притронулся к груди Николая.

Николай, к удивлению Павла, извлек наружу нагельный крест.

— Смотри-ка, православный! — удивились казаки.

— А ну-ка, скидавайте одежду, проверим!

Трое казаков спешили, двинулись на братьев.
— Посмейте только прикоснуться! — крикнул Павел. — Убью!

Не успел Николай опомниться, как он выхватил пистолет. Тут же свистнула пашка, и пистолет с пальцами Павла упал на мостовую.

Связанных одной веревкой братьев втолкнули в манеж. Огромный и хорошо освещенный зал был полон войск — пехотинцев, казаков, драгун, а также городских и жандармов. Слова команд гулко раздавались под сводами зала.

Казак протащил братьев в угол и спешили. Мгновенно пленников окружила толпа офицеров и нижних чинов разных родов войск. Многие из них были со следами ранений, перебинтованные, в порванной и простреленной форме: видно, прямо из уличных боев. Лица людей, окружавших братьев, были хмурыми или злорадными.

— Арестованы с оружием, — доложил казак.

— Развяжите их, — буркнул какой-то штабс-капитан.

Бледный до синевы Павел зажимал культю правой кисти почерневшим уже носовым платком. Николай обнял его и обратился к штабс-капитану:

— Мы братья, господин штабс-капитан... оружие держали на случай самообороны...

Штабс-капитан вышел вперед. У него был хмурый, но все-таки человеческий вид.

— Доказательства? — спросил он.

— А обратные доказательства? — крикнул Павел.

Штабс-капитан без лишних слов страшно ударил Павла в лицо. Задыхаясь от ярости, завопил:

— Сволочи! Сколько погубили отличных солдат! Жить не даете! Чего вам надо? Ре-во-лю-цио-не-ры!

Толпа заревела, десятки сабель и штыков протянулись к братьям. Николай почувствовал удар в плечо, резкую боль. Он закричал:

— Да вы с ума сошли, господа! — и попытался закрыться рукой от летящей в лицо сабли. Один за другим посыпались на его голову удары саблями плашмя. Кровь заливала глаза. Он видел, как обвис на штыках бесчувственный уже Павел. Потом на него надвинулось широкоскулое рябое лицо с каменным подбородком и недоразвитым носом. Николай потерял сознание.

Очнулся Николай в непроглядной темноте. Боли он не чувствовал и вообще не чувствовал тела. Он ничего не помнил и ничего не хотел, просто во мраке появилось крошечное, как червячок, «я». Потом ему показалось, что тело его лежит несколько в стороне от него самого. Он закричал от страха, и тогда все возникло — все встало в памяти, страшная боль пронизала тело в разных местах и он ощутил тряску, услышал скрип колес и стук копыт. Он попытался двинуться в сторону...

— Коля, ты очнулся? — услышал он совсем рядом очень тихий, но совершенно спокойный голос. Павел!

— Нас куда-то везут, — сдерживая стон, сказал Николай.

— Меня они вряд ли доvezут, — проговорил Павел. — Я весь изрублен... Боли уже не чувствую...

Николай повернулся на бок и обнял брата. Они прижались друг к другу, лицом к лицу.

— Пока не поздно... Коля... запомни, — еле слышно зашептал Павел. — Все деньги — партии. Если ты уцелеешь, сделай так, чтобы вся моя доля досталась партии. Теперь второе... — Павел замолчал на некоторое время... — Коля, ты любишь Надю, я знаю — молчи... Она меня любила когда-то, давно... Найди ее и

увези куда-нибудь, постарайся увезти куда-нибудь... Она фанатична, но ты постарайся...

— Пашенька, родной мой, — горячо зашептал Николай, — давай без завещаний, ты будешь жить, любить Надю...

— Нет, — прервал Павел, — не буду... мне не страшно, Коля, ты не думай... Я сотни раз думал о том, что меня ждет, там был и такой вариант... — Николаю показалось, что Павел усмехнулся. — Множественные раны холодным оружием. Я погиб за революцию, и я горжусь этим, а ты обещаешь мне еще вот что... — совсем уже почти беззвучно, — ты должен найти Никитича и рассказать ему о моей последней воле... деньги... и Надя... Надя... деньги...

— Где я найду его? — сквозь слезы спросил Николай.

— Ты помнишь инженера Красина? Ты еще восхищался его техническими талантами... Никитич и Красин — одно лицо.

— Не может быть! — невольно воскликнул Николай.

— Это верно так же, как то, что мы с тобой единокровные братья...

Павел замолчал. Тряска как будто уменьшилась, уменьшилась и скорость. Сквозь стены тюремной кареты глухо доносились какие-то крики, треск... Уж не выстрелы ли?

«Вдруг нас отобьют, как мы отбили тогда сестер?» — подумал Николай.

Вскоре все стихло, и карета покатила быстрее.

— Коля, помнишь, ты меня однажды спросил, когда я стал революционером? — вновь заговорил Павел. — Я тогда отмолчался, я от всех, даже от Нади хранил одну страшную тайну. Помнишь, меня арестовали впервые четыре года назад. Я был тогда

типичным белоподкладочником и на сходку пошел из моды... Ну, конечно, я уже считал себя марксистом, но... Нас тогда тоже затолкали в манеж, издевались... Меня почему-то выделил из всех один вахмистр, жуткая широкоскулая рожа с каменным подбородком и недоразвитым носом, колотил ножнами, погами... Я расхорохорился, кричал: «Опричники! Палачи! Мы вам не турки!» Тогда этот вахмистр связал меня, заткнул рот тряпкой, оттащил в угол, бросил там на пол и сел мне прямо на лицо.

— Я видел его! Видел! Паша, я его знаю! — на своим голосом завопил Николай и забился в судороге...

А по Москве в это время шла большая охота.

...Бей, бей, бей, держи его, ребяточки, хватай длинноволосого... А вон папаха белая, топором его бей, бей, бей... скубенты-суки... всех передушим... целуй портрет государя, ноги мне целуй... Не поцелуешь — на тебе, на тебе... Господа, смотрите, красный платок, платок красный... носовой, говоришь, вот и утри юшку, утри, утри, утри... давай веревку, веревку... толкай, чего смотришь, ишь, задрыгался... А вон еще длинноволосый бежит... ату его, ату его, попался, голубушка!

ГАЗЕТЫ

«Московские Ведомости»:

На тюремную карету во время следования к тюрьме напали забастовщики, стоявшие с красным флагом у Старых Триумфальных ворот... Один из сопровождавших карету городских ранен...

18 декабря состоялись бега, прошли успешно Сухаревский торг и торг на Трубной площади.

Москва, Москва! До бедствий и позора
Доведена бездействием властей,
Ты отдохнешь, родимая, не скоро
От этих мук, от этих страшных дней.

Московский Союз русского народа земным поклоном благодарит тебя, христолюбивое и верное русское воинство, за самоотверженную службу Царю и подвиги во дни подавления безумного мятежа, поднятого франкмасонским еврейским Бундом...

...Ни в каком из самых суровых действий войск я не могу усмотреть нарушений тех границ, в которых представляется военному поступать, как указывает ему его воинский долг и присяга Генерал-адъютант Дубасов.

...Свиты Его Величества генерал-адъютант барон Мейендорф передал войскам от имени Его Императорского Величества... Высочайшую благодарность за доблестную службу при подавлении восстания революционеров. Раздалось долго несмолкаемое громовое «ура»...

Большой театр. 4 января предполагается первое представление новых опер «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини»...

...Состоялось общее собрание артистов и пайщиков Художественного театра, на котором вопрос о возобновлении спектаклей решен в отрицательном смысле. Предложено отправиться всею труппою на гастроли за границу...

«СШб. Ведомости»:

Московский бунт подавлен... Баррикады разбираются, хоронят убитых, лечат раненых, подсчитывают убытки...

Тот факт, что бунт вспыхнул неожиданно и что его так долго нельзя было подавить, несмотря на малочисленность боевых дружин (5—10 тыс. человек), можно объяснить только тем, что все это случилось в Москве!

...Разнузданность физическая, в полной гармонии с разнузданностью нравственной и духовной росли в этом русском Вавилоне...

Москва — преступница! На московских баррикадах дрались не за республику... Москвы коснулся перст Божий!

У источников смуты... Когда на родину обрушился ужас усобиц и позор, кто, как не печать, должен был противостоять анархии?.. Интеллигенция надо было прямо уяснить ее недостойную роль, молодежи нельзя было кадить за ее пагубные увлечения, перед инородцами немислимо было предавать поруганию все, что дорого и свято русскому человеку... подстрекательство рабочих к вооруженному восстанию — тягчайшее преступление!

Если бы на пишущих влияли внутренняя дисциплина, порядочность и такт, то, что свершилось, никогда бы не приняло столь зловещих размеров...

«Пролетарий»:

...Революции есть еще куда идти дальше московских дружинников, очень и очень есть куда идти и вширь и вглубь. И революция ушла далеко вперед с декабря. Основа революционного кризиса стала неизмеримо более широкой, — лезвие должно быть отточено теперь острее...

*(Из статьи В. И. Ленина
«Уроки московского восстания»)*

Глава IX

...До конца жизни и никакой пощады!

— Сколько человек уцелело из вашей дружины?

— Покуда только пятнадцать объявилось. Выбились-то по одному.

— Оружие?

— Спрятали, товарищ Лихарев.

— Товарищи, кто-нибудь видел Мантулина Федора?

— Мантулин... Мантулин расстрелян, Илюша, на сахарном заводе... Его выдал провокатор.

— Так.

Илья на минуту замолчал, глядя прямо перед собой на узенький язычок оплывшей свечи. В темноте вокруг стола под низким потолком едва различались лица дружинников. Сидели на стульях, на кушетке, на сундуке, на полу.

— Посмотри на Илью, его словно топором обтесали.

— Он невесту похоронил. Лизу Берг знаешь? Она была его невестой.

Илья откинул волосы назад, провел рукой по лицу.

— Революция только начинается, товарищи. Какие у нас задачи на этом этапе? Сохранить силы, не

распыляться — раз! Сохранить оружие и увеличить его запас — два! Наладить связь с ЦК — три! Попытаться выручить наших товарищей, попавших в тюрьмы, — четыре! Суд и расправа над провокаторами — пять! Обо всех случаях провокации, доносительства, шпионства сообщайте в штаб.

...На Поварской, где еще недавно рвались «македонки», царила полночная тишина. Выпавший за день снег был почти не тронут и мирно светился в ночи, как, должно быть, светился он в такую ночь и тысячу лет назад в еловом лесу на месте Поварской.

Илья уже полчаса стоял за кирпичным забором и смотрел через улицу на берговский особняк. Дом был пуст и нем, лишь раз Илье показалось, что он слышит бой часов в гостиной, да в окне второго этажа, кажется, проплыл огонек, словно кто-то пронес там свечу. Невольно ему подумалось: так могла бы и Лиза прийти ночью по комнате со свечой...

Вдруг в глубине улицы послышались звуки, они приближались, это был мерный топот копыт, похожий на стук типографских машин. Мимо заборчика очень близко прошел на рысях отряд драгун. Чуть отстав от отряда, скакали рядом два офицера. Илья отчетливо слышал их молодые наглые голоса, смех... похабщина вперемежку с французским. Разговор шел о женской боксерской группе госпожи Гарра.

Голоса эти, наглые, юные, барские, голоса ховаев, вдруг словно ослепили Илью, судорога ненависти передернула его лицо. Каратели, веселые убийцы, дворянчики... Мстить!.. Драться, драться до конца жизни, и никакой вам пощады!

Неожиданно сзади кто-то сжал его руку и прямо над ухом загудел голос:

— Кончай, Илюшка! Оставь револьвер. Жить надоело?

— Колючий? — удивился Илья и тут же при виде добродушной физиономии товарища успокоился, взял себя в руки. — Ты откуда?

— А я, брат, все время за тобой шел, — смущенно пробурчал Колючий. — Боялся, что за револьвер схватиться, а ты как раз и схватился.

— Сенька, я хочу зайти к Бергам, — быстро пропентал Илья.

— Не пуцу, — спокойно сказал Колючий.

— Я хочу хоть фотографический снимок достать с нее, вдруг лицо забуду, там был снимок в кабинете Павла, я помню... Сеня, Сеня, ребята Лизу моей невестой называли, а ведь я ей, Сеня, никаких еще слов-то не успел сказать, кроме политических... — Илья опустил голову.

Колючий помолчал, покашлял, потом тронул Илью за плечо.

— Пошли отсюда, парень. Там псы сидят, ждут...

Илье вновь показалось, что в глубине берговского дома пробили часы, и вновь что-то похожее на свет свечи проплыло в окне.

— Итак, мадам Кириллова, я вынужден вновь повторить надоевший нам обоим до чертиков (ха-ха-ха) вопрос. Каким образом в коробке шоколада, подаренной вам мужем, оказались взрыватели для бомб? Ну вот, вы снова молчите, сударыня...

Ехно-Егерн сокрушенно вздохнул, открыл портсигар, закурил, предложил подследственной.

— Папиросу, сударыня? Обычно марксистки курят... Вы нет? Приятное исключение!

Глумливые эти вопросы с подхихикиванием продолжались изо дня в день. Правда, следовательское

рвение подполковника с каждым разом слабело. Во-первых, девчонка не говорила ни слова, просто ни слова, ни одного слова, как будто это животное Щукин вырвал у нее язык. Во-вторых, он чувствовал уже острым своим Ехно-нюхом, что акции его «в сферах» стремительно летят вверх после московской удачи и что скоро уже ему не придется тратить силы на допросы каких-то жалких пешек...

Он вышел из-за стола, прошелся по кабинету, приятно пружиня, чуть-чуть потягиваясь, взглянул на согбенную фигуру арестантки, губы его скривились от брезгливости. Щукин, Щукин, мразь эдакая...

— А Никитича вы разве не знаете? — небрежно спросил он и увидел, как чуть дрогнул затылок с тяжелой медного отлива косой. — Ну вот, вздрагиваете, сударыня. Он арестован, и Павел Берг тоже, оба соznались. Я не отрицаю, это мужественные люди... невольное уважение... да-да... Однако когда мужчина видит, что карта бита...

Спина арестантки выпрямилась, она повернулась, и Ехно-Егерн увидел то, чего он очень не любил, — страшные ее глаза.

— Ничего вы не понимаете, сударыня, — растерянно пробормотал он, прошел к столу, зашелестел бумагами. — Вот что я должен вам сообщить. Ваш супруг, кстати, он произвел на генерала наивыгоднейшее впечатление, и ваши почтенные родственники ходатайствуют о переводе вас в специальное психиатрическое медицинское учреждение для освидетельствования...

Забившись в угол переполненной камеры, спрятавшись за широкую спину своего учителя, Петуний страстно и радостно молился.

расплылся, ибо наслушался впечатлительный юноша в «Чебышах» и на сходках, в отряде «Черный ко-стер», в тюрьме и атеистов, и новохристиан, и будди-стов, и магометан, и толстовцев, и неговистов и ко всем тянулся трепетной душой. Во всяком случае, образовалось нечто хоть и расплывчатое, но гран-диозное, в котором угадывались крестные муки и ко-лыхались, словно облака, бороды великих ученых. Этому нечто и возносил сейчас Петунин благодар-ность за свою судьбу.

Как все сложилось! В декабрьских боях под чер-ным флагом немало пролил Митя и вражьей и своей кровушки, и в плен угодил, в узилище вражье, а на допросах офицеры по зубам бьют и под ложечку, са-ми не знают, ироды, что грех с него, Мити, снимают... а вчера... вчера...

Вчера вдруг распахнулась дверь камеры, и Митя едва не потерял сознание: на пороге стоял, рыча и от-плевываясь, любимый его учитель, крестный от рево-люции Виктор Николаевич Горизонтов, совершенно живой и гневный.

— Пятеро на одного, да? Пятеро на одного?! — орал Виктор Николаевич и бухал весомым своим ку-лаком в железную дверь. Митя бросился к нему по животам и задам заключенных, лежащих на полу.

— А, Митька! — обрадовался Виктор. — Весьма кстати. Ты дрался?

— С именем вашим, Виктор Николаевич, на устах...

— А где попался?

— В дом Бергов я зашел напиться. Вспомнил их клюквенный морс, Виктор Николаевич!

— Меня тоже там сцапали. Значит, засада была... Ишь ты, не ожидал я от жандармских шкур такой ловкости!

На следующий день Горизонтов вернулся с допроса очень мрачный, уселся в углу, молниеносно съел миску баланды, долго думал, наконец сказал:

— Плохо дело, Митька. Они узнали мое настоящее имя. Представляешь? Не иначе, как провокатор какой-нибудь... Англичанин Вася, Агеев-Карпов, все имена знают...

— А меня уже опознали,— кротко улыбнулся Митя.— Позавчера ротмистр нос расквасил и говорит: «Будем молчать, Огурчик, он же доблестный защитник престола Петунина?»

Горизонтов присвистнул.

— Разрешите, олдфеллоу, пожать вашу мужественную. Уже вижу наши чудные тела, приплясывающие в ослепительном небе...

— Думаете, вместе повесят? — мечтательно улыбнулся Митя.

— Обязательно вместе, и с барабанами,— убежденно сказал Горизонтов.— Перед войском...

— Хотите знать, что я крикну в последний миг, Виктор Николаевич? — спросил Митя.

Виктор Николаевич узнать Митино заветное не пожелал, вскочил и забегал по камере, вернее, по узеньким извилистым коридорчикам, которые образовались между лежащими на полу арестантами.

Бутырская тюрьма была переполнена в эти дни. Новых арестантов запикивали в общие камеры без разбору, политических и уголовников вместе. На нарах по ночам кишела бойкая тайная жизнь, иногда возникали драки, слышалось мощное рыканье, жалобный визг. Горизонтов полночи бродил среди нар, тихо о чем-то беседовал с преступным миром, один раз схватился с двумя налетчиками, показал им джигитсу, после чего налетчики его сильно зауважали.

Наконец он прилег рядом с Митей и зашептал:

— Утром уголовников отправляют в другую тюрьму. Понял? Когда выкрикнут Биткина и Садовникова, мы с тобой выйдем в коридор. Уловил? Ты — Биткин Константин Иванович. Я — Садовникер Исаак Ильич. Мы одесские налетчики, накрыли нас в Москве на гастролях...

— Извините, не понимаю,— шмыгнул носом Петунин.

— Балда ты, Митька. Я купил их имена. Понял? Они все равно завтра бегут из бани: с надзирателем в сделке.

— А деньги-то откуда, Виктор Николаевич?

— В куртке у меня были зашиты. Попытаемся во время перегона улизнуть, а нет, так все равно уголовником лучше проходить, чем дезертиром. Или вы, олдфеллоу, предпочитаете все-таки под барабанный бой?

— Значит, теперь жизнь мне спасаете, Виктор Николаевич? Душу мою спасли, а теперь, значит, и брэнное тедо? — затрясся от благоговения Петунин.

— Молчи, припадочный,— буркнул Горизонтов.

Было еще совсем темно, когда колонну уголовников вывели из Бутырской тюрьмы на Лесную улицу. Во главе колонны шел пожилой унтер, по бокам два солдата и сзади солдатик.

— Чтоб тихо было! В случ-чего шлепнем без разговоров,— сказал в напутствие унтер.

— Али мы без понятия, господин унтер? — сказали в ответ «домушники» и «медвежатники».

Горизонтов и Митя топали в самом хвосте. Они до сих пор не могли опомниться от той легкости, с которой им удалось выбраться из тюрьмы. Заспанная хмурая стража только прикладами подталкивала.

— Биткин? Садовникер? Давай с вещами! Пошевеливайтесь!

— Митька, слушай, будем действовать,— прошептал Горизонтов, кивая через плечо на солдата.

Колонна поворачивала за угол. Когда на Лесной остался только хвост ее, рядов пять, Горизонтов оглушил солдатика молниеносным хуком и бросился под арку кирпичного дома. Митя подхватил солдатскую трехлинейку и побежал за своим спасителем.

...Долго они петляли по воюющим дворам, перепрыгивали через заборы.

...И вдруг Петунин потерял своего кумира. Ему казалось, что выстрелы гремят со всех сторон и до него доносится предсмертный крик Виктора Николаевича. Он зарыдал, упал на колени и начал беспорядочно палить по трубам, по фонарям и по всему белому свету.

На Исаакиевскую площадь и близлежащие улицы обрушился снежный заряд. Под тяжелыми черными тучами город казался гибельным и пустым местом. Мокрые снежные хлопья, словно жадные бессмысленные насекомые, залепляли окно. Красин стоял у окна и смотрел прямо перед собой остановившимся взглядом. Кириллов никогда еще не видел его таким мрачным.

Красин не спешил поворачиваться к Кириллову. Он понимал, с чем тот пришел. Красин и так уже знал подробности московской катастрофы, знал о разгроме Пресни, о расстрелах на Прохоровской мануфактуре, о том, что черносотенцы вздергивали дружинников на столбах... Он знал и о Наде... и выше его сил было сейчас говорить обо всем этом.

Кириллов кашлянул.

— Должно быть, вы уже слышали, Леонид Борисович, о Квирильском казначействе?

Дружище Кандид, все понимает и начинает с хороших новостей. Стоп! Хватит! Ну-ка сожми кулаки! Ты не имеешь права раскисать! Эти мерзавцы думают, что покончили с революцией одним ударом? Мы им покажем, что Москва была только началом!

— Экспроприация в Квирильском казначействе — штука великолепная, — нервно заговорил Красин. Его сжигало беспокойство, боязнь, не упустил ли чего-нибудь важного, не забыл ли подтянуть необходимую ниточку. Сеть, сплетенная им, была сложна, как критский лабиринт. Никто не смог бы пройти по этому лабиринту от начала до конца, кроме него самого, даже Игнатьев, Бурения и Кириллов, его «руки», и то не смогли бы.

— Но что если, Леонид Борисович, в этой группе преобладали меньшевики? Львиная доля денег от нас тогда уплывает, — сказал Кириллов.

— Это нужно все узнать детально, Алексей Михайлович. Так... Известно вам, что Наташа прекрасно сыграла роль Андреевой в нотариальной конторе? Все лобезили и целовали ручки знаменитой актрисе. Вот где зарыт талант! Кстати... Для поездки в Америку Горькому и Андреевой нужны телохранители... У вас есть кандидатуры?

— Есть великолепная — Англичанин Вася, — улыбнулся Кириллов, — но...

— Простите, но он погиб еще в августе? — перебил его Красин.

— Многие видели его в Москве в дни боев, но сейчас он снова пропал. Вы знаете, в доме Бергов была засада. Они выследили... — Кандид запнулся и мучительно покраснел. — Я хотел вам сказать еще прошлый раз...

— Я знаю,— тихо сказал Красин и сел за стол, склонился к каким-то бумагам.— Вы видели ее, Алексей Михайлович, я все знаю... Что с ней?

— Она в больнице под стражей. Доктор Варенцов сказал мне, что есть симптомы душевного расстройства. Она почти не говорила со мной... Правда, рядом жандарм сидел...

На несколько минут в кабинете воцарилось молчание. Красин безотчетно рисовал перед собой какой-то лабиринт. Потом поднял голову.

— Кто захватил Струну и устроил засаду в доме Бергов?

— Подполковник Ехно-Егерн. Я навел о нем справки. Умный и хитрый мерзавец, его недолюбливает непосредственное начальство, но ценят в «сферах»...

Загорелась лампочка телефона. Красин снял трубку, вальяжным барским голосом зарокотал:

— Хэлло! На проводе Красин. Очень, очень рад. Да-да, деталь вполне оправдала себя, это как раз то, что нам нужно для трансформаторов. Я готов оформить с вами заказ сразу на две партии...

Довольный, он повесил трубку и подмигнул Кириллову.

— Это с завода «Парвайнен». Знаете, что они будут делать для нас? — он вынул из ящика стола и положил перед Кирилловым шестигранную чугунную муфту.

— Это же оболочка для...— воскликнул Кириллов.

Красин молча улыбнулся и спрятал муфту в ящик.

— В деле Струны, Леонид Борисович, провокация исключена,— продолжил прерванный разговор Кириллов.— Жандарм сам напал на след... Но вот за-

сада в Перово и захват нашего оружия был сделан явно по доносу. Есть предположение, что это тифлисский провокатор Арчаков...

— С ним пора кончать,— хмуро произнес Красин.— Вообще, Алексей Михайлович, сейчас нужно тщательно расследовать все наши провалы и вытравить всех клопов... Нужно показать властям и черной сотне, что мы не только живы, но и сильны! Надо проучить черносотенцев, нагнать на них страху. После расправы в Москве они совсем обнаглели...— Красин снова зашагал по кабинету.— Что с Бергами, выяснилось, Алексей Михайлович? — с видимым усилием и волнением спросил он.

— Я боялся вам сказать,— Кириллов тоже встал.— Ужасная история... Лиза погибла на баррикадах, Таня, слава богу, в безопасности, братья схвачены...

— Оба? Николай ведь, кажется...

— Оба, Леонид Борисович...

— С кем из штаба берговской дружины у вас есть связь?

— С Лихаревым.

— А! На этого можно положиться. Передайте ему, что нужно готовить побег Бергов. Нужно спасти их любыми средствами. Мы пришлем людей с Кавказа и из Петербурга... Что касается Струны...

— Я надеюсь выручить Струну легальным путем,— быстро проговорил Кириллов.— Медики помогут.

— Увезите ее куда-нибудь, Алексей Михайлович,— глядя в окно, проговорил Красин.— В Крым... или лучше за границу...— Он сел к столу, повозился в бумагах, сделал какую-то пометку.— Да! Что касается охраны Горького. Попробуйте отыскать Англичанина, пошлем его под начало Буренину. Одного

посылать рискованно: парень не без авантюрной жилки...

Поздним вечером Красин возвращался домой пешком. Как это часто бывает в Петербурге, в течение дня разыгралась оттепель, с крыш текло, снег прилипал к подошвам, необоснованно веяло весной. Хорьковская богатая шуба стала тяжелой, как средневековые доспехи.

Он расстегнул шубу и медленно двинулся по Морской, отражаясь в зеркальных окнах банков, медленно выкидывая вперед трость; высокомерно окинул взглядом патруль городских, сурово взглянул на встречную согбенную фигурку, дрожащую от сырости в пальтеце с бархатным воротничком. В глаза Красину бросились жесткие костяные дужки ушей, подпирающие шляпу, длинный пятнистый нос и глаза, словно молящие о чем-то, чего хозяин их и сам не знал, глаза побитой шелудивой собаки.

Красин поморщился от какого-то неприятного чувства, они разминулись. Целый квартал Красин пытался выбросить из головы этот навязчивый образ. Не шпик ведь? Он появляется, этот тип, этот дрожащий незнакомец, в самые тяжелые дни, когда силы уже на пределе, появляется в разных местах, вроде даже пытается заговорить... да и тот ли это, один ли это человек? В глазах его словно мерцает какой-то робкий вопрос и даже больше — какой-то совсем уже нижайший, предельно тишайший, но настойчивый упрек... или недоумение, мольба о помощи?.. Черт его знает! Тишайший житель громового века. Что вы делаете, господа? Открываете какие-то непонятнейшие электроны, изобретаете устрашающие двигатели, мастерите бомбы, громоздите полезные предметы в немыслимые баррикады... Побойтесь бога, господа... я хочу лишь тишины и спокойствия... я...

Красин вспомнил, как лет десять назад в железнодорожном буфете он прочел рядом с сообщением о войнах, мятежах и научных открытиях объявление многоопытного садовника-пчеловода, явного неудачника в личной жизни и по службе. Он просил лишь места по самой умеренной цене. Томсон проникал в структуру атома, умирал Энгельс, Ленин организовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»... а он, несчастный, ждал лишь места, и по умеренной цене...

На душе у Красина было тяжело. Он неотвязно думал не только о Наде, о Лизе, о Бергах, но о десятках других товарищей, погибших или арестованных в Москве. Неужели Пресня — это был пик революции и от нее пойдет снижение? Нет, не может этого быть, страна на грани нового подъема. Дума не спасет правительство... этот спасательный круг потонет вместе с царем... Хорошо, что сейчас у нас по вопросу о Думе полное единство. Бойкот! Ленин прав, нужно предстать на Объединительном съезде со своей большевистской платформой.

Любовь Васильевна встретила его в прихожей.

— Тебя ждут, Леонид.

В гостиной стремительно вскочил навстречу ему бледный длинноволосый юноша с горящими глазами. Левая рука его была на черной перевязи.

— Павел Иванович! — воскликнул потрясенный Красин.

— Павел вчера умер в тюрьме, я его брат Николай, меня выпустили, — быстрым и вроде бы бесстрастным голосом заговорил поздний гость. — Я пришел к вам выполнить его последнюю волю. Я знаю, кто вы, он мне доверился. Я никогда...

Красин поднял руку, останавливая, подошел и обнял Николая Берга...

Они говорили больше двух часов. Николай с мельчайшими подробностями по требованию Красина рассказывал о московских делах, о боях на Пресне, о гибели сестры и брата. В конце он вдруг вскочил, здоровой рукой схватил Красина за плечо и заговорил громко и возбужденно.

— Леонид Борисович, я понял, что ошибался. Эту чугунную задницу можно только взорвать! Я решил заменить брата, я уйду в революцию. Что вы скажете на это?

— Это дело личной совести каждого,— медленно проговорил Красин, внимательно глядя в глаза Николаю.

— Поворота нет. Вы верите мне? Дайте мне задание, любое, сейчас же... Я не могу ждать. Вы понимаете?

— Хорошо, завтра я сведу вас с одним человеком,— сказал Красин,— а теперь спать...

Над одним концом стола в трактире «Тверь» висел портрет государя в полный рост, над другим — поясной портрет великого князя-покровителя. Слева со стены сквозь дымные слои рвался в залу ужаснейший зеленовато-красноватый девятый вал, изображенный с мельчайшими подробностями вплоть до горсточки несчастных моряков, терпящих бедствие. Справа был буфет с граммофоном, над стойкой ниспадали тяжелыми складками национальные стяги.

— Господа мастера и остальные патриоты! Лидий Гурьевич, не хмелей! Господа мастера, Петербургский союз русского народа...

— А ты сам какой нации будешь?

— А?! Щенок! Да ты знаешь, с кем говоришь?

— Господа мастера, налейте войну, ветерану ледяной Шипки, за матушку Россию и государя...

— Господа, по поручению Петербургского союза... заблаговременное выявление крамолы... в ваших цехах и мастерских... с крестом пойдем... пускай крамольников укажут...

— Я, конечно, извиняюсь, но вы сами какой нации будете?

— Да как ты смеешь? Да знаешь...

— А все ж таки из чухны вы будете, господин начальник, из жмуди али мордва болотная?

— Не смей! На кого руку?.. Кнем бильярдным духовного вождя своего? Держи его, братцы...

— Православные, плесните полстакана ветерану ледяной Шипки за матушку Русь...

— Отойди, дед! Сейчас тебе тут покажут матушку Русь...

— Вы запомнили адрес, Николай? Повторяю: дом 2 по Второму лучу Царского городка, квартира Савелия Сидорова. Руководитель группы — Божинский, кличка Медведь. Он вас ждет. Там соберутся дружинники.

— Я все понял. Спасибо.

Николай Берг кивнул связному, повернулся и быстро пошел по Владимирскому к Пяти Углам.

Медведь оказался низкорослым молодым человеком с жестко очерченным ртом и высоким лбом. Он оглядел дружинников и весело сказал:

— Боевому центру Невского района поручено совершить нападение на трактир «Тверь», где сегодня имеет место собрание черносотенцев. План очень прост. Ваня Савицкий бросит бомбу в окно бильярдной, Коля Григорьев — в двери. Мы, остальные, будем прикрывать ваше отступление. Проверьте оружие, товарищи.

Николай вынул револьвер, неловко зажал его меж колен.

— У тебя чего рука перевязана? — спросил сидящий рядом рабочий.

Николай промолчал.

— Ты с какого завода? Что-то я тебя не помню...

— Я из Москвы, — сказал Николай. — С бергвотской обувной фабрики...

— Ого! Братцы, да тут у нас москвич объявился!

— Тихо! — хлопнул ладонью по столу Медведь. — Задание всем ясно?

— Чего ж яснее? — дружинники поднимались. — Начать и кончить, всего делов-то...

...Из желтых пятен света бросились в темноту две фигурки, несколько мгновений спустя раздались два взрыва, потом секунда тишины и вопли, вопли... В «Твери» занялся пожар, из дыма выпрыгивали, бестолково размахивая руками, люди.

— Стрелять? — рывком обернулся Николай к Божинскому. Они смотрели в окно с третьего этажа дома напротив. Комната была совершенно пуста, никакой мебели, видимо, подготовлена для стрельбы.

Божинский взглянул на часы и взял Николая под руку.

— Ни в коем случае. Наши боевики уже в безопасном месте. Пойдемте... На сегодня все.

— В Москве было веселее? — спросил, подходя, один из дружинников. — Ну, ничего, всему свое время.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

...Вчера в двенадцатом часу ночи на Невском публика была свидетелем... дикой расправы конного разезда с двумя неизвестными... Тела были

подобраны городовыми и куда-то увезены...
«Слово».

Интеллигентная барышня 25 л., трудящаяся, хозяйств., желает знаком. с обеспечен. господином лют. исповед. для вступ. в брак. *«Биржевые Ведомости».*

...Сообщают, что на днях арестовано несколько лиц, у которых найден план захвата полигона и вывоза из него дальнобойных орудий... для обстрела Петербурга. *«Петербургская газета».*

М. Г.! Узнав сегодня из газеты, что мне воспрещено выступать на вечерах и концертах, осмелюсь спросить, имею ли я право заменить себя граммофоном, или он тоже будет беззаконным? *Артист Неволин. «Биржевые Ведомости».*

9 января в Петербурге прошло спокойно. Заводы и фабрики не работали. Демонстраций не было... Панихида по убитым в прошлом году при многолюдном стечении рабочих была совершена на Преображенском кладбище. *«Биржевые Ведомости».*

...Казачьи полки, оперирующие в столицах и губернских городах, будут распущены к 15 марта. В области Войска Донского из-за отсутствия работников-мужчин начался голод... *«Слово».*

ЦК к.-д. партии возбудил ходатайство о разрешении Бебелю приехать в Петербург прочесть ряд лекций по аграрному вопросу...

При прощании П. П. Шмидта с сыном он сказал: «Иди, беги, Женя, Христос с тобой. Но только помни: всеобщее, прямое, тайное избиратель-

ное право — вот все мое наследство...» *«Биржевые Ведомости»*.

Группой провинциальных священников была послана в Очаков телеграмма на имя прокурора военного суда с горячим протестом против смертной казни вообще и приговора над Шмидтом в частности. Телеграмма эта попала предварительно почему-то в Синод, а поэтому неизвестно, дошла ли она по своему адресу... *«Русь»*.

...В департаменте полиции собраны данные о количестве русских эмигрантов в Финляндии. Их решено арестовать и отправить в Россию. Одно из высших лиц выразилось так: я не потерплю под боком Петербурга Швейцарии...

Гражданское мужество. Московский градоначальник генерал-майор Рейнбот оштрафовал за быструю езду на 10 рублей кучера адмирала Дубасова... *«Биржевые Ведомости»*.

Сразу же после побега из Бутырской тюрьмы Англичанин Вася явился в Европейскую гостиницу выпить кофию. Здесь он, к великому своему изумлению, встретил князя Енгальчева.

— Князь! Ванька! — захохотал он. — Выскочил из тюрьги, сукин сын?..

— Пардон, — с брезгливой миной поправил его тот. — Перед вами негоциант Теодор Филипп Пищиков. Русско-Американское торговое общество с отделениями в Петропавловске-Камчатском и Сизтле.

Негоциант тем же вечером привел Виктора к «нужным людям» на Разгуляй. Виктор ждал увидеть ловкачей вроде самого «негоцианта» и был удивлен, когда дверь ему открыл широкоплечий юноша в черной суконной косоворотке, с открытым чистым ли-

цом; давно не стриженные волосы, усики — законченный тип революционера, прямо хоть сразу в кандалы.

— Англичанин? — крепким напористым голосом спросил он. — Знаю о вас от Личарды, — он протянул руку. — Мазурин.

Ого, подумал Горизонтов, сам Мазурин! Он тоже слышал об этом видном эсеровском боевике. Они прошли в комнату, где им навстречу поднялись трое.

— Саша Беленцов, Карл Туулик, Федя Карятников, — коротко представил их Мазурин.

Горизонтов оглядел комнату, совершенно заурядную столовую-гостиную в бедном доме, с иконами в углу, с лампой над столом. Необычным в ней был лишь новенький револьвер, разобранный на подстеленной газетке, рядом с ломтиками чайной колбасы, да два портрета, увеличенные фотоснимки молодых людей с характерным крамольным прищуром.

— Узнаете? — спросил Мазурин. — Это мои друзья Сазонов и Каляев. Царствие им небесное! — он быстро перекрестился в угол.

— Креститесь, Мазурин? — удивился Виктор.

— Верую, но это никого не касается. К вам дело, Англичанин. Садитесь. Я и мои друзья вышли из партии социалистов-революционеров. Наше руководство разложилось, задумало играть в парламентские кошки-мышки. Мы тоже готовимся к новым боям. Для этого нами будет проведен ряд экспроприаций. Согласны вы принять участие хотя бы в первой из них? Имеется в виду Банк Московского общества взаимного кредита...

— Простите, но причем тут?.. — Виктор показал глазами на смиренно сидящего в углу Пищикова.

Мазурин усмехнулся.

— Мистер Пищикова финансирует наше начина-

ние, а затем вносит нам на рассмотрение свое в высшей степени оригинальное предложение... Мы пока, — Мазурин тут нажал, — пока доверяем ему. Он знает, на что идет, и не обманет нас, не беспокойтесь. Для него это, как говорят американцы...

— Бизнес, — подсказал Горизонтов.

— Ну, Витюша, ты же знаешь! — восторженно завопил «негоциант». — Ваше дело — революция, мое — деньги!

— Ну как, Англичанин, согласен? — перебил его Мазурин.

— Только в том случае, Володя, — медленно начал Горизонтов, наблюдая, как ответит Мазурин на неожиданную фамильярность. Мазурин усмехнулся. — Только в том случае, если мне будет выделена из добычи соответствующая доля для передачи в кассу нашей партии...

— Андрей Семенович, не откажите в любезности — пошлите кого-нибудь за шампанским, — попросил Красин своего помощника. — Приехали друзья с Кавказа, молодая пара...

— Слушаюсь, Леонид Борисович, — сказал исполнительный помощник. Он давно уже почти догадывался, что за друзья, заказчики, представители фирм бесконечно посещают его начальника и почему заведующий кабельной сетью ведет такую бурную деятельность. Догадывался и молчал, разумно не желая иметь касательство к таким страшным вещам. Красин был с ним в молчаливом сговоре.

— Пошлите к Елисееву за французским, — сказал ему вслед Красин, прошелся по коридору, зачем-то выглянул на улицу, почему-то проследил полет голубя к голубому небу Исаакievской площади и только после этого вернулся в свой кабинет.

В разных концах кабинета сидели Надя, Кириллов и Николай Берг. Мельком взглянув на вошедшего Красина, Николай продолжал, обращаясь к Наде:

— ...И он говорил о тебе в последние минуты. Он просил, чтобы я увез тебя из России... Я готов проводить тебя в Швейцарию... или в Италию, Надя...

Надя подняла голову и посмотрела прямо в глаза Николаю. Николай старался не отводить взгляда, но чувствовал он себя в эту минуту неважно. Любовь его умерла, страстная его любовь к этой красавице умерла вместе с братом. Он понял это сразу же, как только увидел Надю на Николаевском вокзале. В сущности, она была ему теперь совершенно безразлична, он был ошарашен этим открытием и теперь что-то мямлил о воле Павла, пытаясь разобраться в новых своих чувствах.

— Никуда я не уеду! — вдруг выкрикнула ему в лицо Надя неприятным чужим голосом.

Глаза ее заметались по кабинету, она вскочила и внимательно осмотрела предметы на письменном столе, метнула взгляд на Кириллова, потом осмотрела орнамент ковра, встала у стены и остановила глаза на Красине. Красин молча стоял на фоне окна. Лицо его было неподвижно, только дрожала жилка на виске.

— Надя, успокойтесь! — тихо обратился к ней Кириллов, он подошел поближе и вроде бы даже попытался прикоснуться к ее руке, но не прикоснулся. — Я думаю, что вам нужно уехать временно, чтобы переменить обстановку. Это действует целебно на нервную систему... Вот посмотрите в «Биржовке» объявление: средиземноморские поездки посредством скорого парохода «Принцессия Викториа Луиза»...

— Прекратите, Алексей Михайлович, — тихо сказала Надя, и снова ее охватило какое-то двигательное

беспокойство, она пошла вдоль стены, разглядывая узор обоев.

— Право, Надя, это тоже неплохой вариант,— пробормотал потерянно Николай.

— А вы как считаете, Леонид Борисович? — выпрямившись вдруг, гордо, почти надменно спросила Надя.

— Вы должны...— медленно проговорил Красин,— вы должны сами дать себе отчет в своих силах, вы хозяйка себе и должны решить, есть ли у вас силы остаться. События каждый день могут приобрести катастрофический характер.

— Я уже все решила, и силы у меня есть,— тем же гордым голосом сказала Надя и вдруг дрогнула.— Вы предлагаете мне уехать... На мне грязь, пуды грязи... Средиземным морем ее не смыть!

ПОЛИЦИЯ

Департамент полиции. Особый отдел. Московского градоначальника Отделение по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве.

8 марта 1906 г.

7 марта 1906 около 5 часов 15 минут дня в Москве было ограблено шайкой злоумышленников, вооруженных револьверами и бомбами, Московское купеческое общество взаимного кредита, помещающееся на Ильинке... похищено по заявлению Правления 875 тыс. рублей.

Обстоятельства: после 5 часов... в помещении банка осталось человек 60. ... Городовой Чепелев спустился с лестницы в швейцарскую, где на него напали 3—4 злоумышленника и обезоружили его... Той же участи подвергся и городской Левицкий, поспешивший на помощь Чепелеву.

Злоумышленники прошли в зал второго этажа

и соединились там с группой своих товарищей, проникших с черного хода, так что их оказалось около 15 человек.

В зале были обезоружены еще два городских... и тут же был испорчен телефон. Все 60 служащих, городовые, швейцар и сторож загнаны в угол зала, и к ним было приставлено несколько караульных. Остальные злоумышленники... забрав из кассы 875 000 рублей, удалились, после чего караульщики предложили служащим пройти в комнату кассы и положили у дверей бомбы, объявив, что в случае открытия дверей бомбы взорвутся...

Ворвавшись в банк, жандармы бросились с револьверами и пашками наголо по разным помещениям. Офицер рванул на себя двери кассового зала и увидел целую толпу пугливо сбившихся в кучу господ, устремленные к нему глаза, полные страха и мольбы.

— Что же вы тут сидите, господа? — насмешливо спросил офицер.

— Бомбы! — вдруг вскричал кто-то.

Отлетевшие из-под двери от рывка бомбы теперь свободно катились по паркету в разных направлениях. Одна из них, круглая, приближалась к сверкающим офицерским сапогам. Офицер ударил ее носком сапога, бомба взлетела в воздух, грохнулась на паркет и покатилась к лестнице. Офицер поднял другую плоскую бомбу, прочел надпись «ландрин», открыл и воскликнул:

— Ландрин, господа! Угощайтесь!

...растерянность всех находившихся в банке лиц, благодаря неожиданности нападения, была 275

так велика, что никто из присутствовавших в зале не может дать точного описания примет грабителей...

Объявлен розыск Мазурина Владимира Владимировича по подозрению в участии в ограблении. Мазурин — бывший студент Московского университета, 20 лет, среднего роста, волосы светлорусые, есть усыки, без бороды. Одевался в черное осеннее пальто, на голове черная драповая шапка.

В июне 1904 года привлекался к дознанию при Московском губернском жандармском управлении по делу о тайной типографии с.-р.-ов. По агентурным сведениям, в настоящий момент инициатор оппозиции в рядах эсеров, глава «Московской партии». Последняя выступила против решений съезда с.-р., отрицающих аграрный и фабричный террор и экспроприацию частной собственности.

...12 марта поступили определенные агентурные сведения, что ограбление было осуществлено максималистом Мазуриным... принимали участие неизвестные революционеры, прибывшие из Прибалтийского края. Куда девались деньги и куда скрылись грабители, агентура не знает...

В пестрой толпе, что месила мокрый снег возле Петровского пассажа, Илья Лихарев вдруг почувствовал какое-то неудобство, неловкость, как будто за воротником у него набрались после стрижки жесткие волоски. Чувство это, до тонкости известное только опытным подпольщикам, означало: за тобой следят!

Илья прошел через пассаж и вышел на Неглинную, купил пирожок и прислонился к стене, дабы съесть его. Он оглянулся и не удержался от облегченного, а пожалуй, даже и радостного вздоха: к нему

подходил с чемоданчиком в руках не кто иной, как дважды уже похороненный Англичанин Вася. Раньше Илья недолюбливал Горизонтова, ибо знал прекрасно о чувствах Лизы к нему. Теперь же огромная эта фигура, самоуверенная улыбка и простодушные глаза вызвали у него чуть ли не родственные чувства.

После декабря Илья сильно изменился даже внешне. Куда-то пропали его юношеская округлость, прозрачность кожи, которой он так стыдился. Щеки запали, резко выступили скулы, подбородок, в глазах появился ровный холодноватый свет, от которого встречным чинам полиции становилось не по себе. Теперь уже Илья не краснел по пустякам. Вся его жизнь сосредоточилась на деле, на четкой и непреложной, как движение светил, партийной работе. Он старался убежать от мыслей о Лизе, но на рассвете в полусне она всегда появлялась с прежней ее неуверенной улыбкой, манерой посматривать из-за плеча или в последнем своем страшном ожесточении... с винтовкой...

— Я шел за тобой полчаса и определял, нет ли хвоста,— тихо сказал Горизонтов.— Важное дело, Лихарев.

Подозвав извозчика, они отправились на Остоженку, к мебелированным комнатам «Париж». В бесконечных извилистых и тусклых коридорах «Парижа», где, как сказал Витя, «один воин может успешно обороняться от целой сотни янычар», на них с хихиканьем посматривали коридорные девушки и половые. Одного из них Виктор остановил и вынул из носа у него цветок.

— Принеси лафиту,— скомандовал Горизонтов половому и пояснил Илье.— Я тут за циркового обретаюсь.

— Ох, Виктор, Виктор... — покачал головой Илья. 277

В номере Горизонтов открыл чемоданчик, и Лихарев увидел толстые пачки денег, запечатанные бумажными лентами с четырехзначными числами.

— Можешь не считать,— скромно потупился Виктор.— Шестьдесят тысяч как одна копейка. Нужно все это переправить Никитичу.

— Ты участвовал в мазуринском эксе? — еле слышно спросил Илья.— Как же ты посмел с эсерами...

— Забываете III съезд, товарищ,— прогудел обиженно Горизонтов,— а в частности резолюцию о временном боевом соглашении с эсерами.

— Такие в каждом отдельном случае могут заключаться лишь под контролем Центрального Комитета,— отпарировал Лихарев, закрыл чемоданчик и поставил его на пол.— А ты, Виктор, не согласовал...

— С кем же я мог согласовать? Со своей левой ногой? Ты знаешь, как я попал к этим ребятам? Знаешь?

Горизонтов сбивчиво рассказал об аресте, побеге, негоднице Пищикове...

— Надо было прежде разыскать комитет и согласовать,— твердил свое Илья.

— Ну вот, хочешь как лучше...— огорчился Горизонтов.

Илья встал, взял чемоданчик и тихо сказал:

— Из-за границы сообщили, что Беленцов снят в пьяном виде с поезда в Цюрихе. При нем обнаружены русские деньги, много денег...

— Сашка! Идиот! — Горизонтов ударил кулаком по ладони.

— Кому известен этот твой адрес?

— Только мазуринцам и Пищикову.

— Немедленно нужно съехать отсюда. Никаких действий без решения комитета.

— Ладно, ладно,— проворчал Горизонтов.— А если подвернется что-нибудь дельное?

— Никаких действий,— жестко сказал Илья.— Тебя искал Никитич, ты был нужен для поездки в Америку...

— Да ну?! — ахнул Горизонтов.

— Теперь уже поздно. Сам виноват. Мы думали, что ты или погиб, или в тюрьме. Запомни явку, Виктор: Божедомка, 7, квартира Ручьева... Будь здоров!

Илья с чемоданчиком покинул «Париж», а Виктор, бормоча что-то о своей несчастливой звезде, начал собирать вещи. Переехать на другую квартиру было для него так же легко, как собраться в баню.

Он шел с саквояжем сквозь мартовские густые юные сумерки и что-то думал об Аляске, о шхуне, о какой-то девушке, имя которой забыл, а может быть, и не знал, и вдруг увидел перед собой знакомое крыльцо с мраморными колоннами, дубовую дверь, чугунную витую решетку сада, и сердце его дрогнуло. Дом Бергов! Здесь его взяли, и он толком ничего не узнал о них! Мазуринцы говорили, что Павел убит, Николай в тюрьме... а что с сестрами? Идиот, он даже не спросил о них у Лихарева! Бездушное тупое животное, эгоист, ведь ты же был влюблен в Лизу! Впрочем, соггу, не в Лизу, а в Надю... Зайти? А вдруг охранка четвертый месяц держит тут своих псов? Какого дьявола, нашел кого бояться — жандармских псип!

Виктор засвистел китобойную свою песенку, дернул дверь и вошел в дом.

Нежилой дух, сырость, запах беды почувствовал он. Мрачно отсвечивали зеркала, перила, статуя у лестницы.

Он поднялся, прошел через гостиную, заглянул зачем-то в камин.

— Эй! Кто-нибудь есть? Эй! Эй!

Голос его раскатился по дому, ответил эхом из какого-то угла и замер. Виктор уже хотел уйти, как вдруг услышал нервное постукивание каблучков. Оно становилось все живее, вот в полутемный зал скользнула тонкая черная фигурка, замерла и...

— Виктор! Витя! Родной! — Полет по паркету, и руки вокруг шеи, все лицо, уже соленое от слез, и зубки блещут рядом, и худенькие плечи...

— Танюшка!

ГАЗЕТЫ

...Через несколько часов после мученической гибели Шмидта и матросов. В Очакове настроение подавленное, многие плачут, во многих домах траур... Последним видел его адвокат Винберг. Шмидт горько плакал о матросах, повторяя, что крепко надеялся, что их не казнят...

...Известие об утверждении адмиралом Чухниным ужасного приговора и приказ поспешить с исполнением как громом поразило всех в Москве... *«Русь»*.

Если верить официальным сообщениям, то за год с 9.1.05 по 1.1.06 по всей России было убито и ранено 32 706 человек, в т. ч. убито — 14 654. Из них в Петербурге убито 982, в Москве — 2483. *«Биржевые Ведомости»*.

...И весна 1906 года застаёт великую империю в виде, в какой не приводили ее ни Мамай, ни печенеги, ни Иваны Грозные, ни «дванадесать языков». Только тюрьмы полны, только тундры заселены! *«Русь»*.

Эпизоды выборов в Петербурге.

...Прилично одетый молодой человек, по-видимому приказчик, присаживается к столу с бюллетенями.

— А кого надо записать сюда?

— Ваших кандидатов.

...К разговаривающим подходит какой-то артельщик и подсовывает пачку бюллетеней.

— Возьмите, тут все уже подготовлено.

— А какой партии? — спрашивает избиратель.

— Правого порядка, — стыдливо шепчет агитатор.

— Нет, мне это не годится, я хочу подать голос за социал-демократов.

• • • • •
— Вы кого же записываете?

— Вестимо, своих: себя самого, шурина, приказчика. Своя рубаха ближе к телу.

• • • • •
— Кого же мне писать, господа хорошие?

— Кого хотите, того и пишете, зависит от вашего желания.

— Нет, позвольте, я сам этого не могу выдумать! Вы здесь посажены, значит, и должны приготовить, за кого голосовать!

• • • • •
— Вы с выборов, что ли?

— Да.

— Как там наше дело прошло?

— Вряд ли черносотенцы выиграют.

— Значит, демократы?

— Да.

— А что такое демократ, барин?

«Биржевые Ведомости», март 1906 г.

Глава X

Неужели нацупали?

Солнце висело уже низко над многоверстным ледовым припаем Финского залива. Лед сверкал розовым огнем. Поблескивали обледенелые, словно покрытые газурью березы, кое-где пронизывающие темную стену хвойного леса.

Ленин и Красин стояли у окна на даче «Ваза» в Куоккале.

Сверкали огромные разросшиеся сосульки, в предвечерних тенях вокруг дома бродили первые весенние запахи-призраки.

— Владимир Ильич, что вы сделали с вашей змейкой? — неожиданно спросил Красин.

— Какой змейкой? — Ленин не отрываясь смотрел на закат.

— Помните, в прошлом году в Лондоне мы купили с вами у рыжего бродяги?

— А! Я подарил ее сыну консьержки в Женеве. Мальчуган был счастлив. А вы?

— Я тоже подарил ребенку, — проговорил Красин, вызывая в памяти буйное весеннее цветение в Шапкино, сирень, стол на веранде и огромный самовар, в котором отражались молодые глаза.

Ленин вдруг громко расхохотался. Красин вадрогнул.

— Вы знаете, Никитич, — совсем уже отрываясь от зрелища заката, напористым своим голосом заговорил Ленин. — Я засмеялся, вспомнив эти выборные эпизоды в «Биржовке», и одновременно подумал: во что превратится в конце концов этот наш российский парламент?

— В домашнюю левретку, в шута при дворе... — усмехнулся Красин.

Ленин обнял Красина за плечи.

— Я очень рад, что у нас сейчас с вами полное единство мнений. А помните, как мы ссорились из-за ваших примиренческих вывихов?

— Это прошлое, — улыбнулся Красин. — Я понял, что меньшевики — закоренелые оппортунисты, но объединяться-то все-таки надо, надо... Жизнь диктует, ничего не поделаешь.

— Объединить две части — согласны! Спутать две части — никогда, — воскликнул Ленин.

— Ныкогда! — воскликнул с преувеличенным кавказским акцентом проходящий через комнату Камо. — Ныкогда я не откажусь от стаканчика кахетинского!

Они рассмеялись. На столе стоял бочонок вина, привезенный на днях.

Бочонок был замечателен тем, что в нем под кахетинским вином на двойном дне Камо доставил в Куоккалу деньги, захваченные его боевиками.

— Ну-с, давайте, Леонид Борисович, еще раз потшлифую текст, — потирая руки, сказал Ленин. — Вот место, которое важно для вас.

И Ленин начал читать:

— Проект резолюций к Объединительному съезду РСДРП.

Партизанские боевые выступления.

...Со времени декабрьского восстания почти нигде в России не наступило полного прекращения военных действий...

...партизанские действия... служат к дезорганизации неприятеля и готовят грядущие открытые и массовые вооруженные действия;

...подобные выступления являются также необходимыми для боевого воспитания и военного обучения наших боевых дружин...

...партия должна признать партизанские боевые выступления дружин, входящих в нее или примыкающих к ней, принципиально допустимыми и целесообразными в настоящий период;

...главнейшей непосредственной задачей таких выступлений следует признать разрушение правительственного, полицейского и военного аппаратов и беспощадную борьбу с активно-черносотенными организациями, прибегающими к насилию над населением и к запугиванию его;

...допустимы также боевые выступления для захвата денежных средств, принадлежащих неприятелю, т. е. самодержавному правительству, и для обращения этих средств на нужды восстания, причем необходимо обратить серьезное внимание на то, чтобы интересы населения были возможно менее нарушаемы;

...боевые выступления должны производиться под контролем партии...

284 Апрельские штормы, авария в финских шхерах, качка в Ботническом заливе остались позади, и 10 апреля 1906 года большевик Румянцев от имени

Объединенного ЦК открыл IV съезд. Среди делегатов с решающим голосом было 62 меньшевика и 46 большевиков.

Несмотря на численное меньшинство их отряда, Красин чувствовал себя уверенно рядом с деловито строчащим что-то в блокнот Ильичем. Румянцев между тем говорил:

— ...РСДРП к началу российской революции оказалась ослабленной разделением на две фракции...

И чем яснее становилась пагубность раскола и междоусобицы для дела партии... тем громче и властнее звучали голоса, требовавшие объединения...

Ленин склонился к Красину:

— Объединение будет, конечно, формальным. Этот съезд — меньшевистский. Они уже обо всем договорились...

В конце съезда большая группа делегатов обедала в недорогом старинном ресторане на одной из улочек, примыкающих к портовому району Стокгольма. Все сидели за огромным общим столом в боковом зале ресторана. Стол был накрыт грубой, но идеально чистой скатертью. Запахи супа, соусов, свежего хлеба и пива как бы возвращали утомленных двухнедельными прениями делегатов к обычной жизни, где нет проблем вооруженного восстания, Государственной думы, экспроприаций, а есть суп, соусы, свежий хлеб.

Меньшевики, гордые тем, что прошли почти все их резолюции, неестественно развеселились, победно поглядывали на большевиков, похохатывали. Плеханов, опираясь сверкающие вечной незыблемой белозной манжеты, довольно улыбался.

— Клянусь вам, товарищи, большевизм скоро вымрет сам по себе, — послышался довольно громкий шепот Дана. Ленин и Красин переглянулись, Луна...

чарский снисходительно рассмеялся, другие, включая Десницкого, только улыбнулись в тарелки, один лишь Алексинский вдруг вскочил и, яростно разбрызгивая слюну, атаковал Плеханова:

— Вы!.. Мечтаете о министерских портфелях!.. Вы — революционеры?.. Ха-ха!.. На баррикады!.. Пожалуйста!.. Пойдете?.. Трусые! — он почти задыхался и никак не мог слепить отдельные слова в законченную фразу.

— Да вы что его, сырым мясом кормите? — недолженно поднимая брови, спросил Плеханов Ленина.

Меньшевики было рассмеялись, но вдруг один из них, гурнец Ломтатидзе, вскочил и закричал, рассыпая искры из глаз, грозя и тыча в Алексинского пальцем:

— Вон! Убирайся из партии!.. Ты!.. Бланкист!.. Где Маркс, где теория?.. Пролетариат!.. Нет прощения!

В ярости своей они оба были похожи на боевых петушков. Теперь уже смеялись обе фракции. Литвин-Седой взял Алексинского за руку и увел его от стола.

После обеда к Красину подошел один из видных членов партии, постоянно живущий в Берлине врач. Он не был делегатом съезда, но присутствовал почти на всех заседаниях, потому что осуществлял в Берлине большую практическую работу.

— Знаете, русские газеты пишут о крупной экспроприации в Квирилах. Взято, кажется, около двухсот тысяч. Это ваши люди действуют?

Красин, разумеется, знал об этом деле, но на всякий случай удивленно округлил глаза.

— Мои люди? Да что вы, батенька! Я не имею ни малейшего отношения к эксам.

Хотя и свой человек, подумал он о враче, а все-

таки, как говорится, береженого бог бережет... Почему это он обратился именно ко мне?..

— Вы не доверяете ему? — тихо спросил Ленин.

— Да нет, но береженого, Владимир Ильич... — Красин усмехнулся.

Из ресторана большевики вышли вместе.

— Итак, в шесть вечера в «Народном доме», — сказал Луначарский и в глубоком раздумье отправился на набережную.

— Вы написали «Обращение», Владимир Ильич? — спросил Красин.

— Да. Взгляните-ка! Я хочу предложить вот этот текст.

Красин взял из рук Ленина блокнот и стал на ходу просматривать проект «Обращения к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков».

«...В трех важнейших резолюциях съезда определенно обнаруживаются ошибочные взгляды прежней фракции «меньшевиков», численно преобладавшей на съезде.

В аграрной программе съезд принципиально принял «муниципализацию»... Крестьяне не примут такого плана. Они потребуют либо прямого раздела земли, либо перехода всех земель в собственность народа...

В своей резолюции о Государственной думе съезд признал желательным создать в этой Думе парламентскую фракцию с.-д. Съезд не пожелал считаться с тем фактом, что $\frac{9}{10}$ сознательных рабочих России, в том числе все польские, латышские, еврейские с.-д. пролетарии, бойкотировали эту Думу. Съезд отклонил предложение обусловить участие в выборах возможностью действительно широкой агитации среди масс...

Съезд также не дал... прямой критики ошибок пролетариата, ясной оценки опыта октября — декабря 1905 г. ... в прикрытой форме съезд осудил декабрьское восстание... таким способом можно скорее затемнить, чем прояснить революционное сознание пролетариата.

Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы — против всякого раскола... мы согласились на вступление в ЦК наших единомышленников, хотя они будут там в ничтожном меньшинстве. По нашему глубокому убеждению, рабочие социал-демократической организации должны быть едины, но в этих единых организациях должно широко вестись свободное обсуждение партийных вопросов, свободная товарищеская критика и оценка явлений партийной жизни».

В конце улицы возвышался борт океанского корабля, и Красин, когда поднял голову от блокнота, даже вздрогнул от удивления. Во время чтения он совершенно забыл о Стокгольме; московские подслеповатые домишки, маковки церквей, кривые переулки или туманная бесконечность петербургских проспектов не удивили бы, а тут — корабль и мачты, и гудки, и близкий шум балтийского наката.

— Подписываюсь под каждой буквой, — сказал он, возвращая блокнот Ленину.

— Вот и прекрасно, — усмехнулся Ленин и тронул Красина за плечо. — Вы не унывайте, Леонид Борисович. Я вижу, что вы повесили нос: не придется ли вам распускать своих боевиков на покой. Не придется! Пока не придется! Все прояснится в ближайшие полгода. Во всяком случае, мы с вами должны до конца выполнить свой долг. Могут быть паузы,



может быть, нам придется ждать нового пика еще пять, десять, пятнадцать лет...

Они вышли на набережную, вдоль которой покачивались бесчисленные парусники.

— Москве в декабре не хватало лидера, Дантона, Марата, человека-флага...— задумчиво сказал Красин.

Ленин не ответил — он смотрел на волны. Ветер был юго-восточный, и волны шли от берегов России.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

Извержение Везувия продолжается. Без хлеба и крова осталось не меньше 200 000 человек. *РТА*. Лучшее средство против моли. Персидские таблетки «Молемор». *«Биржевые Ведомости»*.

Землетрясение и пожары совершенно разрушили город Сан-Франциско. Погибло 2 тысячи человек, убыток минимум 100 миллионов долларов. *РТА*.

Пропал Гапон! *РТА*.

...Гапон находится в одном из монастырей, т. е. высшие духовные власти наложили на него епитимью согласно каноническому закону. *«Новое время»*.

...По сведениям знающего лица, Гапон повешен рабочими, представителями революционных партий как полицейский провокатор... *«Манчестер Гардиан»*.

Отставка министерства Витте — Дурново.
Назначение Горемыкина премьер-министром.

...Брошенной бомбой московский генерал-губернатор Дубасов получил ушиб ноги и ожоги 289

всего тела, адъютант его гр. Коновницын убит. Бросившему бомбу снесло половину черепа. РТА.

Великий исторический день 27.IV.06. Сегодня Петербург — центр магнитного притяжения для всего цивилизованного мира. Сегодня вместе с русским народом незримо присутствует все остальное человечество на великом торжестве открытия Государственной думы, которое мы смело назовем торжеством нового, третьего по счету крещения Руси! *«Биржевые Ведомости».*

Солдатам Петербургского гарнизона выдано по 180 штук боевых патронов... *«Русь».*

Двор прибыл из Петергофа на яхте, которая остановилась возле Николаевского моста...

...В Зимнем дворце собрался весь обновленный Совет Министров...

— Ну-с, господа, теперь мы будем иметь честь заслушать господина директора департамента полиции Рачковского, — скрипучим медлительным голосом проговорил новый министр-председатель Горемыкин, откинулся на спинку стула, скосил глаза на кабинетное зеркало и с горечью утвердил то, что мелькнуло в спешке утром и не давало покоя весь день, — новую дряблую складку на шее.

Рачковский склонил безукоризненный пробор к своим бумагам. Волосы его отливали сивью, как воронье крыло... «Красит, наверняка красит, каналья», — подумал Горемыкин.

— Господа, мне придется вас немного утомить, — кашлянул Рачковский. — Справка об организации наблюдения за тайным водворением оружия в пределы России весьма объемиста.

Он начал читать:

— ...командир Велюнской бригады пограничной стражи сообщил, что 50 000 ружей в разобранном виде должны быть водворены... в подводах с зерном и углем, ввиду чего о сем было сообщено начальнику Калышского губернского жандармского управления для воспрепятствования водворению вышеупомянутой контрабанды. Прошу прощенья за слог, господа...

— А вы посуше, факты, факты... — прокрипел Горемыкин.

— Слушаюсь охотно, — улыбнулся Рачковский отменнейшими зубами. («Вставные!»)

За круглым столом в кабинете министра-председателя сидели участники секретнейшего и важнейшего совещания. Сам Горемыкин, Рачковский, министр внутренних дел Столыпин (не произнесший в течение этого совещания ни одного слова), военный министр Редигер, морской министр Бирилев, министр иностранных дел Извольский. За отдельным столом в углу кабинета расположились вызванные для консультаций военный атташе в Париже полковник Кузьмин-Караваев, заведующий заграничной агентурой коллежский советник Гартинг и полковники корпуса жандармов Ехно-Егери и Караев.

— ...из Антверпена ушло судно «Валерия», погрузившее большое количество револьверов фирмы «Гонг», — продолжал Рачковский. — Предупреждены телеграммами Лябава, Ревель, Рига, Гельсингфорс, однако «Валерия» туда не прибывала.

...Пароход «Викинг», погрузивший 97 ящиков с револьверами и ружьями, ушел из Копенгагена в один из балтийских портов. Прибыл в Лябаву, где, несмотря на самый тщательный досмотр, груз этот не был обнаружен. Пароход «Омск», вышедший из Антверпена, вместе с машинами вез большое количе-

ство револьверов. При досмотре в Петербурге груз этот на «Омске» не обнаружен.

...Наш посланник в Лондоне телеграфировал, что пароход «Сириус», совершающий правильные рейсы между русскими балтийскими портами, вместе с кофе погрузил до 10 вагонов оружия и взрывчатки. ...Наш военный агент Кузьмин-Караваев...

— Здесь присутствующий? — спросил, заглянув в бумаги, Горемыкин.

— Так точно, ваше высокопревосходительство! — с резким каблучным стуком вскочил статный полковник.

«Ишь, жеребчик гладкий на парижских-то лосьонах», — неприязненно подумал Горемыкин.

— ...сообщает, что оружие грузится в Антверпене преимущественно пароходами линии «Феникс»...

Есть сведения, что Центральный Комитет в широком масштабе организовал закупку оружия по удешевленным ценам...

За столом консультантов забеспокоился Гартинг. Сначала он что-то пискнул, потом встал и довольно таки бесцеремонно перебил Рачковского:

— Какой Центральный Комитет имеет в виду ваше превосходительство?

Рачковский брезгливо пошевелил губами и не ответил. Должно быть, его возмутило такое нарушение субординации.

Возникла неловкая пауза.

— Ну есть же у них какой-то там центральный комитет, — примирительно сказал Горемыкин.

— Есть центральные комитеты у социал-демократов, у конституционалистов-демократов, а также руководство партии с.-р. и других революционных партий, — отчеканил Гартинг и сел.

«Приятный, солидный человек», — подумал Горе-

мышки и тихо спросил Столыпина: — Петр Аркадьевич, кто таков?

Столыпин с непроницаемым лицом пожал плечами. Ехно-Егерн с восторгом, близким к вожделению, смотрел на новую звезду.

— Ваш, что ли? — нагнулся Горемыкин к Извольскому. («Жужелица чертова, корень китайский небось жует для бодрости...»)

— Понятия не имею, Иван Логгинович, — выпалился очнувшийся от дремоты министр.

— Итак, господа, мы видим, что оружие инсургенты водворяют на территорию российскую в основном морским путем, а также через румынскую границу на возах и через финляндскую всяким способом.

— Любопытное сообщение может сделать по сему поводу полковник Караев, — оживился вдруг, неопределенно мигая глазами и хмыкая, Рачковский.

Караев вскочил, сорванным голосом прохрипел:

— Под юбками, ваше высокопревосходительство!

— То есть как это? — оторопел министр-председатель.

— Осмеюсь пояснить, — пьянея от субординационного восторга, завопил Караев. — Революционные особы жепского пола провозят оружие под юбками в специальных карманах!

— Не хотите ли вы этим сказать, полковник, — с каждым словом набирая грозовую мощь, зарокотал Горемыкин, — что чины российской жандармской службы залезают дамам под юбки?

— Никак нет, ваше высокопревосходительство, — растерялся, к полнейшему наслаждению Ехно-Егерна, Караев, — никоим образом не лезят, а только иные дамы подвергаются личному досмотру...

— В том числе и дамы интеллигентного вида? — вопросил Горемыкин.

— Увы,— ответил Караев,— без этого, ваше высокородство, невозможно...

— Позор! — загремел министр-председатель.— Воинство русское, известное рыцарством своим по всем европейским градам и весям!

Довольно долго он гремел на эту тему. Откричавшись, Горемыкин откашлялся и спокойно спросил:

— Куда же, господа, девается оружие с судов? Петр Аркадьевич, ваше мнение?

Столыпин, не дрогнув ни единым мускулом лица, пожал плечами. Ехно-Егерн чуть не подпрыгнул от восхищения: он, он, только он, и никто другой!

«Здоровенный, и кожа тугая, ох беда моя, беда»,— подумал о Столыпине Горемыкин и обратился к Бирилеву.— Ну, а вы, адмирал?

Морской министр начал развивать свои предположения, что преступный груз передается революционерам в море на границе трехмильной зоны русских территориальных вод, а может быть, и за ее пределами.

Временами министр почему-то гмыкал, рыкал, расправлял плечи, выпячивал грудь, упираясь в стол крепко сжатыми кулаками, чем окончательно убедил министра-председателя, что вводит в себя вытяжку из железы колумбийской обезьяны.

...Совещание подходило к концу. Инструкция для морской пограничной стражи была рассмотрена, рекомендовано было финляндскому генерал-губернатору князю Оболенскому по возможности укомплектовать финскую таможенную службу русскими чиновниками. Министру иностранных дел предлагалось через посольства усилить надзор за деятельностью эмигрантских групп, а правительства иностранных государств просить усилить контроль за вывозом с их территорий оружия.

Обнаглевший Ехно-Егерн вдруг почтительнейшим образом приподнялся с папочкой и доложил, что, по его мнению, необходимо учредить сеть русской агентурной службы в шведских портовых селениях. Он с удовольствием отчетливо выговаривал ужаснейшие шведские слова, подмечая искорки интереса в византийских глазах Столыпина. Караев сидел как пыльным мешком ударенный.

«Подходящая персона. Хоть и молод, а сух, как вешалка или этажерка. Уравновешен, глаз рыбий», — подумал о Ехно-Егерне Горемыкин.

— Проект ваш, полковник, хорош, — сказал мягкий, как стеганая диванная подушка, Гартинг, — но, увы, неосуществим. Если уж генерал-майор Фрейберг в Финляндии, являющейся частью империи, затрудняется осуществлять должный надзор, то каково же будет нам в Швеции, среди враждебного населения, при недостатке агентурного персонала и при постоянной нехватке денежных средств?

— Какова же ваша альтернатива, господин Гартинг? — поднял бровь («подклеенная») Рачковский.

— Усилить провикновение нашей агентуры в эмигрантские центры революционеров, — незамедлительно ответил Гартинг.

— Какую из партий, господа, вы полагаете наиболее опасной для сил порядка? — спросил Горемыкин консультантов.

Кузьмин-Караваев, погруженный в какие-то свои мысли, даже не обратил внимания на этот вопрос. Гартинг и Ехно-Егерн задумались, а Караев тут же вывалил:

— Партию мерзостную эс-эр, гибельно преследующую лучших сынов отечества, то есть высоких чинов полиции и войска. Разрешите сообщить кое-какие сведения.

В Чернигове тяжело ранен губернатор Хвостов. В Иркутске ранен вице-губернатор и убит полицмейстер, в Вятской губернии убит полковник Нестеренко, в Полтаве — старший советник губернского правления Филонов, в Твери — генерал Слепцов, в Тифлисе убиты генерал Грязнов и начальник Кавказского военного округа генерал Баранов. В Севастополе совершено покушение на адмирала Чухнина... И все это — за каких-нибудь три месяца! Картина сия, господа, ужасна. Душевнобольные преступники-самоубийцы судят судей своих!

— Действительно ужасно,— прошептал Горемыкин и почти умоляюще повернулся к Столыпину.— Петр Аркадьевич!

Столыпин, неопределенно пожав плечами, стал смотреть в окно.

— Что касается меня, то я должен доложить высокому собранию свое особое мнение,— сказал Гартинг.— Я полагаю наиболее опасной для империи партией Российской социал-демократическую рабочую партию, особенно ее левую фракцию, так называемых большевиков. Именно большевики готовят окончательное и бесповоротное разрушение строя, и делают это не безуспешно.

— Целиком присоединяюсь к мнению господина Гартинга,— заявил Ехно-Егеря.— В частности, по поводу предмета сегодняшнего совещания — водворения оружия на территорию империи. Существует Боевая техническая группа во главе с неким Никитичем, усиленно вооружающая свои подпольные дружины. Должен заявить, что если мы имеем агентуру в руководстве эсеров и в других группах, несмотря на потерю Гапона, располагаем надежными источниками, то среди руководства РСДРП мы не имеем достаточно

квалифицированной агентуры и до сих пор не можем напасть, к примеру, на след пресловутого Никитича...

— До поры до времени, — пробурчал Гартинг. Все взгляды обратились к нему, но он, засопев, пробормотал: — Не буду опережать события, но имею некоторые надежды...

— Сопещание окончено, господа. Все свободны! — вдруг заявил, поспешно вставая, Горемыкин. — Еще раз повторяю: никакого личного досмотра к дамам интеллигентного вида не применять!

По Патриаршим прудам в закатных пятнах плавали лебеди, и в переулках прогуливались молодые люди — руки в брюки. Ферапонтыч служебные часы проводил на прудах, любил птицу. Покупал пару ситников, крошил пернатым в воду, ел сам, по спине его под новеньким мундиром бегал предатель-мураш.

События выдвинули Ферапонтыча, ему бы теперь шагать да шагать, но страх перед аптекарем-бомбистом был сильнее гордыни, и потому предпочитал Луев отсиживаться на прудах. Вещая сиамская птица, не покидавшая теперь его ватного плеча, одобряла сидение.

— Сиди, сиди, Ферапонтыч, быть тебе генералом...

Илья Лихарев миновал пруды, вступил под своды арки одного из многочисленных в этом районе Москвы проходных дворов. Вот и лестница, о которой ему говорили, слышны уже из комнаты голоса, а на ступеньках играют в карты двое длинноволосых. Ну что за конспирация у анархистов!

Илья отправился в штаб анархистов для того, чтобы выяснить, можно ли в случае пужды вступить с ними во временное боевое соглашение. Обстановка

накалялась с каждым днем. Ждали разгона Думы, говорили о возможности нового вооруженного восстания, о блоке левых партий.

Картежники пристально рассмотрели гостя, причем пальцы их в карманах шевелились весьма недвусмысленно, потом, услышав пароль, подвинули свои колени, и Илья поднялся по лестнице.

В тускло освещенной низкой комнате вокруг стола сторбилось человек десять. Еще с десятков лиц маячили по углам. Стол, как сразу заметил Илья, был невероятно роскошен: индейка, икра, лососня, дорогие консервы, разнообразные сыры — все это было навалено на грязной скатерти, бутылки марочных вин соседствовали с железными кружками.

Когда Илья вошел, за столом ораторствовал грозный трибун с Малой Бронной Эмиль Добриан. Илья поймал конец фразы:

— ...Ибо, как сказал великий Бакунин, «страсть к разрушению есть творческая страсть»!

— Гениально! — выкрикнул, бросаясь к Добриану, худой, с кошачьими усиками и горящими глазами субъект, показавшийся Илье знакомым.

— Товарищ Канонир?! — раскинул руки навстречу Илье Добриан. (Анархистам было сообщено, что к ним прибудет посланник под кличкой Канонир.) — У нас гость, товарищи! К столу, Канонир! Вкушайте дары земли!

— Откуда такая роскошь? — тихо спросил Илья своего соседа, паренька рабочего вида, но с массивным перстнем на мизинце левой руки.

— Провели несколько удачных эсков, — небрежно ответил паренек. — Вчера извозопромышленника Дядева потрепали. А у вас что, зубы на полке?

Илья еле заметно усмехнулся.

Интересно, что бы сказал Никитич, если бы узнал,

что мы тратим экспроприированные деньги на деликатесы от Елисеева?

В это время юнец с кошачьими усиками кричал, размахивая руками:

— Человек был животным и через мысль пришел к разрушению! Все — в пустоту! Русь к топору! К огоньку! Достоевского сжечь за клевету! Жечь, жечь, да разгорится мировой пожар!

...Илья возвращался от анархистов уже в полной темноте. Ухода его никто и не заметил: к этому времени собрание «Черного костра» стало напоминать шабаш. Илья вздрагивал от брезгливости. Беда, что к революции липнут и такие люди, думал он. Он думал также и о своей партии, с гордостью вспоминал о своих товарищах, спокойных, дисциплинированных людях, которые никогда не подведут. Есть, конечно, у них и бузотеры вроде Васи Англичанина... Да, хороший царень Виктор, смелый, преданный делу, ничего не скажешь, но есть, есть в нем эта анархическая жидка. Эти его выходки, всегда такие неожиданные. Уверен, что он недостаточно подготовлен теоретически, надо будет им заняться... поговорить по душам, дать нужные книги. Хорошо бы подключить старших товарищей...

Думая обо всем этом, Илья прошел по темной аллее до конца прудов. Здесь его ждали связные — Колючий и студент Аристарх.

— Ну что, Илья?

— Нет, братцы, с ними каши не сварить, — сказал Илья. — По-моему, этот «Черный костер» превращается постепенно в обыкновенную разбойничью шайку.

В аллее деликатно закрипели смазанные сапоги, и на приличном расстоянии от молодых людей остановился Ферапонтыч.

— Убедительно прошу не скопляться, господа.

— Дай-ка семечек, Ферапонтыч, — небрежно обратился к нему Колючий и тут же получил две пригоршни тыквенных жареных семечек.

— Ну иди, Ферапонтыч, иди, не бойся, — сказал Аристарх.

Молодые люди заметили на плече Ферапонтыча маленькую говорящую птичку и весело расхохотались.

Красин — Горькому и Андреевой в США.

Дорогие друзья!

...Из газет вы увидите, что многие меньшевики сильно поручнели и готовы очень далеко пойти в сторону увлечения исключительно «легальными» способами борьбы. Между тем события складываются так, что новый подъем революционной волны представляется неизбежным... Подчиняясь всем решениям съезда и отрицая раскол, нам придется не только воевать за свои тактические принципы, но и делать все возможное — а рамки устава в этом отношении достаточно широки, — чтобы не забрасывать техники и практической подготовки к тем великим событиям, которые непременно, с стихийной необходимостью наступят...

...Мне важно, чтобы вы и Стрела¹ обсудили этот вопрос и затем сообщили мне свое мнение. Если вы оба станете на ту же точку зрения... часть добываемых вами средств должна получить специальное назначение и лишь часть передаваться ЦК на его общие расходы. Иначе из них ни копейки не пойдет на оружие и т. п. вещи.

...Пока еще жив Никитич, туда-сюда, а если

он часом заболает и его место займет меньшевик, тогда всякая возможность контроля исчезнет.

...Из 10-головой коллегии¹ лишь три «заговорщика» и «анархиста», верящих в реальность таких вещей, как маузеры, пулеметы и проч. Семерка же... спит и видит через какую-нибудь щель провести хоть полдюжины кавказцев в Таврический дворец...

Горячий привет вам обоим...

Ваш *Никитич*

Это письмо в конверте с нью-йоркским адресом Горького лежало сейчас на деловом столе Красина, наполовину прижатое тяжелым бюваром. В скором времени за ним должен был прийти Игнатьев и надежным путем переправить за пределы империи. Надеяться на российскую почту было нельзя. Перлюстрация, несмотря на аристократическое к ней отношение со стороны власть предержащих, как всегда, в империи процветала. Красин чертил карандашиком какие-то забавные каракули и внимательно слушал сидящего напротив словоохотливого господина в строгом английском костюме. Господин этот представлял собой нарождающийся тип русского промышленника новой формации, западного образца. Собственно говоря, и сам Красин в своей официальной жизни являл собой именно этот тип, а потому с первых же минут встречи оба настроились по отношению друг к другу серьезно, положительно и деловито, как люди дела, бизнесмены и единомышленники.

Господин прибыл к Красину по рекомендации Степана Филоновича, крупного финансового туза, для

¹ ЦК, избранный IV съездом РСДРП.

ведения предварительных переговоров по устройству сети тепловых электростанций.

— Я мыслю себе это дело без малейшего привлечения иностранного капитала, Леонид Борисович, — бойко говорил быстроглазый господин. — Хватит! Пора будить национальные силы. Россия в потенции — это новая Америка, и я уверен, что мы стоим на пороге эры огромного подъема.

— Совершенно согласен с вами, — сказал Красин. — Главное, должна прекратиться смута. Я надеюсь, что правительство покончит с революцией по возможности малой кровью.

Зазвонил телефон. Красин услышал в трубке чуть приглушенный голос верного Кандида — Кириллова.

— Леонид Борисович, у вас сейчас сидит полковник жандармского корпуса...

— Спасибо, Всеволод Кузьмич, давно ждал, — оживленно сказал Красин. — Да-да, я и сам предполагал... Удачно, удачно! Да, сию минуту!

Он повесил трубку и извинился перед гостем:

— На десять минут вас покину. Коллега просит заглянуть по неотложному делу.

Он закрыл за собой дверь кабинета и, выждав полминуты, открыл ее. Гость стоял над столом и разглядывал на свет конверт с письмом в Нью-Йорк.

— Письмо Горькому, как видите, — сказал Красин.

— Меня заинтересовала бумага. Плотная такая, — пробормотал гость. — Английская?

— Да, верже... Люблю хорошую бумагу. Хотите прочесть письмо? У меня есть черновик.

— Помилуйте...

— С Горьким я познакомился у покойного Саввы Тимофеевича, впрочем, вы, конечно, знаете, что я работал прежде у Морозова, а до этого в Баку, а еще

прежде обучался в Харьковском технологическом институте, куда поступил после отбытия срока наказания...

— Помилуйте, Леонид Борисович! — горестно взметнул руки гость.

— Вам безусловно известно, уважаемый, что я родился в 1870 году, что рост у меня средний и особых примет не имею... — не унимался Красин.

— Клянусь вам, клянусь, вы меня не за того принимаете! — взмолился гость.

Красин показал ему на дверь.

— Не откажите в любезности передать мой привет и восхищение вашему рекомендателю. На сей раз этот выдающийся человек повернулся ко мне совсем новыми гранями.

Гость выкатился. Красин сел к столу и обхватил голову руками. Как понять этот визит? Почему полковник явился собственной персоной? Он неплохо играл свою роль, и, если бы не след от моногля в глазнице, я никогда бы не вспомнил, что видел его в Баку... Впрочем, я тоже неплохо разыграл опьяненного своей смелостью, слезкой за своей персоной либерального кадета. Кажется, это тип, с которым нужно вести тонкую игру.

Вновь телефон. Кандид:

— Он вышел. Идет к Исаакиевской.

— Вы знаете его имя? — спросил Красин.

— Нет, но за ним идут Саша и Люба.

— Узнайте все, что возможно.

— Леонид Борисович, Струна снова просится в дело...

— У нее есть дело в типографии.

— Она хочет отправиться на юг.

— Ни в коем случае, Алексей Михайлович. Передайте это как приказ.

— Отлично,— голос Кириллова звучал весело.

Белые ночи действуют на Кандида благотворно; он словно помолодел. Ну и хорошо, пусть... Белые ночи, повсюду брэнчанье над водами... от миазмов Обводного до Дворцового моста... Балалайки, гитары, беккеровские рояли, струны роялей... Она мелькнула тогда на собрании комитета, почему-то очки стала носить... Впрочем, это понятно... Коля рассказывал, как она громила на сходке в Тарховке меньшевиков... Черти, они тормозят все дело... Что же, вся идея с «Зарой» обречена на провал? Нужно вызвать сюда Камо. В «Зару» и так уже вкочлено немало средств... Этот полковник... явился сам, подумать только! Старался понравиться, явно старался понравиться и очень топко играл. Неужели нащупали?.. Неужели в один прекрасный момент вся моя прекрасная изнурительная жизнь может быть загнана в каменный мешок, четыре шага по диагонали, взад-вперед, взад-вперед... Если они схватят не Красина, а Никитича, это верная казнь. Казнь — точнейшее короткое слово, казнь...

Красин подошел к окну, и тут, как нарочно, в доме напротив кто-то мощно, бравурно заиграл его любимое — «Кампанеллу», призывая к жизни, любви, борьбе, и он изо всех сил сжал кулаки — еще посмотрим!

— Спорим, выбью петрушку?

Поплевав на руки, он взял кувалду, размахнулся и трахнул по железной плите. Розовый тряпичный петрушка с зеленым носом, отчаянно пискнув, взлетел вверх по доске, оторвался от нее и по крутой траектории нырнул в кусты.

— Батюшки! — ахнули в толпе.

— Дурак большой, силомер сломал! — набросился хозяин.

— Видала? — спросил он.

— Случайно! — засмеялась она.

Он схватил ее за руку и ринулся вперед.

— Видишь, надувают в зад африканского гиппо?
Спорим, что с одного разу лопнет?

— Спорим!

Щеки его надулись, как футбол, гиппо, увеличившись до невероятных размеров, действительно, лопнул и превратился в кучу резиновых тряпок.

— Видала?

— Ну, видала!

— Экое хулиганство, право! Что за молодежь!

— Какое же хулиганство? Сила есть сила! Не оскудела еще Русь-матушка!

Вновь схватив маленькую ручку, он помчался по аллее. Она уже задыхалась от смеха и от усталости, когда он застыл перед афишей цирка-шапито.

«Чемпион Европы по гилям силач-феномен Цымбал-Бакст, проездом на юг России...»

— Спорим, все его железки одной левой?

— Ну хватит тебе, хватит, уймись уж, Витя!

Таня приподнялась на цыпочки и провела ладошкой по его лбу. Он вдруг подхватил ее на руки, сиганул через подстриженный куст и пошел с милой своей ношей по траве под горячими соснами к сверкающей на солнце реке. Сердечко этого любимого до перерыва дыхания небольшого тела стучалось прямо в крупное его сердце бойца, титана. Да что же это такое? Да как же это все получилось? Ведь раньше и внимания не обращал...

— А спорим, пронырну всю реку под водой?

— Люблю тебя так, что уши сейчас оторву,— прошептала, смеясь и плача, Таня. У него подкосились ноги.

Ночью они голялись за лунным зайцем. Он был 305

медлителен и толст, но неуловим. Величественно, словно лебедь, плыл он по стене, и если бы они не знали, что это заяц, то как раз за лебеда его бы и приняли.

Вдруг Витю словно током подбросило.

— Танюшка!

Он растормошил Танию, и она проснулась наконец, положила голову на его медную грудь.

— Танюшка, я сейчас вспомнил, что в Америке, то ли в штате Айдахо, то ли в Неваде разрешается вступать в брак с шестнадцати лет,— он сел на кровати и уставился в окно, куда теперь, сохраняя полное достоинство, подгребая задними лапами, удалялся лунный заяц.— Понимаешь? Поедем в Америку, поженимся и вернемся. Сможешь тогда рожать детей сколько угодно.

— Да ты с ума сошел!

— А что ты думаешь? Вполне возможно, тебе придется рожать... Такие случаи бывают...— забормотал он.

— Слушай, Витя, а если мы поженимся, мы сможем получить мою часть наследства?— вдруг спросила она.

— Эге! — он хлопнул себя по лбу.— А ведь верно! Мы получим наследство и...

— И выполним волю Павла,— тихо сказала Таня.

— У вас износились туфли. Смотрите, как презрительно сморщила носик эта барышня, взглянув на ваши туфли!

— Мне совершенно безразлично, а туфли еще протянут.

— Должно быть, я имею право купить вам новые туфли.

— Почему же?

— Если уж не как муж, то... для маскировки. Вы должны выглядеть прилично...

Струна и Кандид сидели на гранитной скамейке возле самой воды. Наверху, по всей стрелке Васильевского острова токовали гардемарины и юнкера. Белая ночь, легкие перышки в небе, близость моря и поднятые мосты...

— Вам не нравится мой вид, Алексей Михайлович? — спросила Надя, искоса глядя на Кириллова, с тревогой думая о том, что белая ночь, и легкие перышки в небе, и близость моря, и поднятые мосты... что человек этот безукоризненный, безукоризненный человек, ведущий человеческую жизнь и все делающий по-человечески, что человек этот...

— Решительно не нравится, — сказал Кириллов. — Эти очки в железной оправе и стоптанные туфли, шляпка времен очаковских и покоренья Крыма... Нет, Надя, серьезно, зачем вам рядиться в «синий чулок»?

«У него даже голос дрожит от огорчения», — подумала Надя, сорвала с головы ужасающую свою шляпенцию и бросила в воду. Туда же полетели и очки. От резких этих движений выпали какие-то там шпильки, и тяжелые волосы упали на лицо.

Кириллов вдруг схватил ее за руку. Она не двинулась, и он устыдился своего порыва, отстранился, и тогда она повернулась к нему и заговорила спокойным, чуть-чуть только срывающимся голосом:

— Ну что же, пойдёмте, Алексей Михайлович... Хватит уж вам мучиться... Идёмте к вам... Вы, может быть, лучший человек из тех, кого я знаю, а со мной церемониться нечего... — На лице ее после этих слов осталась кривая улыбка, а глаза остекленели.

— Не нужно обижать меня, Надя, — тихо проговорил Кириллов. — Ведь вы же знаете, что я за вас жизнь отдам без минуты раздумья.

Он еле договорил: нежность сдавила ему горло, и он был удивлен, потому что всегда считал нежность чувством тихим и мирным, для камелька, для тепла... Он мало еще знал любовь, хотя и подходил к четвертому десятку.

— Вы знаете... — забормотал он. — Вы всегда чисты... всегда... И ничего к вам никогда не пристанет... — Сказав это, он отвернулся, полез неловко в карман за портсигаром, и вдруг рука ее легла на его шею, и щека приблизилась, и огромный глаз, и волосы, и он услышал, как издали, может быть из-за Петропавловского шпиля, тихо сказали:

— Ну поцелуй меня тогда...

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

12.VII — 06 убит в Севастополе главный адмирал Черноморского флота Чухнин.

В связи с подготовкой к роспуску Гос. думы правительство приостановило с.-д. и народнические газеты: «Эхо», «Обрыв», «Мысль», «Голос труда» и «Крестьянский депутат». Типографии, выпускающие эти газеты, запечатаны.

...Кажется, напрасно забили тревогу. Ни для кого не тайна, что носилась мысль о роспуске Гос. думы и о возникновении по этому поводу волнений. Слава Богу, правительство знает, что без народных волнений Думу распустить нельзя... *«Биржевые Ведомости».*

Божьей Милостью Мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., и пр., и пр.

Объявляем всем Нашим верным подданным...
...Выборные от населения, вместо работы строи-

тельства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенство Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению...

...На основании статьи 105 свода Основных Государственных Законов повелеваем Государственную думу распустить...

...Министром-председателем вместо Горемыкина назначен П. А. Столыпин.

...В воскресенье вечером в епархиальном доме состоялось собрание членов монархической партии. После панхимиды по адмиралу Чухнину проговорей Восторгов сказал речь, а затем был оглашен Высочайший указ о роспуске Государственной думы. Собрание встретило это сообщение многократным «ура».

...Неприкосновенность депутатов закончилась. Полиция уже произвела обыски на квартирах двух «трудовиков»..., приняты меры к арестованию депутата редактора газеты «Мысль» Соломко.

...Известие о роспуске Думы вызвало всеобщий ужас. Многие уезжают за границу... *«Биржевые Ведомости».*

— Ну вот, начинается новый тур, — сказал Бергу его спутник, щеголеватый морской офицер.

— Надеюсь, решающий, — проговорил Берг.

Они медленно шли с газетами в руках по посыпанной толченым кирпичом аллее ревельского парка.

Стояла неслыханная для Эстляндии жара. На рейде в знойном мареве словно бы расплывались слегка силуэты неподвижных военных судов.

— У нас все готово, — тихо заговорил моряк. — Боюсь только одного: как бы часть команды стихийно не выступила раньше времени. Один из наших комитетчиков, комендор Хлуков, встречается завтра с «бригадиром»...

— Передайте Хлукову, что «бригадир» ждет его на улице Ратаскаву семь, — сказал Берг.

— А, вы знаете об этой встрече? Вот и прекрасно! Теперь давайте попрощаемся, мне пора! До среды! — моряк крепкой своей рукой сжал ладонь Николая, усмехнулся с веселой и злой уверенностью.

Бросив последний взгляд на ревелльский рейд и на силуэт крейсера «Память Азова», Николай выбежал из парка, прыгнул в коляску извозчика и приказал везти его к православному храму. У храма он отпустил извозчика и пошел выше к собору, по солдценку мимо губернаторского дворца, у ворот которого сверкали медные каски конногвардейцев, по крутому булыжнику, на котором подламывались внутрь каблуки, по стертым плитам, оскальзываясь, и скрылся в тени столетних вязов, окруживших собор. Здесь у него назначена была встреча со связным из Гельсингфорса.

Тяжелые резные двери собора с фигурками и ликами святых были прикрыты: служба давно окончилась, вокруг ни души. Николай присел на чугунную тумбу, закурил и щурясь стал глядеть на сверкающий, исходящий жаром переулок, откуда должен был появиться связной, приметы которого были ему известны.

310 Между тем подходило двое, и ни один из них не был по приметам похож на связного, а оба были по-

хожи друг на друга, в тесных клетчатых индjackках, с тупо срезанными подбородками и с выражением вечной обиды на всяких там «больно умных». Обида эта требовала мести, выворачивания рук, ударов по печени, в пах, по загривку... Одновременно с этими двумя, правда из другого переулка, появился черный возок, влекомый сытенкой лошадкой.

«Провал! — ударило в сознании Берга. — Провал, провокация, гибель!» Он сунул руку в карман, и эти двое тут же сунули руки в карманы.

— Который час, господин? — спросили они. — Сколько время?

— Позвольте, позвольте, давайте-ка без этого... Что за дурацкие... — забормотал Берг.

— Вас же спрашивают — сколько время? — ухмыльнулись они обиженными ртами, не вынимая рук из карманов и норовя зайти с боков.

Возок уже ждал, и с облучка захохотал кучер в похоронном цилиндре.

Вдруг между Бергом и «гороховыми» поднялись с трепетом и шумом несколько голубей. Николая осенило, и он выстрелил прямо из кармана. Звук получился пегромкий, в раскаленном старинном городе почти неслышный, а один из «гороховых» брякнулся головой о чугунную тумбу. У второго обида на лице медленно сменялась удивлением, но пуля оборвала эту метаморфозу. Словно во сне Берг влез на возок, отобрал у онемевшего кучера револьвер, столкнул его с облучка, подобрал вожжи и поехал вниз мимо губернаторского дворца, мимо медных касок и чугунных орлов, мимо серой выщербленной башни, у подножия которой спустя небольшое время будут стянуты канатом и расстреляны революционные моряки с крейсера «Память Азова».

Глава XI

Мы еще живы!

Той ночью были провалены явки, разгромлена лаборатория боевой дружины, арестовано и убито множество революционеров. Аресты и налеты шли по всей империи. Охранка за короткий период либеральных свобод сумела скопить силы для удара, укрепила сеть провокаторов, узнала многие адреса.

Всю ночь по Ревелю шли войска, цокали копыта, погромыхивали пушки и зарядные ящики, мерно ступала пехота. Войска проходили в ту ночь по всем городам империи.

Куузик, Сепп, Берг и петербуржец Саша Марьямов, прячась под арками улицы Лабораториум, этой улочки, похожей на щель между глухими стенами домов и старинной крепостной стеной, выбрались на ярко освещенную лунной улицу Лай. Здесь в десяти шагах от церкви отсиживался у своей сожительницы провокатор Платт, приговоренный городским комитетом социал-демократов к казни. Разоблачен Платт был в Петербурге, но успел скрыться из столицы и завалил уже целую группу в Ревеле, когда сюда вслед за ним прибыло письмо от Никитича.

выбрались на улицу Лай, пересеченную в разных местах прямыми теньями домов, флюгеров, повозок, ружей, составленных в пирамидки, пушек и лошадей; прямо на улице ночевала артиллерийская батарея — четыре орудия.

— К Платту здесь не пройти...

— Так и так, только в обход, товарищи.

— Саша, мешок не потерял?

— Все цело обязательно... штучка к штучке...

— Разделимся по двое. Сепп и Куузик пойдут к Платту, а мы нападаем на пушки. Есть возражения?

— Правильно! Покажем им, что мы еще живы!

— Так и так, это правильно есть...

— Удачи, товарищи!

...Один за другим два взрыва потрясли уютный уголок старого Ревеля. Сразу же разорвался зарядный ящик, и оранжевый шар взлетел и растаял в прозрачном небе. Посыпались стекла, наступило мгновение тишины, а потом со всех сторон полетели крики, затопали сапоги, заклацали затворы.

— Стреляйте же! Стреляйте! Огонь!

— Да в кого же стрелять, ваше благородие?

Третий взрыв услышали во всем городе, он долетел даже до внешнего рейда, и вахтенный офицер крейсера «Память Азова» пошел доложить о нем командиру.

Июль 1906 года на Карельском перешейке был жарким. Между сосен, по пляжам, по песчаным дорожкам от дачи к даче, от лесных сторожек до станций Финляндской железной дороги металась молодая люди с воспаленными глазами, одна рука обязательно в кармане, в другой — портфель, рюкзачок, мешочек, на который и посмотреть-то страшно. До утра среди стволов и ветвей светились окна дач, и там

внутри передвигались фигуры, порхали листы бумаги, изредка какое-нибудь громкое слово прилетало к рысьим ушкам тихарей, филеров, спующих по кустам. Мирные дачники нервничали и удивлялись: «Странный сезон!» Дремотно и меланхолично передвигалась в пространстве лишь финская автономная жандармерия.

В сорока верстах от курорта, в огромной каменной столице, шли массовые аресты эсдеков, эсеров, трудовиков и даже кадетов. Судебная палата разбирала дело пятидесяти шести членов Петербургского Совета рабочих депутатов. Бывшие депутаты разогнанной Думы, собравшись в Выборге, выпустили воззвание «Народу от народных представителей». Несколько дней спустя черносотенцы застрелили в Терриоках депутата от кадетской партии Герценштейна. По всей огромной империи полыхали помещичьи усадьбы, свистели пашки и нагайки, падали под залпами безоружные люди. В тесных вонючих кубриках крейсеров сближались по ночам потные матросские лбы.

...Красин лихо катил по извилистой тропинке на велосипеде, и на него было приятно смотреть встречным дамам под шелковыми зонтами, их детям и шпицам. Не так уж часто увидишь в наше время красивого, респектабельного мужчину на велосипеде!

Несколько минут спустя элегантный велосипедист уже входил на веранду дачи, где ждали встречи с ним несколько прибывших из разных городов боевиков, и среди них москвичи Горизонтов и Лихарев. Были здесь также Надя и Кириллов.

— Товарищ Никитич, — объявил Кириллов. Красин заметил, как подскочил от изумления Горизонтов, как вздрогнул Лихарев. Молодцы эти Берги, не рассказали о Никитиче даже самым близким друзь-

ям. Заметил он также, как вспыхнули на миг глаза Струны и как погашен был этот свет ресницами. Она ожила, подумал он, снова стала красивой.

— Прежде всего самое конкретное дело, товарищи! — Красин вынул из кармана и показал собравшимся воззвание «Народу от народных представителей». — Это воззвание нужно распечатать в виде листовки по возможности самым большим тиражом во всех городах страны. Использовать для этого все наши легальные и подпольные типографии, а также коммерческие типографии вплоть до захвата их вооруженным путем. Нужно, чтобы правда о царском насилии дошла до всех.

Теперь общее положение. Большевистская часть ЦК — Строев¹, Максимов² и Зимин³ предложили лозунг о всеобщем восстании за Учредительное собрание, видя в этом единственный путь к земле и воле. Большевики предлагают, предвидя в самом близком будущем выступление крестьянства, готовиться и ожидать призыва.

Однако ЦК отверг это предложение и выдвинул лозунг «возобновление сессии Думы для созыва Учредительного собрания» и идею всеобщей стачки. Большевики против этого лозунга резко протестовали. Протест был поддержан Петербургским Комитетом. Под двойным давлением цекистов-большевиков и Петербургского Комитета ЦК вынужден был отказаться от призыва готовиться к стачке в пользу призыва к немедленной забастовке. Но левые партии отвергли идею забастовки. И снова ЦК изменил свое предложение и призвал бороться за Думу, как за

¹ В. Десницкий.

² А. Богданов.

³ Л. Красин.

орган власти, который созовет Учредительное собрание. И это перед самым Кронштадтским восстанием! Опять большевики заявили протест против стремления свести нашу великую борьбу к думской кампании, и вспыхнувшее восстание в Кронштадте заставило ЦК искать новых лозунгов.

Есть вопросы или сообщения по текущему моменту?

Встал Кириллов.

— Товарищи, поступающие со всей страны сведения говорят о неслыханном размахе аграрного движения...

Горизонтов вдруг захохотал, и все с удивлением на него посмотрели.

— В чем дело, товарищ Англичанин? — с улыбкой спросил Красин.

— Дружка моего аграрии чуть не прибили, товарищ Никитич, — смущенно сказал Витя. — Он им кричит: «Я марксист», а они ему — «Ты нас не пугай!»

— Это очень важный момент! — сказал Красин. — Нужно, чтобы крестьяне знали, что такое марксист, социал-демократ, большевик.

После окончания совещания боевики по одному, по двое начали расходиться. Красин сидел с Кирилловым на ступеньках веранды. Ниже, обхватив руками колени, сидела Надя. Кириллов курил, стараясь не смотреть на тяжелый узел ее волос. Красин вообще смотрел в сторону.

Подшли с сияющими от восхищения глазами Кавонир и Англичанин.

— Леонид Борисович, — смущенно забасил Горизонтов, — мы с Илюшей просто потрясены, что вы — это вы, и восхищены, и вообще.

— Ну-ну, что это еще за обожание! — прикрик-

нул на них Красин.— Я вам не примадонна и не вождь с острова Туамоту! Боже мой,— он сделал ладонь козырьком,— неужели Таня?

По аллее к ним приближалась тоненькая девушка в ярко-синем платье. Она смущенно сделала книксен, поцеловала в щеку Надю и взяла за руку Виктора.

— Таня — моя невеста! — гордо сказал он.— Кстати, Леонид Борисович, где-то в Америке можно вступать в брак до 18 лет. Вот мы с Татьяной отправимся туда и поженимся. В чем тут смысл, вы хотите знать? В том, что ее доля наследства становится нашей общей собственностью и мы передаем ее партии. Неплохая идея, а? Нет, серьезно, какова идея? Это я придумал!

— А вы уверены, что там есть такой закон? — спросил Красин.

— Нет, не уверен. Но где-нибудь есть наверняка...

Ночами многие не спали в то лето на Карельском перешейке.

— Слышали, наших взяли на станции Удельная? Почти весь комитет целиком...

— Круто начинает Столыпин. Храбрый барин...

— Долго ему не пропрыгать. Максималисты поговаривают...

— Черт знает что, не знаешь кому верить. На той неделе Фролку Прохорова наш парень в кафе «Венеция» увидел — он там шоколад жрал. Проследили и застукали: выходил Прохоров из охранного отделения с червонцами. Вчера пристрелили...

И в лунных узорах на траве, на сваявшейся хвое, на песке встретились двое, и минуты убегали, и торпливо шептали губы.

— Отпусти меня куда-нибудь, я умоляю. Я хочу что-то сделать!

— Ты делаешь очень многое. Скоро начнет выходить «Пролетарий», а «Казарма», одна «Казарма» чего стоит! Ты распространяешь «Казарму», это большое дело!

— Ты понимаешь, я не этого хочу... этого мало мне!

— Неужели ты хочешь... ты все еще хочешь отомстить тому жалкому псу, тому ротмистру?

— Да!

— Ты с ума сошла!

— Да! Я хочу убить...

— Ты опоздала. Он убит еще в мае анархистами на Урале. Мы наводили справки.

— А-а-а!

— Замолчи! Что с тобой? Успокойся, милая, иди сюда... Ну вот так, вот так... Так тебе лучше?

— Да.

И шли, и шли по лунной дороге бесконечные мелкие волны от Кронштадта.

Под порывами ветра скрипели сосны, гудели сосны, хлопали белье, стучали ставни, задыхались от волнения люди, и лишь валуны хранили свое ледниковое спокойствие и молчание.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

В Свеаборге расстреляны вожди восстания офицеры Емельянов и Коханский и 5 солдат.

В Кронштадте расстреляно 10 матросов — участников Кронштадтского восстания.

В Ревеле расстреляно 17 матросов крейсера «Память Азова».

Покушение на премьера П. А. Столыпина! Министр невредим. Его дочь и сын пострадали.

Покушение было совершено на даче рядом с Императорским Ботаническим садом на Аптекарском острове.

...Около 3 ч. 20 м. дня на набережной появилось щегольское ландо. Экипаж не вызывал подозрений, так как в нем ехали два жандармских офицера и двое «штатских». У дачи экипаж замедлил ход, в прихожую вбежали двое из ехавших в офицерской форме, и затем немедленно раздался страшный гул.

Фасад дачи почти весь разрушен, обвалились потолки и полы в комнатах, на деревьях клочки гардин и окровавленного мяса...

Из четырех злоумышленников один, оставшийся в живых, арестован. *«Биржевые Ведомости».*

Опытный садовник-пчеловод, полностью одинокий, удостоенный призов и наград, лишенный каких-либо пороков и способный к самоотверженному труду за ничтожную плату, ищет место годично. *«СПб. Ведомости».*

13 августа командир лейб-гвардии Семеновского полка Свиты Его Величества генерал-майор Г. А. Мин сидел с супругою и дочерью на Петергофском вокзале. За несколько минут до прихода поезда к нему подошла женщина и произвела пять выстрелов... Убийца назвалась русской учительницей. *«Биржевые Ведомости».*

...Арестованный в Москве возле сада «Аквариум» Владимир Мазурин по сведениям полиции личность среди революционеров выдающаяся.

...Его подозревают... в подготовке вместе с Каляевым покушения на Великого князя Сергея Александровича.

...Слушание дела началось в 3 часа дня, в тот же день Мазурин был приговорен к смертной казни. Ночью приговор приведен в исполнение.

«СПб. Ведомости».

Из статьи В. И. Ленина «К событиям дня»:

...Партия... не отвергает экспроприации казенных средств, но обставляет ее *особо строгими* условиями...

...Мы советуем всем многочисленным боевым группам нашей партии прекратить свою бездеятельность и предпринять ряд партизанских действий, на точном основании решений съезда, т. е. без всякой экспроприации имущества, с наименьшим «нарушением личной безопасности» мирных граждан и с *наибольшим* нарушением личной безопасности шпионов, *активных* черносотенцев, начальствующих лиц полиции, войска, флота...

(«Пролетарий», август 1906 г.)

Из статьи В. И. Ленина «Партизанская война»:

...Интересующее нас явление есть *вооруженная* борьба... преследует две *различные* цели... борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц... военно-полицейской службы; — во-вторых, на конфискацию денежных средств... Крупные экспроприации... шли именно на революционные партии...

...В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны... Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма.



В ноябре в Таммерфорсе состоялась Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. Съехались представители 11 военных и 8 боевых организаций. Глядя на этих молодых людей, трудно было предположить в них грозных и опытных уже бойцов, наводящих ужас на органы власти. Да и вообще трудно было предположить, что в тихом этом финском городке происходит такая опасная встреча. Кому из горожан пришло бы в голову, что разгуливающий по улицам высокий красивый юноша с шалыми глазами фантазера — это почти легендарный уже Англичанин Вася...

В один из промозглых ноябрьских вечеров, когда лица редких прохожих секла какая-то мокрая, колючая гадость, Англичанин явился по вызову Никитича в пивной погребок в рабочем квартале. Хозяин, когда он вошел, сразу показал подбородком на дверь отдельного кабинета, потом явился туда сам, поставил перед Красиным и Горизонтовым кружки с пивом, тарелки с заливными поросячьими ножками и молча удалился.

— Насколько я знаю, Виктор, вы довольно опытный моряк, — сказал Красин.

— Еще бы! — воскликнул Виктор. — Я служил на зверобойной шхуне под командой мистера Куинси Порка, а если вы спросите о нем в любом порту...

Красин засмеялся.

— Знаете, Виктор, я подумал, что вы в детстве мечтали обо всех этих шхунах и Америке, как чеховские мальчишки, и сейчас вам даже не верится, что это с вами случилось в действительности.

— Верно, — с неожиданной серьезностью сказал Виктор, — но еще больше мне не верится, что нынешний я — это я, Витька Горизонтов, «кухаркин сын»... Бывают такие минуты, Леонид Борисович...

— Они у всех бывают,— сказал, как бы подводя черту под этим «посторонним» разговором, Красин и придвинулся ближе к Виктору.— Через несколько дней вы отправитесь в Болгарию, в Варну. Там снаряжается судно с оружием для перегона на Кавказское побережье. Все уже почти готово, в декабре вы должны выйти.

— Что за судно? — деловито спросил Виктор.

— Яхта «Зара».

— Почему выбрали это время? В декабре на Черном море очень сильные штормы.

— Правильно,— кивнул Красин,— но ждать больше уже нельзя. «Зара» должна была быть готова еще летом, однако после Объединительного съезда меньшевистский ЦК прекратил всякую поддержку экспедиции. Только в последние месяцы нам удалось получить часть денег из берговского наследства и некоторые другие суммы. Сейчас все складывается удачно. Болгарские власти, во-первых, кое-как «смазаны», а во-вторых, они считают, что судно повезет оружие для армян в Турцию.

— Отчасти это и хорошо, что штормы,— задумчиво проговорил Виктор,— пограничная стража не любит в штормы болтаться по морю...

— Итак, Виктор, билет и паспорт вы получите в Москве. Выезжайте сразу же, без каких-либо задержек. В Варне вас встретит Камо. Вообще вам предстоит путешествие в приятном обществе. Завидую вам!

— Я сам себе завидую! — воскликнул Виктор, вынул с маху все пиво и встал. Глаза его блуждали уже по каким-то тайным бухтам, а рот улыбался.

«Вот дитя человеческое», — скрывая улыбку, подумал Красин и строго постучал пальцем по столу.— Только смотрите, Англичанин, без всяких шуточек.

В дверях кабинета Виктор столкнулся с кем-то мокрым и взъерошенным. Заглянув под нахлобученный картуз, он ахнул — Николай Берг!

— Ты откуда, Колька? Пойдем, пойдем, — схватил он будущего родственника, стараясь закрыть спиной Красина.

— Он ко мне, — сказал Красин, и Берг, не произнеся ни слова, прошел мимо Горизонтова.

«Значит, Коля тоже, Коля, значит, тоже, — думал Виктор, весело выпагивая под тусклыми таммерфорскими фонарями. — А ведь был позитивистом, либералом... Это неизбежно, что все стоящие парни идут к нам... Жалко Володю Мазурина, он бы наверняка в конце концов стал большевиком, я бы его сагитировал, как Митьку. И Митьку жалко, и Пашу жалко, а Лизу как жалко — слов нет... Ну ничего!» Ему было жаль погибших друзей, но в глубине души он не верил, что расстался с ними навсегда, он иногда ловил себя на мысли, что после революции они вновь встретятся все вместе. Мир для него был неисчерпаем.

И кроме всего прочего в мире этом, где одновременно метет пурга и хлещут тропические ливни, была у него Таня.

Она вздрогнула от далекого стука дверей. Особняк Бергов быстро приходил в упадок. Ранее гудевший десятками молодых голосов, теперь он был мрачен и пустынен. Из бывшей прислуги последней уехала с горькими слезами боевая подруга Симы. Увез ее в южные края повстречавшийся им на декабрьской демонстрации порт-артурец.

Таня, однако, не покидала дома и переговоры о продаже его вела вяло, неохотно. Может быть, ей тоже, как и Виктору, казалось, что когда-нибудь

после революции она войдет, раздумывая с улицы, и увидит у каминного ораторствующего Павла, и встретит, смеясь, строгий взгляд Лизы...

Николай после декабря почти и не был дома, два или три раза забегал за какими-то вещами, на вопросы не отвечал, непонятно, мгновенными вспышками, улыбался и был весь куда-то устремлен, куда-то вдаль.

Таня бродила одна по комнатам, сидела часами в нетопленной библиотеке, тоска и тревога охватывали ее, и лишь мысли о Викторе, ожидание встреч с ним поднимали ее дух, она начинала улыбаться, задавать ему вопросы и отвечать за него. Потом в эту игру включался и некто третий, таинственный незнакомец, ибо Таня была беременна.

«Это невероятно! У меня будет ребенок», — думала она, разглядывая себя в зеркале.

Тепло было только наверху, в спальне, где Таня топала печь углем из котельной.

Однажды в двенадцатом часу ночи она услышала из спальни далекий стук входной двери.

«Витька! Витька вернулся из Финляндии!» — Она накинула шубку и полетела вниз, несмотря на то, что таинственный незнакомец выражал свое неудовольствие столь стремительным движением.

В гостиной под люстрой стояли четверо мужчин. Кто-то из них включил электричество, и сейчас тусклый из-за многомесячной пыли свет освещал их молодые и совершенно чужие лица. Один из них был в черном пальто, второй — в студенческой шинели, третий — в тулупе, четвертый — в меховой дошке.

— Что вам угодно, господа? — спросила Таня, остановившись на лестнице. Оба ее сердца колотились с бешеной силой. Полиция? Не похожи. Если поли-

ция, то все равно ничего не найдут, ничего здесь нет, только маузер Виктора, а он в вентиляции... А вдруг они со мной как с Надей?.. Как они попали сюда? Дверь была закрыта.

— Вы Татьяна Берг? — довольно приятным голосом спросила доха. — Мы к вам.

— Как вы попали сюда?

— Это было нетрудно, — шинель, доха и тулун улыбнулись, а черное пальто, не мигая, остановившимися глазами смотрело на Таню, и ей показалось знакомым это худое лицо со впалыми щеками, с кошачьими усиками и дальними, дальними огоньками безумства в запавших глазах.

— Прежде всего, не бойтесь, мы не из полиции, — сказала доха. — Мы представители комитета революционной группы «Черный костер», анархисты. Мы знаем о заслугах вашего брата Павла перед русским освободительным движением и свято чтим его память. Теперь о деле. Вчера на заседании комитета мы приняли следующее решение: выдать вас, Татьяну Ивановну Берг, замуж за одного из наших людей и завладеть таким образом вашим имуществом. Надеюсь, вы согласны?

Таня, взявшая уже себя в руки, рассмеялась и покачала головой:

— Нет, не согласна.

— Да это и неважно! — вскричала доха. — Главное, решение принято. Собирайтесь — вот ваш жених! — он подтолкнул вперед черное пальто.

Таня, взглянув на кошачьи усики, расхохоталась еще пуще.

— А я вас уже где-то видала, жених!

В круглых его глазенках сверкала живая страдающая влага.

— Я был у вас, Татьяна Ивановна, с Виктором Николаевичем Горизонтовым и излагал вот в этой зале свою платформу!

— А! Правильно! Вас Витя тогда привел.

— Татьяна Ивановна, — Петуниц, прижав ладонь с растопыренными пальцами к груди, шагнул вперед. — Только лишь святое дело революции толкнуло меня на брак с вами!

— Ну хватит этого вздора! — крикнула, осердившись, Таня. — Придумали тоже! Брак!

— Татьяна Ивановна, святой для меня памятью Виктора Николаевича клянусь! — взвизгнул вдруг Петуниц. — Верьте...

— Как памятью? — Таня схватилась за перила. — Что вы говорите? Почему памятью?

— Виктор Николаевич погиб на моих глазах в героической схватке с псами прогнившего режима.

Таня беззвучно упала на спину. Тело ее сползло на несколько ступенек вниз.

— Ну-ка, Огурчик, влей ей рому в рот, — деловито сказала доха. — Ишь ты, какая слаонервная! — он протянул Петунину флягу, а сам вынул револьвер и встал возле лестницы, подбрасывая слегка его на ладони. Таня очнулась.

— Собирайтесь, Татьяна Ивановна, нам пора, экипаж на улице ждет, — говорит Митя.

— Куда пора? Что за бред? Что с Витей? Убирайтесь вон! Никуда я не поеду!

— Встать! — завопила вдруг доха и сунулась с пистолетом к самому лицу. — Свяжите ее, ребята, нечего церемониться. Извиняться будем потом.

— Татьяна Ивановна, придется вас связать, — бормотал Петуниц, вытаскивая из кармана припасенную веревку. — Требование текущего момента. Потом вы поймете. Во имя счастья людского...

Быстро и ловко они связали Таню. Тулупчик, дабы пресечь ее крики, уже вынул из кармана опрятную тряпицу, как вдруг... в гостиную вбежал Горизонтов.

Не сказав ни слова, он мгновенно покаутировал доху и тулуп, вывернул руку шинели и схватил за горло Петунина.

— Свят, свят, свят,— хрипел Петунин, безумными глазами глядя на ожившего вновь кумира. Стонал лежащий в нелепой позе студент, плакала Таня. Виктор швырнул Петунина, бросился к своей любимой, ножом перерезал веревки, прижал к груди рыдающую девушку. К ним на четвереньках подползал с низким воем Огурчик.

— Что это за сказки Гофмана?! — заорал Виктор.

— Они хотели меня увести... — стуча зубами, проговорила Таня, — выдать замуж за этого вот... Их комитет принял решение...

— Ах ты сволочь! — гаркнул Горизонтов. — На мою жену руку поднял? Пришибу, как муху!

— Пристрелите, Виктор Николаевич! Оборвите преступную жизнь! — возопил Петунин, подползая к ноге своего божества.

Виктор брезгливо ударил его носком сапога.

— Говорил я тебе, кретин, не связывайся с анархистами!

— Приносим свои извинения, Англичанин, — сказала очнувшаяся доха. — Не предполагали, что наши интересы могут столкнуться.

— Убирайтесь немедленно вон, мазурики! — рывкнул Горизонтов, поднял Таню на руки и понес ее наверх.

Он положил ее на постель, закутал в одеяло, обнял, стал шептать на ухо привычное, только им двоим понятное. Постепенно Таня успокоилась.

Тогда он сел и весело стал вываливать на Танию кучу своих уму непостижимых новостей. Во-первых, он через час уезжает в Болгарию. Нет-нет, никаких отсрочек, в кармане у него уже билет и паспорт. Задание, родная, ответственнейшее, потрясающее задание. Он скоро вернется, но уже не из Болгарии, а с Кавказа. Ты понимаешь? Ну прекрасно!

Второе! Вот второе — это да! Все подтвердилось с Аляской! Как — с какой Аляской? Я тебе не рассказывал? Короче, Ванька Енгальчев на какие-то деньги выписал своего контрагента из Нома, того самого голландца, о котором я тебе рассказывал. Нет, не рассказывал? Ну, короче говоря, голландец приволок массу карт и документов на тот участок, о котором я тебе говорил. Не говорил? Вот странно. В общем, золотишка там на сто миллионов долларов. Понимашь, Танюша? Можно не одну, а две революции финансировать. Поймала мою мысль? Не поймала? Да забудь ты этих идиотов анархистов, ну их к лешему! На Аляске уже все золото выскребли, по всем сусекам, а этот участок остался целым в самой глубине арктической зоны. Короче говоря, там целая таинственная история. Короче говоря, нужно снарядить хорошую экспедицию, и все деньги наши! Понятно? Теперь ты поняла? В общем, Татьяна, через месяц мы с тобой выезжаем в Штаты. Ванька, в общем, уже билеты заказал на пароход, женимся там, получаем твое наследство и на него снаряжаем экспедицию за золотом, в общем...

— Никогда этого не будет, — вдруг слабым голосом оборвала его Тая. — Все деньги мы передадим партии, все до единой копейки... А себе оставим только по 45 копеек в день, как Паша...

— Глупыш! — воскликнул, всплеснув руками, Виктор. Глядя на его по-детски изумленное лицо,

нельзя было себе и представить, что этот человек совсем недавно, за несколько секунд, молча и жестоко расправился с четырьмя налетчиками. — Ты просто глупыш! Что же я, для себя буду это золото копать? Все пойдет партии, все! Только твое наследство увеличится в сто раз!

— Ты советовался с товарищами, с Ильей, с Кирилловым? — спросила Таня.

— Нет, еще не советовался, но уверен, что они будут в восторге, — сказал Виктор. — Уверен, что даже Никитич будет в восторге от моего плана. Спорим? Глупыш ты мой, глупыш глупенький, глупчик глупенский...

Через полчаса Виктор отправился в Болгарию. Таня собрала ему саквояж и пошла проводить до дверей. Виктор сказал, что по дороге на вокзал он заедет к Илье и попросит прислать в особняк охрану. Они спускались по лестнице, глядя друг на друга, смеясь и что-то бормоча, как вдруг Таня испустила страшный, пронизывающий душу крик.

В центре гостиной в пыльном электрическом освещении покачивалось под люстрой тело Дмитрия Петунина — анархиста Огурчика. Он висел на ремне от собственных брюк.

Горизонтов бросился, обрезал ремень, спустил тело на пол, стал делать искусственное дыхание, но вскоре понял, что это бесполезно. Все-таки он продолжал поднимать безжизненные Митины руки и прижимать их к его грудной клетке, пока вдруг не услышал шепот:

— Витя, Витя, Витя...

Он дико глянул: Таня, закусив губы, каталась по полу. Шепот вдруг перешел в истошный крик:

— Витя, у меня разрывается все внутри! Помоги же!

ГАЗЕТЫ

Потомственный дворянин желает усыновить состоятельное лицо.

...Продолжаются бесконечные преследования бывших членов Государственной думы. 1 депутат убит, 1 сошел с ума, 2 подвергнуты истязаниям, 10 скрываются, 5 выслано, 24 заключены в тюрьму, у 33 был обыск, 182 привлечены к суду с отстранением от службы и лишением политических прав...

Голубиный помет в огромном количестве продается. СПб., Галерная гавань.

Бюро Гименея предлагает содействие по устройству законных браков. Невский 10-а.

Сверхпочтительность. На собрании купеческого общества проект телеграммы Столыпину слушался стоя.

СПб. полицией отдано распоряжение всем парикмахерам немедленно сообщать о всех случаях, когда приходят сбривать бороду и усы. Один из актеров «фарса» уже испытал на себе последствия этого распоряжения.

*«Биржевые Ведомости»,
ноябрь — декабрь 1906 г.*

...Коричневые гремящие валы бесконечной чередой шли в гиблых мрачных сумерках на плоский, покрытый снегом берег. Камо и Ковтувенко бежали вдоль моря по этому снегу к двум своим лежащим без чувств товарищам. В темноте уже почти не различались мачты выброшенной на мель «Зары». Волны заканчивали свое дело...

Кириллов услышал шаги на лестнице и замер: это ее шаги! Да-да, это она, вот уже поворачивается ключ в замке. Дверь хлопнула, шаги уже летят по коридорчику их маленькой квартиры, замерли перед последней преградой. Не решается войти, боится... Сколько дней ее не было? Сегодня как раз три недели! Он взял со стола бутылку шампанского и крикнул:

— Надя!

...Шампанское пенилось в бокалах, и Кириллов высокопарным тоном читал статью из либеральной «Руси».

— Итак, мадам, с Новым годом, годом второй Думы! Кушать подано!

И он показал на колбасу, по-холостяцки нарезанную на газетке, на клочке все той же «Руси».

Надя весело смеялась.

— Ты даже не спрашиваешь, где я была три недели.

— Я знаю. Три недели назад ты сидела в пролетке жвезчика на углу Максимилиановского переулка. Потом к тебе подбежал некто в серой шляпе и передал увесистый баул. Потом была погоня, и ты стреляла в городских. Вечером ты выехала в Царство Польское, а оттуда уже за границу, наверное в Берлин...

— В Вену.

— Наденька, родная, я знал, что ты за моей спиной ведешь переговоры с той группой, у нас была с ними связь. Я хотел тебя остановить, но по зрелому размышлению решил не вмешиваться. Вероятно, тебе нужно было пройти через это — через опасность, выстрелы, погоню, тебе нужна была эта победа. Верно?

— Да, — прошептала она. — Теперь все для меня стало по-прежнему. Я выиграла.

— Но как я боялся за тебя все эти три недели, —

вздыхнул он, который за эти три недели по крайней мере раз пять мог бы примерить «столыпинский галстук».

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

...В районе деятельности Казанского управления Красного Креста количество голодающих детей достигает 185 000.

Лидеров Союза русского народа постигла и в нынешней избирательной кампании целая эпидемия неудач.

...В 62 избирательных округах из 92 оппозиция получила 213 мест, правые партии — 32...

Боже, каким соловьем заливается г. Столыпин, призывая голосовать за «Союз 17 октября»! ...Мы хотим видеть народ богатым и счастливым, детей его румяными и беззаботными... хотим песен на просторах русских полей, а не зубовного скрежета, не воплей ненависти... не пожаращ...

Темир-Хан-Шура. Присужденный к каторжным работам солдат убил ножом заключенного Розиева за неуплату долга в 20 копеек.

Состав Государственной думы. Реакционные партии — 96 мест. Оппозиционные, включая польское коло, — 369 мест, в том числе крайние левые партии — 203 места, 27 — умеренных, мирнообновленцев и неопределенных.

...Улица оглашается «ура»... Кто-то пустил воздушный шар с привязанным красным флагом. Ветер медленно гнал его на самую Думу...

В трагедию русской жизни внезапно ворвался глупый и скандальный анекдот: в ночь на 2 мар-

та, накануне открытия, обвалился потолок в Государственной думе!.. Камнем засыпано 267 депутатских мест...

Ядовитая реплика депутата Алексинского:

— Я несколько не удивился, что обвалился потолок над тем местом, где заседают народные представители... потолки крепче всего в полиции!

Алексинский предложил перенести заседание в одно из подобных учреждений.

Курьезная случайность! Имя великодушного князя Тавриды прямо злославно для русской действительности: назвали им броненосец, произошел там неслыханный бунт, отвели его чертоги народному представительству и...

«Русь», февраль — март 1907 г.

Замечание опытного садовника-пчеловода: Сколько прекрасных пальм погибло бы, если бы вместо оранжерей не устроили здесь зал заседаний! Подумать страшно! Ведь пальмы не уходят на ночь...¹

ПОЛИЦИЯ

Директору Департамента полиции от зав. заграничной агентурой кол. сов. А. Гартинга.

Агентура... уже несколько лет плодотворно работает в Германии и состоящая членом заграничного Центрального Бюро социал-демократической партии, может по поручению означенного Бюро совершить большую поездку по России, причем несомненно повидается с известным членом Центрального Комитета «Никитичем»...

¹ Прежде в зале заседаний Таврического дворца был Зимний сад.

В Департамент полиции от заведующего пограничным пунктом на ст. Вержболово. 8 марта 1907 г.

Сего числа выбыл за границу указанный в циркуляре Департамента полиции от 31 августа 1905 г. инженер-технолог Леонид Борисов Красин по паспорту, выданному с.-петербургским градоначальником...

Столица великой и могучей Австро-Венгерской империи гордая Вена сверкала под мартовским солнцем куполами своих дворцов, медными касками своих уланов, крупами бесчисленных мраморных и бронзовых лошадей, надменными подбородками жандармов, улыбками славного австро-славяно-итальянского населения, которое в недалеком будущем попляшет на обломках великого и нерушимого имперского здания, улыбками, стало быть, этого населения, а также чисто промытыми витринами кондитерских и почти настоящими драгоценностями важных солидных проституток, «самых дорогих в Европе», как вам с достоинством пояснит любой венский полицейский.

— А что вы скажете, Макс, у здешних держиморд вид еще более неприступный, чем у наших, как вам кажется? — спросил Красин Литвинова, глядя на идущих им навстречу двух могучих гвардейцев, позывающих и побрякивающих многочисленными атрибутами своих мундиров.

— Здесь очень много похожего на Третий Рим, — усмехнулся Литвинов. — Я думаю, что обе великие державы развалятся примерно в одно время.

Они зашли в кафе, в большой и почти пустой зал, чистый и свежий, с беспшумной и вежливой прислугой. В Третьем Риме такого тихого и вполне скромного места, безусловно, не сыскать. Вот они отразились сразу в нескольких зеркалах, и Красин подумал,

что о нем, о Красине, при самом крайнем воображении можно еще подумать, что он какой-нибудь там «вольтерьянец», опасный человек, но уж о Литвинове, с его округлой фигурой, полным лицом, близоруким прищуром, даже самый отъявленный фантазер не скажет, что эта персона может оказаться неувольнимым и страшным для властей Валлахом.

Чистенькая улыбчивая фрейлейн приняла у господ вполне благопристойный заказ, тихо и с хорошо отрепетированной сердечностью поблагодарила:

— Данке.

Красин подумал, что дома такой простенькой, скромной чистоты и вежливости не увидишь. В России уж либо недоступный замороженный блеск для элиты, либо угодничество перед загулявшим толстосумом, либо сальные тряпки да раздавленные мухи для «простых». И однако, неизвестно почему все в нем топорщится перед европейской этой вылизанной чистотой и вежливостью, он не любит, когда за границей ругают Россию или смеются над ней.

— Данке. Данке шен, господа!

Господа продолжали прерванный разговор.

— Этот пулемет хорош тем, что его можно в разобранном виде носить в мешке за спиной,— сказал Литвинов.— Любой дружинник за пять минут соберет его, очень простая система.

— Крайне ценное качество,— кивнул Красин.— Вы, конечно, знаете, что в декабре рабочие несколько раз отбивали у солдат пушки, но не могли ими пользоваться. Хорошая выучка и простое надежное оружие — залог успеха.

— Кстати, знаменитая «бабушка» еще жива? — спросил Литвинов.

— Жива-здоровая, ждет гала-парада,— равнеселился Красин.— Представляете, выстрел по Зимнему,

а, Макс? Но давайте-ка вернемся к пулемету. Вы сами видели его?

— Да. Мартенс показывал. Как раз во время испытания машину заело, Мартенс страшно расстроился, но знатоки говорят, что это не страшно. Любой фабрикант озолотил бы Мартенса за этот пулемет, он делает его для нас по идейным соображениям, но все-таки ему нужны деньги, и деньги по нашим масштабам немалые.

— Есть план целого ряда экспроприаций, но я боюсь, что меньшевики на съезде поставят на этом деле крест... — проговорил Красин.

— Пора с этим кончать! — вспыхнул вдруг благодушный внешне Литвинов. — Хватит нам играть в единство, нужно назвать вещи своими именами. По милости этих господ сенаторов погибла «Зара»! Тянули, тянули и дотянули до декабрьских штормов. Хорошо еще, что люди спаслись, а сколько денег ушло в румынский песок!

— Кстати, мой моряк так и не доехал до вас? — спросил Красин и нахмурился. — Это очень странно. Англичанин — один из лучших боевиков, и он рвался на «Зару». Надо будет немедленно по возвращении выяснить, что с ним.

— Явился! — восхищенно сказал вдруг Литвинов, глядя в окно. — Нет, вы подумайте, откуда у болгарина такая американская точность?

Красин посмотрел в окно. Улицу пересекал, направляясь к кафе, высокий мужчина в сером пальто и с непокрытой курчавой головой.

— Кто это?

— Это для вас сюрприз. Капитан Величков из Софии, изобретатель нового эксплозива страшной взрывной силы. Месяц назад мы сговорились встретиться в этом кафе в это время...

ПОЛИЦИЯ

*В Департамент полиции от заведующего
пограничным пунктом на ст. Вержболово.
18 марта 1907 г.*

Сего числа прибыл из-за границы указанный в циркуляре... Красин... и направился, судя по купленному билету, в Санкт-Петербург.

По тщательному таможенному досмотру его багажа ничего предосудительного обнаружено не было...

Директору

Департамента полиции от А. Гарфинга.

...Известный сотрудник, выехавший в Россию... рекомендован к известному «Никитичу»...

Имею честь донести Вашему Превосходительству только что полученные нижеследующие первые сведения о действующих в С.-Петербурге социал-демократах:

1) «Никитич» — Леонид Борисович Красин, инженер, служит в Обществе Электрического Освещения, ул. Гоголя, 14, среднего роста, стройный и худой, темный шатен, мягкие волосы, борода вокруг всего лица, усы того же цвета, нос чуть-чуть вздернут, на лбу и под глазами морщины, имеет на вид лет 35—40...

Сошлось! Слилось! Наконец-то два лица слились в одно! То, что он чувствовал, как говорится, «селезенкой», для чего рисковал так отчаянно своей жизнью, явившись с визитом под видом «прогрессивного промышленника», теперь блестящим образом подтвердилось! Какая молодчина этот Гарфинг! Иметь бы десяток таких голов в этом болоте бездарностей, в царстве караемых...

Ехно-Егерн снова и снова вынимал из стола копии гартинговских донесений и ликовал. Два дня он уже ликовал, воображая, как умело оплетет своим ехно-сыском всю Боевую техническую группу и молниеносным егерн-ударом накроет ее!

Он сам не пошел на свидание с «известным сотрудником» (герой, безымянный герой отчизны), а отправил одну из своих подсадных уток, агента Герцога, переданного ему Тифлиским губернским управлением.

Герцог в Петербурге пристроен при университете, входит там в партийную ячейку, а если накроют его большевики при встрече с «известным сотрудником» и уберут — не жалко, вернее, жалко, но не очень... а «известному» только польза: охранка, мол, идет за ним по пятам.

Ехно-Егерн испытывал почти физическое наслаждение, читая лаконичные, лишенные всяких там бюрократических витиеватостей корреспонденции виконта, маркиза, ну, если хотите, барона, но уж отнюдь не простого коллежского советника Гартинга.

...Съезд социал-демократов должен состояться в апреле, и на нем, вероятно, будут присутствовать 200—250 человек.

«Меньшевики» и «большевики» отдельно изыскивают нужные деньги, рассчитывая таким способом побольше привезти своих делегатов...

...Есть надежда, что в съезде примет участие агента, которая, возможно, будет даже располагать двумя мандатами...

В дверях кабинета появились Герцог и подчиненный ныне Ехно-Егерну полковник Караев. Караев провел Герцога к столу, щелкнул каблуками и с дрожащей на носу от обиды перламутровой капелькой

— Встретились с Андре? — сухо спросил Ехно-Егерн, лишь мельком взглянув в воловьи восточные глаза Герцога.

— С доктором? — оживился Герцог. — Чудеснейший человек!

— Чудеснейший, говорите? — прищурился Ехно-Егерн. — Когда у них и где встреча с Никитичем?

— Увы, господин полковник, Никитича нет в Петербурге. На службе он взял отпуск, а товарищи по партии сведений не имеют. Наш доктор очень обескуражен. Он, правда, не теряет надежды.

Ехно-Егерн тоже был обескуражен этой неожиданной новостью. Где же пропадает проклятый Никитич? Он задумался и совсем забыл о Герцоге, как вдруг тот проищал жалобно:

— Господин полковник, нельзя ли мне теперь уехать в Персию? Я уж и магазинчик присмотрел в Тебризе, и невесту...

— Нет, братец, вам еще придется прокатиться в Европу, — задумчиво проговорил Ехно-Егерн.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

На процессе экспроприаторов выяснилось, что приговоренный к смертной казни через повешение крестьянин Толпекин является агентом охранного отделения. Боевая организация анархистов еще ранее заочно приговорила Толпекина к смертной казни. На законном же суде он по уговору ждал оправдания и вдруг — сразу две смертных казни.

В течение 18 дней бастовали московские трамвайщики. Убытки — 180 тысяч рублей.

«Предатель». Новая книга Н. Маклецовой, повесть о «Народной воле».

«Перевал», новый журнал свободной мысли.

По телеграфу из Москвы. Чрезвычайная сенсация в мире высшей буржуазии. В связи с закрытием газеты «Утро» из Москвы высылаются крупнейший финансовый деятель Рябушинский, который, как выяснилось, являлся фактическим издателем этой бойкой русской «Matin»...

Через Петербург проследовало в Америку 400 эмигрантов-крестьян.

На съезде Объединенного русского народа в Москве главными вопросами являются: необходимость немедленного роспуска Государственной думы, установление диктатуры, учреждение верховного судебного трибунала, лишение евреев всех прав по образованию, службе, общественному представительству, строжайшее определение черты оседлости...

...1 Мая в Москве в квартиру помощника присяжного поверенного Андриканиса... явилась полиция и арестовала самого Андриканиса, жену его, сестру и 12 человек гостей. По уверениям полиции, ей удалось захватить почти в полном составе комитет с.-д. партии...

«Русь», март — май 1907 г.

— Еще раз повторяю вам, господин ротмистр, что никакого Алексея и никакого Любича я никогда не знал и в глаза не видел. Три четверти гостей Андриканиса мне совершенно незнакомы. Я категорически протестую...

— Не нужно нервничать, господин Красин. Вы курите?

— Уберите к дьяволу ваши папиросы! Семнадца-

тый день вы задаете мне одни и те же вопросы, в том числе и о курении. Я должен давно быть на службе, а вы даже не позволяете мне телеграфировать в Петербург! Учтите, ротмистр, это не пройдет для вас без последствий!

Два молодых человека медленно шли по Малому Гнездиновскому переулку. Они были так увлечены разговором, что даже не обращали внимания на окна охранного отделения.

— На допрос его везут каждый раз в 9 часов утра. В 9.15 карета поворачивает с Тверской в Малый Гнездиновский. Проходной двор с бульвара знаешь? — Говоря все это, Илья Лихарев подсовывал Виктору Горизонтову какие-то пикантные открытки и вроде бы давился от смеха.

— Еще бы не знать! Мы по этому двору в декабре пятого с Личардой удирали, — сказал Виктор. — Там его и подстрелили.

— В общем, мешкать нечего. Завтра будем спасать Никитича, — сказал Илья.

— Все понял, — кашлянул в рукав Виктор.

Они уже почти дошли до входа в охранку, как вдруг дверь открылась и на улицу вышел... Красин. Жандармский ротмистр, почтительно взяв под козырек, изрек что-то вроде «ще-ра-щцу-щце-нья-милости-сдари-долг-служба». Красин надел шляпу, сумрачно взглянул на Лихарева и Горизонтова и пошел к Тверской, твердо стуча зонтом и каблуками английских ботинок.

— Послушайте, Англичанин, — сердито, почти зло говорил Красин, шагая по маленькой комнатке конспиративной квартиры, — я поставлю вопрос о вашем пребывании в партии.

Виктор и Илья окаменев сидели на чахлой тахте. Впервые они видели Никитича таким суровым, даже тени привычной красинской улыбки, от которой сразу становилось легко, не мелькало сейчас на его лице.

— Больше того, я поставлю вопрос о вашей кипучей деятельности. У меня уже есть некоторые сведения, правда, пока еще не проверенные. Вы связались с темными личностями и ведете с ними переговоры о какой-то аляскинской авантюре от имени партии! Вы компрометируете партию, Англичанин! Вы не явились в Варну, а «Зара» погибла. Где вы были? Где вы были все это время? Помолчите! Что с Таней? Куда вы дели Таню Берг? Учтите, если с девушкой случилось что-нибудь плохое, я не остановлюсь перед тем, чтобы вашими делами занялись люди Камо...

Виктор вдруг уронил голову в ладони, огромные плечи его затряслись. Красин ошел.

— Таня умерла на его руках, Леонид Борисович,— тихо сказал Илья.— Поэтому он и опоздал в Варну...

Глава XII

*Надежда... Надежда...
Надежда...*

Идиоты! Кре-тины! О-лиго-
френы! — разорвался Ехно-
Егери, молота кулаками по синему сукну. — Отпусти-
ли самого Никитича! Даже наблюдения за ним не
установили!

Перед ним навтыяжку стояли околоточный надзи-
ратель и ротмистр. Полковник сидел в кресле.

— Да ведь кто ж предполагал, что он Никитич, —
просипел ротмистр.

Ехно-Егери вместо ответа взвесил на ладони
пресс-папье — не разобьется ли? — и запустил тяже-
лой этой штукой в кожаный огромный диван, похо-
жий на пожилого бегемота с протертыми боками.

— Где он теперь? В какую страну отбыл? Выплы-
вет ли вообще на поверхность? Вам, господа, лишь
огурцы со студнем жевать, а пошевелить извилинами
мозга вам затруднительно. Налетесь с утра рассолом
и рыгаете весь день в иолусне! Вас это, конечно,
не касается, Михаил Константинович. — Ехно-Егери
вдруг застыл перед окном, в которое стучалась весел-
ная крепкая ветвь с налитыми, готовыми лопнуть
почками. — Ну что ж, — проговорил он тихо. — Будем
ждать. Будем надеяться и ждать, искать и бороться.

...Послышался стук каблуков, и вошедший офицер протянул Ехно-Егерну пакет.

— Из департамента полиции, господин полковник.

«Ввиду недавнего ареста в Москве «Никитича», — читал Ехно-Егерн письмо Гартинга, — имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать сделать распоряжение о непредъявлении этому лицу в виде обвинений фактов, выясненных при посредстве известного сотрудника, дабы не провалить последнего».

«Ах, молодец! Ах, Гартинг! — подумал Ехно-Егерн. — Вот что значит в нашем деле опыт революционной работы. Если бы мне по примеру Гартинга потереться в молодости среди бунтовщиков, сейчас бы больше успел. Да теперь уж поздно, поздно... Но ничего, выходит, ослы-то отпустили Никитича с толком, сами не зная того. Жаль вот, наблюдение не установили, но это дело наживное, это дело наживное...»

Красин шел по набережной Мойки, смотрел на зеленые клейкие листочки, на несущиеся в небе, словно из детства летящие облака и ничего этого не видел. У них есть человек в наших верхах, думал он, это несомненно, и, по всей вероятности, этот человек близок к Заграничному бюро или даже входит в него. Иначе чем объяснить последние провалы наших транспортов литературы, оружия? Почему охранка так точно выходит на наши явки? Может быть, они уже знают, что я — Никитич? Для чего тогда выпустили? Как подсадную утку? Нет, я бы давно уже почувствовал хвост: старую лисицу не проведешь...

Безусловно их агент, если он есть в нашем руководстве, постарается быть на съезде или около съезда. Охранка, конечно, пошлет ему на помощь своих связ-

ных, кого-нибудь вроде того Арчакова, который крутился в Лондоне еще в пятом году... Кстати, его до сих пор не обезвредили, насколько мне известно... Придется немедленно послать в Лондон двух-трех наших людей, один из них обязательно должен быть кавказец... ну, предположим, Иликко...

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

...«Миррор» сообщает, что Горький прибыл секретно из Италии в Лондон на конгресс социал-демократов. На съезде, возможно, возьмут верх крайние фракции. В Лондоне собралось 340 русских с.-д. На заседаниях присутствует, между прочим, член Думы Алексинский. Последний заявил, что Дума больше не нужна и что усилия депутатов-социалистов должны быть направлены к ее роспуску.

...По сообщениям «Дейли мейл», русские социал-демократы наняли для своих заседаний церковь Братства на Саутгейт-Род, в Лондоне.

...«Морнинг пост» указывает, что с.-д. было отказано провести съезд в Швеции и Дании. В Англии общественное мнение разделилось, однако заседания при закрытых дверях вряд ли вызовут симпатии у англичан...

Из резолюции V съезда РСДРП:

...все специальные боевые дружины, имеющиеся при партийных организациях, должны быть распущены...

Лондон бурлил. Бесчисленные пешеходы, омнибусы, кебы, элегантные экипажи, тархтящие автомобили, разноязыкая речь, белые, желтые, черные, бронзовые люди — поистине ты чувствовал себя в центре гигантской Британской империи, воздвигнутой

именем короны предприимчивыми, храбрыми и склонными к авантюрам жителями этого небольшого острова.

Виктор Горизонтов уверенно двигался в толпе, не выпуская из поля зрения желтую фатовскую шляпу с голубой лентой. Мистер Заризи, он же тифлисский меццанин Авессалом Арчаков, он же член боевой группы «Гусейн», он же агент охраны Герцог, стоя на краю тротуара, подзывал кеб.

Виктор последовал его примеру, и вскоре два кеба на некотором расстоянии друг от друга пробирались по запруженным улицам центра к вокзалу.

Воспользовавшись этой паузой, мы можем в двух словах описать жизнь Горизонтова после гибели Тани. Удар был так силен, что он едва смог прийти в себя, вспомнить о задании Никитича, о Болгарии, о яхте. Он прибыл в Варну с опозданием на три дня и, естественно, никого там не нашел. Дальнейшие его действия были настолько хаотичны, неосмысленны и неосторожны, что он сразу же был арестован болгарской полицией и посажен в тюрьму. Около трех месяцев понадобилось русской и болгарской секретным службам для того, чтобы списаться по поводу задержания русского «авантюриста» и договориться о передаче его в надежные руки родины. Виктор бежал из тюремного вагона прямо на пути к двум вертикальным столбам и одному поперечному, с которого свисал уже приготовленный лично для него «столыпинский галстук». В отхожем месте он оглушил сопровождающего жандарма, переделался в его форму и на ближайшей станции вышел из вагона. После долгих мытарств он добрался до Москвы и здесь среди товарищей понемногу начал оттаивать, отвлекаться от страшной своей беды, от бесконечных мыслей о Таве...

В Лондоне он действовал уже с прежней уверенностью и даже с некоторым нахальством, свойственным Англичанину Васе. Он сразу «вышел» на Арчакова, узнал в нем «героя декабрьских баррикад», затаялся в паб, напился там, разоткровенничался — говорил, что разочаровался в революции, что вожди шлют их на убой, как пушечное мясо, что с него хватит и хорошо было бы уехать на Восток, где есть свои люди. Арчаков клюнул на слово «восток» и начал исподволь готовить в лице Виктора себе замену. Он, Заризи, тоже любит Восток, в Персии у него невеста, он собирается выйти в отставку, но он может свести Англичанина с людьми, которые помогут ему преодолеть духовный кризис. Один из этих людей сейчас отдыхает в Брайтоне и...

Должно быть, в Брайтон держать совет и направлялся сейчас мистер Заризи.

...Николай Берг двигался в вокзальной толчее как сомнамбула. Взгляд его был прикован только к одной точке в толпе — желтой фатовской шляпе с голубой лентой. Горизонтов отстранил его от операции «Гусейн», считая малоопытным в делах такого рода. Николай, уязвленный в своем самолюбии, всю ночь дежурил у гостиницы, где жил Заризи. Он решил во что бы то ни стало опередить Виктора и Илико. Теперь иные джентльмены с аккуратно подстриженными усиками недовольно оглядывались на бледного юношу с шальными глазами, словно чувствуя недоброе.

— Excuse us, sir — три улыбающихся господина в черных котелках и с зонтами. Скотланд-Ярд! И провокатор с улыбкой взирает на эту встречу; желтую шляпу с голубой лентой он держит теперь в руке.

Виктор шел уже к поезду и собирался сесть в третий от Арчакова вагон, как вдруг на перроне возникло какое-то странное движение, послышался крик, кто-то стремительно, как дельфин, прорезал толпу, грохнули подряд три выстрела, покатила желтая шляпа, промелькнуло оскаленное лицо Арчакова, и на руках дюжих мужчин повис с полуоткрытым ртом задыхающийся, но с каким-то самосожженным сиянием в глазах Николай Берг.

...Ударил колокол. Свистнул паровоз. Поезд тронулся. Перрон опустел.

На вокзальной площади к Горизонтову подошел гибкий изящный юноша-итальянец.

— Берг все испортил, Вася, ищи теперь брайтонского незнакомца, — сказал он, по-тифлисски щелкнув языком и сделав характерный жест.

— Мы сами виноваты, Илико, — буркнул Горизонтов. — Надо было этого одержимого запереть в гостинице.

— Я успел ему крикнуть «крейзи мен!» — сказал Илико. — Он слышал.

— Молодец. Как жалко Колю! Может, догадается разыгрывать сумасшедшего...

«Впрочем, после гибели Лизы и Павла он действительно стал слегка «крейзи», — подумал Горизонтов.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

В Петербурге имел случай обыска в помещении с.-д. думской фракции... Явилась полиция во главе с полицмейстером и приставом 2-го участка Литейной части с предписанием охранного отделения.

В помещении находились 34 депутата. Они не дали себя обыскивать и позвонили Столыпину и министру юстиции... Обоих не оказалось дома...

Приехал прокурор СПб судебной палаты Камышанский, разъяснивший: «...что касается неприкосновенности депутатов, то конституция, предусматривая ее, ничего не говорит о праве обыскивать депутатов...»

...Полиция находилась в помещении более 5 часов. Арестованы все приходившие во фракцию за справками и присутствующие русские и иностранные корреспонденты...

Ввиду крайнего переполнения московских мест заключения решено построить новую тюрьму.

«Русь», май — июнь 1907 г.

В Москве арестованы 22 делегата конференции крестьянского союза.

Под Москвой состоялась массовка рабочих, в которой участвовало свыше тысячи человек. Обсуждался аграрный вопрос.

В Вильно захвачена военно-революционная организация партии социалистов-революционеров.

Массовые аресты в Петербурге.

Роспуск Второй Государственной думы (3 июня 1907 г.).

Арест социал-демократической фракции Думы.

Теперь они уже совсем обнаглели. Вот двое идут за ним. Остановлюсь возле витрины. Так, они тоже остановились. Более того, они приближаются и встают за спиной, словно он уже арестован. Вот отражаются в витрине их рысьи глазки, так дисгармонирующие с дородными фигурами и брыластыми мордами. Один из них машет рукой и подзывает третьего, что-то шепчет ему, показывая глазами на Красина,

явно так, чтобы поднадзорный видел: куда-то отсылает.

Красин следует дальше в густой толпе по солнечной стороне Невского и возле Пассажа видит этого третьего. Тот радостно улыбается, почти кивает. А двое по-прежнему идут сзади на расстоянии пяти саженей. «Слежка эта не прекращается уже неделю, а возле дома и возле службы совершенно откровенно, на глазах у всех дежурят по два «гороховых пальто», шушукаются с дворниками, со швейцаром, с городовым... Цель ясная — психический террор, довести жертву до нервного истощения, запугать, деморализовать. Ну, что ж... а не принять ли вызов? Не показать ли им высший класс подпольщика, чтобы у них самих задрожали собачьи поджилки?

Красин вдруг, словно вспомнив о чем-то, ринулся в Пассаж, прыгая через три ступеньки, взлетел на вторую галерею, вошел в магазин готового платья, сбросил свое пальто и шляпу на руки приказчику, быстро примерил новинку — макинтош песочного цвета «Кембридж» и дурацкую спортивную кепку с огромной пуговицей на макушке.

В зеркале он видел, как по галерее мимо магазина пролетели ополоумевшие от растерянности филеры.

Макинтош вообще был кстати. Красин уплатил деньги и попросил прислать старые вещи домой. Затем он спокойно спустился и в густой толпе прошел через весь Пассаж, свернул на Садовую и сел в вагончик конки на имперал.

Ловкость и быстрота, с которой он «обрубил хвост», резко повысили его настроение. Макинтош тоже был преотличнейший, и ветер гулял над Петербургом отнюдь не тюремный, а вольный, морской...

Перед ним опустилась газета, и он увидел желтоватые от никотина острые кончики усов, пятнистый

длинноватый нос, целлулоидовый воротничок, подпирающий вялые складки щек, твердые хрящи ушей под выгоревшей шляпой и глаза, почти слезящиеся, дрожащие, словно умоляющие ответить...

— Что же это такое, милостисдарь?! Что же происходит? Виселицы, тюрьмы, убийства? И чего же людям нужно, вы не можете мне объяснить?

Красин выскочил из конки, остановил извозчика. Что за наваждение — эта жалкая, никчемная фигурка?

...В четыре часа пополудни чуткое ухо его уловило сопение и тихий разговор на лестничной площадке. Он сидел в это время в кресле с книгой, Люка ползала по ковру, Любовь Васильевна читала роман Золя.

— Люба, — сказал он, неторопливо вставая. — Кажется, явились.

Жена захлопнула книжку. Лицо ее было совершенно спокойным.

— У тебя здесь что-нибудь есть?

— Почти ничего, кое-какие двусмысленные документы.

Послышался звонок в дверь, затем застучали сразу в несколько кулаков.

— Спрячь в детской, — быстро сказала Любовь Васильевна и погнала дочерей в их комнату.

Стук усиливался. Красин быстро вынимал из ящика документы.

— Кто там? — донесся голос жены.

— Полиция!

— На каком основании?

— Откройте, мадам! У нас ордер на обыск.

Красин быстро прошел в детскую и сунул документы в карман фартучка своей падчерицы Нины.

— Сиди на подоконнике, пока не уйдут эти дяди.

...Жандармы ушли ни с чем. Едва за ними захлопнулась дверь, как зазвонил телефон и послышался взволнованный голос Кандида.

— Леонид Борисович, есть первые сведения. На юге, кажется, удалось!

ПОЛИЦИЯ

Департамент полиции. Особый отдел. О нападении злоумышленников на транспорт с деньгами в г. Тифлисе 13 июня 1907 года.

В 11 утра на Эриванской площади транспорт казначейства в 250 тыс. рублей был остановлен семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов. Убито двое городских, смертельно ранено трое казаков, из публики ранено 16 человек. Похищенные деньги пока не разысканы.

От начальника отделения охраны общественного порядка в г. Москве:

...Имею честь доложить Вашему превосходительству, что, как ныне совершенно точно выяснено, ограбление в Тифлисе произведено большевиками Тифлисской организации Российской социал-демократической рабочей партии при содействии членов некоторых местных организаций.

От зав. заграничной агентурой А. Гаргинга:

...У большевиков в настоящее время, как достоверно известно, имеется 100 000 рублей, экспропрированных Камо в Тифлисе, которые, возможно, до сих пор сохраняются еще у «Никитича» в С.-Петербурге. Выяснение этого обстоятельства продолжается.

...у большевиков имеются два проекта: первый — это совершить размен в один и тот же день в нескольких городах Швейцарии, и другой — раз-

менять деньги одновременно в нескольких провинциальных городах России.

От Гартинга. Несмотря на самые тщательные меры со стороны агентуры, крайне затруднительно уследить за Валлахом, отличающимся крайней конспиративностью... Самые близкие к нему люди не осведомлены о его планах, он их ежедневно меняет и никого в детали не посвящает... место хранения этих денег, несмотря на близость к Валлаху, не представляется возможным установить...

От А. Гартинга. На днях в Берлин прибыл армянин из Тифлиса по кличке «Камо» с паспортом на имя австрийского подданного Дмитрия Мирского. Камо принимал участие в устройстве 11 типографий, 3 лабораторий бомб, в массовой доставке оружия и экспроприациях... является крайне активным и смелым революционером-террористом, высоко ценимым всеми большевиками, даже Лениным и «Никитичем» (Красин, Малая Морская, 15).

...задумано крупное предприятие по покупке оружия на экспроприированные деньги... если перерыв революции продолжится года три, то за это время удастся вполне вооружить... все большие центры России...

Агентура рассчитывает быть своевременно осведомленной о моменте отправки этого транспорта в Россию...

...в военном министерстве в Болгарии служит некий инженер (фамилия пока неизвестна), близко стоящий к социал-демократии, который изобрел особое устройство бомбы, сообщающее ей страшную силу... он тайно продает революционерам приготовляемые им бомбы. На днях Камо

вместе с Литвиновым поехали в Софию для закупки 50 штук таких бомб и двух пудов пикриновой кислоты...

От Крафта (Шифрованная телеграмма из Парижа.) Камо Берлине хранит своей комнате чемодане двести капсулей бомб для миллионной экспроприации России о чем знают лишь Никитич и Валлах чемодан на днях будет отправлен Финляндию единственный выход обыскать Камо Берлине задержать и потребовать выдачи прошеу срочно ответа... для переговоров властями...

От Гартинга. ...Камо с 15—20 друзьями, такими же, как он, головорезами, организовал дружину для совершения крупнейшей экспроприации. Им выслезено, что в каком-то месте в России хранится около 15 млн. рублей, из коих около 6 млн. золотом.

...Они рассчитывают экспроприировать эти деньги до января и вывезти их за границу...

В план подготовки этой экспроприации посвящены только Валлах и Никитич. Затрачено уже несколько тысяч рублей... Следует просить берлинские власти о немедленном аресте Камо.

От Гартинга.

Сегодня по распоряжению полицей-президиума Камо задержан. При обыске найдено 200 запалов с электрическими проволоками, 12 запалов с гремучей ртутью, много электрических препаратов, коробка неизвестного взрывчатого вещества.

...Камо всегда пользовался среди большевиков громадным уважением, но последняя экспроприация в 250 000 создала ему ореол невероятной славы.

...Весь июль и половину августа он прожил у

Ленина на даче в Финляндии. Вместе с Никитичем он выработал план огромной экспроприации, которой они надеялись обеспечить большевиков деньгами лет на 5—6, после чего прекратить всякие экспроприации.

...В успехе экспроприации Камо и Никитич, а равно и Валлах были убеждены... Тайна соблюдалась не только от полиции, но и от меньшевиков и даже большевиков. Никитич был душой этого дела...

Второй департамент Министерства иностранных дел вошел в сношение с Императорскими посылками в Лондоне, Париже, Берлине, Вене и Берне с просьбой о предупреждении соответствующих правительств о возможности размена похищенных 500-рублевых билетов...

...Французскими властями 4.I.08 на Лионском вокзале в Париже задержаны Валлах и Ямпольская. При них найдено 12 билетов 500-рублевого достоинства из числа экспроприированных...

...В Мюнхене 5.II.08 задержаны трое русских, имеющих значительную сумму 500-рублевыми билетами, номера коих соответствуют...

...Есть сведения о предъявлении в кассы Виленского отделения Госбанка кредитных билетов 500-рублевого достоинства из числа...

Немедленно разыскать и арестовать без ссылки на Департамент инженера Леонида Борисовича Красина («Никитича»).

Директор Департамента полиции
Трусевич.

Она видела несколько раз, как он сворачивал на этом углу, проходил мимо зеркальных окон банка и

мельком взглядывал на свое отражение, на бледное после дневного труда, жесткое свое лицо. Теперь она сама свернула на этом углу и остановилась почему-то... Почему-то взгляд ее привлёк сверкающий под январским солнцем бордюр сосулёк на карнизе банка. Некоторое время она разглядывала эти сосульки и кусок голубого, словно средиземноморского неба, потом вздохнула и быстро прошла мимо зеркальных окон, не посмотрев даже на свое отражение, а глядя лишь на свою тонкую девичью тень, колеблющуюся на тротуаре и быстро, мгновенно сжираемую тенью крыльца.

В банковском зале пахло дорогими сигарами, лавандой и лишь слегка вчерашней ресторанной отрыжкой. Это был петербургский, почти европейский солидный банк.

Ну, разумеется, взгляды, игривое покашливание, искательно-приглашающее «нда-с», и даже кассир, сидящий в своей клетке, как диковинная птица, слегка привстал, когда Надя шла по замысловатой декадентской мозаике пола через весь зал — к нему.

— Вот, извольте разменять, — сухо сказала она, извлекая из муфты пачку пятисотрублёвок.

Это были те самые тифлиссские билеты, и Надина акция с их разменом в центре Петербурга была настоящим безумием.

Вчера у них на квартире долго совещались Красин, Игнатьев и муж ее Кириллов. Все трое были удручены непрекращающейся вереницей провалов дома и за границей, а особенно арестами Камо и Валаха. Все трое были убеждены в одном: охране удалось утвердить свою агентуру в самом сердце партии, скорее всего в ее Заграничном бюро. Работать так дальше, зная, что почти каждый твой шаг отмечается

на Гороховой, было бессмысленно. Только ликвидировав провокатора, можно продолжать...

Надя сидела в углу, не вмешиваясь в разговор мужчин, внимательно на них смотрела, переводила взгляд с одного лица на другое, и ее вдруг поразило, что все трое одновременно и машинально сделали жест крайней усталости: Игнатьев прикрыл ладонью глаза и оскалился, Кириллов прислонил лоб к сгибу руки, а Красин быстро и сильно сжал пальцами виски.

Игнатьев принес с собой пачку банкнотов, номера которых были изменены искусным гравером. Решено было отправить эти деньги с агентом во Владивосток и попытаться разменять там. Надежды на успех было мало.

Надежды на успех мало, мало надежды, надежды на успех, думала она ночью, положив голову на грудь хрипящему во сне мужу, что-то невнятно бормочущему и жалобно, по-детски стонущему... Мало надежды на успех, и революция кончается. И вдруг она поняла, что революция кончается, что революцию почти уже выжали до конца, но есть надежда на успех, она сама и есть Надежда. На Успех!

— Мадемуазель, я не могу разменять этих денег, — тихо, глядя на Надю исподлобья, проговорил молодой лощеный кассир с безукоризненным пробором. Банкноты веером были разложены перед ним.

— Нет, вы разменяете их, и сейчас же, — властно сказала Надя и сжала в муфте рукоятку револьвера.

Кассир быстро собрал деньги и положил их перед Надей.

— Мадемуазель, умоляю вас, уходите...

— Вы просто не знаете, кто я, — засмеялась Надя.

Глаза кассира расширились.

«Кажется, начинает догадываться, что я Надежда, — подумала Надя, — последняя надежда на успех»...

Она не видела, что кассир нажимает всей ладонью на кнопку звонка.

— Теперь вы понимаете, что я Надежда На Успех?! — возвысила она голос. — И в руке у меня не просто револьвер, а...

Две безобразно тяжелых туши повисли на ней сзади и сломали ее гордую спину. Она упала, и туши упали вместе с ней огромными задами вверх.

— Как вы смеете прикасаться ко мне! — то ли крикнула, то ли подумала Надя и сунула в рот перстень, где был мгновенный яд.

Последнее, что она видела, — голубое небо за чашкой перевернутых пиками вверх сосулк.

Красин быстрым шагом шел на лыжах по накатанной между сосен, а местами уже подверженной весеннему разрушению лыжне. Был март восьмого года. Под соснами стояли крытые толстым снегом невысокие елки. Он старался придумывать, на кого эти елки похожи — на монаха, на сидящего медведя, на сову... Увидев пролетевшего вдалеке финского юношу, он заставил себя думать, как отличается финская манера лыжной ходьбы от их сибирской... да, финский шаг гораздо длиннее, и накат больше... Да, революция кончилась, надо беречь силы, зарываться в землю, ждать, работать и ждать, терпеливо и упорно, так же, как до революции, только еще терпеливее и еще упорнее... Но у многих ли хватит сил?.. И сколько мы потеряли товарищей... Петербургский комитет уже не спасешь... и Баумана уже не спасешь, и Грождана, и Шмидта, и Бергов, и Матюшенко... Они сужают кольцо, почему они медлят?.. Надо немедленно эмигриро-

вать или переходить в подполье... Все равно каждый час они могут за ним прийти... если уже не пришли... Да, пришли!

Сквозь штакетник забора он увидел, что от крыльца дачи к калитке идут офицер и два жандарма. Он оглянулся: по лыжне приближались, раскорячившись, еще два жандарма с карабинами наизготовку.

— Господин Красин, предупреждаю — нам приказано стрелять! — крикнул офицер.

В Выборге собрались немногие уцелевшие из разгромленной красинской гвардии: боевики Семен, Ваню Болквадзе, Саша Охтенский, Кириллов — Кандид, Англичанин, Лихарев — Канонир... Цель была одна: освобождение Красина любой ценой, любыми средствами. Все эти отважные люди, привыкшие за боевые годы презирать жандармов и ищеек, сейчас и думать не могли о том, что руководитель их Никитич находится в презренных этих руках. Слишком дорога была для партии жизнь Красина.

— Дело ясное, — сказал, подходя к столу, Виктор Горизонтов. — Предлагаю, не мудрствуя лукаво, атаковать тюрьму и освободить Никитича. Наберется у нас здесь человек сорок? Этого вполне достаточно.

Сказав это, он скромно отошел и сел в углу на табуретку.

— А ну как перебьют вас всех в атаке, молодой человек? — спросила седая женщина, увловатые пальцы которой были сцеплены на столе.

— Это что за бабка? — тихо спросил Виктор у Ваню Болквадзе.

— Эта бабка, между прочим, дорогой, в декабре пронесила от баррикады до баррикады печать ЦК, спрятав ее в пучок волос. Мать Никитича... — печально ответил Ваню.

Предложение Горизонтова было отвергнуто. Оставлен был как возможный вариант налет на поезд, в котором повезут Красина из Выборга в Петербург, если другие варианты спасения провалятся.

...Через несколько дней Антонина Григорьевна во время свидания с сыном передала ему пилки для оконной решетки.

На вершине горы, которая видна из камеры Красина, появится условный огонь...

Вторым ключом к спасению были законы автономной Финляндии. По этим законам финский сенат немедленно освобождал любого, арестованного на территории Великого Княжества, если тому в течение месяца не было предъявлено официального обвинения. Боевики прекрасно знали, как «любят» финны петербургское начальство, и рассчитывали на это. Но как добиться такой длительной задержки документов в Петербурге? Игнатьев и Кандид ломали себе головы. Рассчитывать только на неповоротливость жандармской бюрократической машины было рискованно...

На пятый день заключения Красина повели на допрос необычным путем. В кабинете начальника тюрьмы навстречу ему, сверкнув моноклем, предупредительно поднялся сухопарый жандармский полковник.

— Здравствуйте, любезнейший Леонид Борисович. Я приехал из столицы специально для того, чтобы продолжить наш так нелепо прерванный разговор.

Не стоило большого труда узнать в офицере давнего гостя, «прогрессивного промышленника».

Усадив Красина в кожаное кресло и не удержавшись все-таки от неистребимой жандармской привычки предлагать подследственным папирсы, Ехно-

Егерн действительно как ни в чем не бывало начал плести вдохновенную канитель о развитии Сибири, о новой Америке, о захватывающих перспективах. Красин молча слушал, потом улыбнулся в бородку. Полковник тут же поймал эту улыбку.

— Понимаю, Леонид Борисович, вам кажется, что я стараюсь запудрить вам мозги. Понимаю, понимаю... Но, видите ли, меня толкнули к разговору с вами отнюдь не следственные соображения, а чисто психологический интерес. Следствию давно уже все известно, и в допрашивании вашей персоны нет никакой необходимости...

— Что известно следствию, господин полковник? — осведомился Красин. — То ли страшное преступление, что я давал из своих личных средств на нужды левых партий? Другого криминала за собой я не знаю...

— Зачем эта детская игра? — улыбнулся Ехно-Егерн. — Следствию известно, что вы главарь боевой организации эсдеков, знаменитый, ох, печально знаменитый в наших кругах Никитич. Вы будете проходить по делу Петербургского комитета РСДРП. Кстати, комитет на сегодняшний день уже полностью арестован, до одного человека. И все нашли в себе мужество сознаться...

Красин усмехнулся и пожал плечами:

— Какой Никитич? При чем здесь комитет РСДРП? Поистине, господа, вы хотите из дохлой мухи сделать дохлого слона!

Ехно-Егерн вздохнул, махнул ладошкой.

— Ну хорошо, хорошо, не будем об этом. Я уже вам сказал, что испытываю к вашей персоне не профессиональный, а психологический интерес. Вы интересны мне как личность. Я изучил детальнейшим образом обе стороны вашей деятельности и пора-

жаюсь, милостивый государь, просто поражаюсь, как можно сочетать столь успешную и плодотворную созидательную работу с работой ужасающей, разрушительной? Редкий феномен раздвоения личности? Нет, нет и нет! Мне кажется, Леонид Борисович, что вы созидатель до такой высокой, гипертрофированной степени, что тяга к созиданию принимает у вас уже свой противоположный смысл...

— Да вы философ,— усмехнулся Красин, внимательно глядя прямо в глаза полковнику. Глаза эти стали вдруг стремительно расширяться.

— Нет, я не философ, я знаю это по своему опыту. Моя профессия — это спасение человеческих жизней, не так ли? Ну, вам кажется, что не так, но это неважно, важно, что я так себя осознаю. Я спасатель, спасатель, спасатель до такой высокой степени, что... иногда мне почти непреодолимо хочется убить!

Полковника вдруг всего передернуло, пальцы его сжали ручки кресла, голова упала на грудь.

— Полковник, полковник,— укоризненно проговорил Красин,— этак мы с вами погрузимся в пучины патологии. Возьмите себя в руки.

Ехно-Егерн уже улыбался ему в глаза блестящим, как Шницберген, моноклем.

— Личность ваша столь значительна, Леонид Борисович, что невольно хочется сравнить свою скромную персону с вашей. Видите ли, я считаю себя патриотом своей родины, не таким патриотом, как эти дурно пахнущие господа из союза Михаила Архангела, а настоящим патриотом, патриотом сознательным, по ежеминутно готовым к самопожертвованию. Так вот, Леонид Борисович, представьте себе, мне кажется, что и вы в своей двусторонней деятельности видели какой-то своеобразный патриотизм, не так ли? Ответьте мне, пожалуйста...

— Не знаю, что вы имеете в виду, говоря о моей двусторонности,— холодно начал Красин,— но что касается патриотизма, то я именно патриот своей страны, и это чувство, пожалуй, самое сильное из тех, что одухотворяют мою жизнь.

— Прекрасно сказано! — вскричал, словно экзальтированный гимназист, Ехно-Егерн.— Я чувствую, что мы найдем с вами много точек соприкосновения, Леонид Борисович. Нам предстоит еще много бесед, но уже в Петербурге, через неделю. Мы во многом сойдемся, уверен, во многом... Я постараюсь уберечь вас от знакомства с тем предметом, который господин депутат Родичев так неосторожно назвал «стольпинским галстуком». Кстати, как вы относитесь к Столыпину?

— А вы? — усмехнулся Красин.

— Я его боготворю,— медленно и раздельно проговорил полковник. Монокль отсвечивал металлическим светом. Глаза за ним не было видно.

Красин весело рассмеялся, словно никакого упоминания о петле и не было здесь несколько секунд назад.

— Вот видите, полковник, обнаружилось у нас с вами уже первое расхождение.

— Незначительное, Леонид Борисович,— заглядывая в лицо Красина безжизненным, но острым, как шуруп, глазом, медленно проговорил полковник,— совершенно не-зна-чи-тель-ное...

«Уж не думает ли этот тип сделать из меня провокатора?» — невесело и устало подумал подследственный.

Раскинувшийся на бархатных подушках в отдельном купе полковник Ехно-Егерн под монотонный стук колес видел незамысловатый сон.

...Бесшумно отодвинулась дверь, и в купе деликатно, бесшумно проникли трое и сели на противоположный диванчик. Один был безусый голубоглазый юноша с огромными квадратными плечами, второй — обаятельный господин с мягкой бородкой, а третий — рыжеус-железноглаз карательного вида. От этого третьего Ехно-Егерн и вскрикнул, и пришел в себя, и сел на диванчик, вопросительно потянувшись за оружием. Стоит ли, мол, вооружаться?

— Кобура ваша пуста, — сказал обаятельный господин. — А у нас на троих шесть пистолетов.

— А где моя охрана, господа? — спросил полковник.

— Охрана ваша спит глубоким сном, коим можете заснуть и вы сейчас, или завтра, или через неделю, в любой день...

— Как избежать этого, господа? — поинтересовался полковник.

— Очень просто. Забыть о деле инженера Красина не меньше чем на полтора месяца. Бумаги на Красина должны прийти в Выборг не раньше этого срока. Думаю, что при вашем расторопном аппарате сделать это будет нетрудно.

— Понимаю, — пробормотал Ехно-Егерн. — Вы хотите воспользоваться финским законом и через месяц вытащить Никитича из тюрьмы, если не придут обвинительные бумаги... Но как вам это удастся, господа?

— Это уж не ваша печаль, — буркнул голубоглаз.

— И вы не убьете меня, господа?

Железноглаз усмехнулся.

— Вы устроитель засады в доме Бергов, полковник, но вы останетесь живы, только если задержите бумаги Красина. В противном случае вы будете приговорены.

Все трое встали.

— Адью! Гуд бай! Ауфвидерзейн!

— Прощайте, господа! Я сделаю то, что вы хотите...

«Боже мой, как просто, как глупо... Улетели мои генеральские погоны». Ехно-Егерн зарыдал и стал кусать подушку.

— Ну что ж, товарищи, с полковником обошлось как нельзя лучше.

— Я думаю, что на него можно положиться. Страх ему хватит не на полтора месяца, а на полторы жизни.

— И все-таки сегодня нужно пробовать первый вариант.

— Ты уверен, Илья?

— Нельзя рисковать. Никитич должен быть на свободе, а уповать на одного этого полковника и на связи в Гельсингфорсе нельзя.

— Канонир прав, товарищи...

— ...посмотрите, только осторожно, господин капитан, видите, он перепиливает решетку. Он почти уже кончил работу и может вылезти во двор по первому сигналу.

— А стены?

— Под стеной они наверняка уже заложили фугас. Я думаю, что сигнал будет дан с горы...

— Вы догадливы, Форк. Будете переведены в Петербург.

— За что, господин капитан?! Рад стараться, господин капитан!

«Ну вот он, каменный мешок... четыре шага по диагонали, взад-вперед, взад-вперед, как в молодом»

сти... одно утешение — воспоминание о тюремной молодости... Инженер Красин — в каменном мешке, Никитичу грозит казнь... казнь — короткое и совершенно точное слово, не допускающее никаких оговорок... «столыпинский галстук»... о, сколько юмора в этих словах... недаром говорят о юморе висельников... Впрочем, решетка уже подпилена, и на горе каждую минуту может появиться огонь... Тогда сразу — бросаться! Пусть уж лучше пуля оборвет жизнь или удар штыком...»

Красин мерно вышагивал по камере взад-вперед...

Виктор приближался к кустарнику, где он должен был занять позицию и по световому сигналу Саши Охтенского с горы метнуть бомбу к тюремной стене и взорвать заложенный ранее заряд. Все было детально разработано, боевики в укрытиях вокруг тюрьмы ждали взрыва. Виктор смотрел на тлеющие угли предвесеннего заката над ледяным еще заливом, и ему чудилась пенная стена океанского прибоя, бесконечная полоса песчаного пляжа, он сам, Горизонтов, обнаженный и мощный, бесстрашный и вечный человек, и маленькая фигурка, бредущая к нему под закатными лучами, — бессмертная его любовь...

— Ты знаешь, кто это такой? — возбужденно зашептал один филер другому. — Это страшный бандит Англичанин Вася. Я от него еле ноги унес в Москве.

— Будем брать живым?

— Рехнулся? Он нас сам возьмет живьем. Целься лучше. Прихлопнем на месте.

Горизонтов вынул часы и взглянул на гору, — сигнал запаздывал уже на две минуты. Откуда он мог знать, что Саша Охтенский в эти минуты ведет бой с засадой!

Он положил часы в карман, и в это время одна пуля, а за ней другая, третья, четвертая... целый пучок смертельных пуль пробил его тело. Он закрутился, как бы пытаясь смахнуть эту нелепую напасть, но тут страшный удар оборвал его сознание.

Финский сенат освободил Красина за день до прибытия документов из Петербурга...

Глава XIII

Ветер меняет направление

— **В**ы уверены, герр Шульц, что это лучшая позиция для моего аппарата?

— Убежден, герр Виденталь. Он появляется ровно в 4 часа 17 минут от трамвайной остановки и идет четыре с половиной минуты по той стороне улицы. Он пунктуальнее любого немца.

— Ну что ж, будем ждать...

Красин вошел в трамвай и направился к единственному свободному сидячему месту, как вдруг у него перехватило дыхание, ослабли ноги, бешено заколотилось сердце, он чуть не закричал от темного ужаса, подступившего к горлу, а лица пассажиров, описав круг, приблизились, и каждое лицо — словно какой-то дикий изъясн в природе, как уродливое и страшное пятно...

Он не закричал и кое-как доплелся до свободного места, сел и опустил лицо в ладони. Он знал, что через несколько минут это пройдет, это было уже с ним в Берлине не первый раз. Вот он, результат невыносимого напряжения последних четырех лет. Каждое утро он с тоской смотрел, как сереет небо в окне, с тоской и даже страхом думая, что нужно встать,

делать гимнастику, пить «солодовый кофе Кнейпа», брать трость и идти на службу, в контору «Сименс и Шуккерт». Ему хотелось лежать, только лежать...

Кажется, немного отлегло. Красин поднял голову и стал смотреть в окно на проплывающие мимо высокие однообразные дома с одинаковыми треугольниками заката на глухих торцовых стенах. Берлин, Германия; нужно держать себя в узде, может быть еще более сильной, чем в Петербурге, нельзя показывать, что тебе плохо, что ты одинок, что тебе хочется лежать, только лежать...

Мучается в тюрьме несчастный Камо, где-то далеко-далеко по каменным дорожкам Капри бродит молчаливый Горький, Мария Федоровна бдительным оком следит за сутулой фигурой и... морщинки у рта, а Нади — нет, нет... Кириллов в тюрьме, Лихарев в тюрьме. Коля Берг передан английскими властями России, где Буренин?.. Вот Ильич неутомим, это хорошо...

Перед лицом Красина опустилась «Берлинер цайтунг», и он увидел глаза в кровяных жилочках, дрожащие, жалобно вопрошающие, молящие...

— Что же это получается, майн герр? Что происходит в мире — полюбуйтесь! В Иране свергли Мохамеда-али-шаха, в Барселоне ужасная резня, «кровавая неделя»... помните Россию?.. Роберт Пири достиг Северного полюса! Северного полюса, майн герр! Что нужно людям? Что они хотят? Почему они свергают шахов, режут друг друга в Барселоне, идут к Северному полюсу? Почему?

— Кто вы? — с трудом спросил Красин.

— Я опытный и одинокий садовник-пчеловод, — охотно ответил сосед, и в глазах его мелькнула мольба и надежда на близость. — Я знаю, майн герр, только то, что гладнолусам нужно подстригать усики на

росе, а розы чайные просят вечернего ухода, я знаю все о глициниях и азалиях, о кактусах и тюльпанах... Скоро наступит время медосбора, майн герр, а я, как всегда, без работы... Пчела — это матка, это символ тепла, майн герр... Может быть, зайдём ко мне на рюмочку кюммеля?

— Извините,— сухо сказал Красин и направился к выходу. Он сделал над собой усилие, чтобы не оглянуться на дрожащие глаза и мягкие, словно старая замша, щеки.

— Внимание, герр Виденталь, он приближается...

— Я готов, герр Шульц!

Красин приближался к своему подъезду, когда распахнулось окно в доме напротив и приветливый голос воскликнул:

— Герр Красин! Ахтунг!

От неожиданности Красин резко обернулся на голос. Вспыхнул магний. Германская секретная служба сделала снимок.

Он иронически приподнял шляпу.

— Благодарю, господа! Спасибо, что не забываете.

— Пожалуйста, пожалуйста! Извините за беспокойство...

Окно захлопнулось.

— Я не могу сказать, герр Шульц, что у него вид процветающего человека.

— Особенно не расцветешь, герр Виденталь, с большой семьёй на должности младшего инженера у «Сименс и Шуккерт».

— Говорят, что в России он ворочал огромными средствами? Они вападали на банки, да?

— Это были деньги их партии, Виденталь.

— И неужели он ничего не оставил себе? Не ско-

лотил небольшого хотя бы капиталца на черный день?

— Нет, Виденталь, он и копейки на себя не потратил из тех денег... Он делал революцию.

— А зачем, Шульд, а? Зачем они делают революцию?

— Черт их знает! Зачем Пири плелся к этому полюсу, вы можете сказать?

— Нет, я этого не понимаю...

— И я не понимаю. Собирайте, Виденталь, свою механику. Снимок получился?

— Надеюсь, шеф будет доволен.

ПО СТРАНИЦАМ РУССКИХ ГАЗЕТ 1909 ГОДА

Свежие копченые сиги! Королевские сельди белого и розового мяса от 15 копеек до 2 рублей за 10 штук.

Кавказский сыр по ценам вне конкуренции!

Новая книга ЗОИ из дневника одинокого. Журнал вице-короля островов Ки-Ка-Пу. Цена 80 копеек.

Т а й н ы ж и з н и — новый медицинский и общественный журнал для взрослых.

Сибирская зернистая икра с промыслов Иртыша и Оби по небывалым ценам: 2 р. 50 коп. за фунт!

Имбирное пиво. Свежие крошоны. Рейнвейн — 1 рубль 50 коп.

Только у Кузнецова в Милютинном ряду, 29.

Появились в продаже автомобили фиат, даррап, кадиллак — с закрытым кузовом. Верхняя часть смотрового окна поднимается.

Продается во Французской Швейцарии большой рыцарский замок XIII века с прилегающими владениями. Электрическое освещение. Вода в изобилии. 8 км до железной дороги.

Интересно! Волшебные карточки пикантного содержания с интересными превращениями (парижского вкуса) 6 шт. (разных) — 1 рубль 20 копеек, 12 (разных) — 2 рубля.

К 1 апреля предлагаю: карточки, свинки для надувания, летающие колбасы, разноцветные пенсне, сигара-шутка, порошок для чихания. Г. ПЕТО, Караванная, 16.

ЭДЕМ — первоклассный семейный сад и театр.

Есть театр, идет в нем драма,
Есть живая панорама,
Есть мамзель Марьэт,
Есть большой балет,
Как волшебная картина.
Мушкетер в нем балерина!
А мамзель Мари —
Словно луч зари!
Здесь поет куплеты Шатов,
Много разных акробатов,
Три оркестра, хор,
Братья Метеор!

Лучший друг желудка — вино **СЕН-РАФАЭЛЬ**.

.....

Из толпы в фойе Александринки выделялся поношески прямой и стройный господин с седыми, однако, висками и полуседой бородкой. Костюм его был безупречен, а поступь тверда. Он шел по навощенному паркету навстречу красивой даме среднего возраста, которая в свою очередь с мягкой улыбкой двигалась к нему, оставляя за своей спиной застывший

след нелепо повернутых голов, расширенных глаз, перекосенных в шепоте ртов.

Они встретились в середине зала, и Красин поцеловал руку Марии Федоровне Андреевой.

— Никитич, милый, — еле слышно шепнула знаменитая актриса, только что вернувшаяся из эмиграции.

— Здравствуйте, Феномен, — так же тихо проговорил представитель фирмы «Сименс и Шуккерт» в России.

Встреча их вызвала оживленные толки в фойе Александринского театра.

— Каков фрукт этот Красин, господа! Ушел прямо из-под петли, отсиделся за границей и вот пожалуйста — представитель «Сименса и Шуккерта», поди его тронь.

— Он действительно отошел от революции?

— Не поручусь. Ведь он был крупнейшим большевиком, господа! Большевиком!

— Однако не зря солиднейшая европейская фирма ставит его директором своего общероссийского отделения. Светлая голова, господа!

— С Андреевой у них, конечно, роман?

— Бросьте чепуху молоть!

— Годы ее не берут...

— В области техники он мыслит категориями завтрашнего дня...

— В пятом году Андреева бросала бомбы с балкона...

— Мадам, побойтесь бога!

— Хотел бы я знать, о чем они сейчас говорят!

— О синемаатографе! Ха-ха-ха!

— Вон тот господин тоже хотел бы знать. Посмотрите, он словно превратился в огромное ухо.

Между тем Андреева и Красин действительно говорили о синемаатографе. Андреева, смеясь, рассказывала старому товарищу о высочайшей резолюции, начертанной на проекте Русско-Американской кинокомпании.

«Я считаю,— писал венценосец,— что кинематография пустое, никому не нужное и даже вредное развлечение. Только ненормальный человек может ставить этот балаганный промысел в уровень с искусством. Все это вздор, и никакого значения таким пустякам придавать не следует...»

— Ну вот, а вы придаете таким пустякам чрезмерное значение, Мария Федоровна,— улыбнулся Красин.— Нет, неистребим в вас, сударыня, дух крамолы. Государь занимается фотографией, а вас несет в синема...

— Леонид Борисович, я агитирую вас совершенно серьезно. На первых порах нас берутся финансировать Лианозов и пароходчик Каменский. Шалалин дал обещание сниматься. Если к нам присоединитесь вы, мы нанесем смертельный удар фирме «Ханжонков и К^о» с их развлекательными лентами...

— Ого, я вижу, планы у вас наполеоновские!

— Это дело интересное, Леонид Борисович, и полезное во всех отношениях. Понимаете? Во всех отношениях...

Господин-ухо, не в силах более бороться с внутренним зудом, вилыми ногами двигался к ним, как бы нехотя, как бы не по своей воле, как бы под действием магнитных сил.

Андреева отвела Красина в угол и тихо сказала:

— Какой вы бодрый, Леонид Борисович, и сильный, как всегда, но какая печаль в ваших глазах! Не сдавайтесь, Никитич, держитесь, все еще впереди...

— Коля, посмотри-ка чем я разжился!

— Бог ты мой! Ломик! Откуда?

— Караульный передал, тот, лопухий, Бухтин по фамилии. Ты спал, а я его вчера ночью агитировал.

— Что же теперь, Илюша? Что же с ломиком будем делать?

— Ночью доски поднимем и... под вагон...

Вагон этот, третий с конца вагон арестантского состава, так мотало во все стороны, так бросало, такой стоял грохот, что можно было не шептаться, а говорить в полный голос, все равно бы никто не услышал. Илья Лихарев и Николай Берг все-таки шептались, лежа рядом на вагонных нарах.

Немыслимый, казалось бы, случай свел их в камере пересыльного отделения Таганской тюрьмы месяц назад.

После ареста на лондонском вокзале Николай около года провел в английской тюрьме. От русского подданства он сразу отказался и заявил, что не знает ни одного русского слова, что он англичанин греческого происхождения Джозеф Лакинакис и что убил он «этого мерзкого турка» из ревности к прекрасной Эмили Флауерберд, которая на прошлой неделе отбыла пароходом в Австралию.

Несмотря на все свое взбаламученное и близкое к обмороку состояние на вокзале, он услышал слова Илюки и понял, что надо изображать сумасшедшего.

Откуда-то появился ловкий задиристый адвокат, который прозрачно намекал Бергу, что его прислали «комридс», товарищи. Под его руководством Берг через некоторое время отрекся от Альбиона и Эллады и избрал своей родиной Францию и частично Эльзас.

В конце концов он был признан невменяемым, переведен в психиатрическую больницу, откуда бежал.

Попался он спустя некоторое время при перевозке через границу нелегальщины, но, к счастью для него, жандармам и в голову не пришло предъявить ему ликвидацию провокатора в Лондоне, и он не попал под военно-полевой суд.

История ареста и заключения Ильи Лихарева была проще. После освобождения финскими властями Никитича Илья вернулся в Москву. Предстояла большая, тяжелая и довольно печальная работа по спасению и переводу в глубокое подполье легальных и полулегальных организаций партии, по сохранению людских резервов и оружия, по усилению конспирации. Провалы по-прежнему следовали один за другим, провокаторы, которых во время подъема революции было очень мало, теперь, казалось, плодились почкованием, и вот однажды на одном из совещаний с треском распахнулась дверь и полтора десятка штыков повисли над головами подпольщиков.

Теперь шаткий оглушительно свистящий поезд влек старых друзей к месту исполнения каторжных работ, в Забайкальский край.

...Холодный воздух сквозь щель в полу влетел в вагон. Проснулся пожилой эсер Горностаев, протер очки, любезно осведомился:

— Замыслили дерзкий побег?

— Присоединяйтесь, Кузьма Фокич,— предложил Лихарев.

— Не по моим костям, увя... Всего доброго, бон ваяаж!

Илья уже по пояс скрылся в дыре. Николай, окаменев, смотрел, как он медленно и деловито опускается все ниже... вот развернул свои широкие плечи, скрылась голова... бац... исчезли руки!

Николай ринулся вперед, просунул ноги, провалился вниз. Тело его занесло в сторону, пронизал

ужас — там колеса! Он кое-как сбалансировал, напряжился, разжал пальцы и, даже еще не почувствовав удара о шпалы, потерял сознание.

Когда два последних вагона прошли над ним и грохот почти мгновенно сменился полной тишиной, он поднял голову и запел, завопил от восторга обретенной жизни.

...Рельсы бесконечно отсвечивали луну, и далеко впереди Лихарев увидел между рельсами комочек берговского тела. Он встал и пошел к нему, радостно чувствуя жжение содранной с ладоней кожи.

Перед Красиным в кресле сидел красивый человек с длинными тронутыми сединой волосами, заложеными за уши, по-казацки опущенными усами. Несмотря на такую демократическую декорацию, в человеке этом чувствовался аристократ, барин, барин в двадцатом колене, барин до такой степени, что в барстве своем, в отличительных его знаках и в самой сути барства он уже не нуждался. Странен был взгляд этого человека: голубой и прохладный, устремленный на собеседника, как на кусок минерала, он таил на самом своем дне большое страдание. Это был прославившийся в последние годы своими теологическими трудами философ.

В доме веселом и хлебосольном он явно искал общества Красина, и вот теперь они сидели друг против друга в полутемной комнате перед широким окном в стиле модерн над крышами Петербурга и вели неторопливый разговор. Говорил, собственно, только философ. Красин отделывался односложными репликами и внимательно слушал.

— Мы можем с вами беседовать на равных,— с улыбкой говорил философ,— ведь я отдал марксизму

дань, и немалую, в свое время я даже написал несколько марксистских работ.

— Я знаю,— проговорил Красин.

— Знаете? Это приятно! Даже ошибки и заблуждения молодости вызывают приятные воспоминания. Таков человек. Первое очарование объективированным миром неизгладимо...

Илья провалился по пояс в чуть затянутую ледком и припорошенную снегом полынь. Николай лег пластом на лед и протянул ему руку, когда на косогоре над рекой появилась конная стража. Первые две пули прочертили мгновенные следы по снежному насту.

— Я знаю, что вы сейчас вне революционных дел, это меня радует, но все-таки для удобства нашего разговора я буду говорить «вы, большевики». Впрочем, убежден, что вы, несмотря на всю вашу респектабельность, неистребимый большевик...

Философ вдруг вытаращил глаза, оскалился и высунул язык. Несколько мгновений он пребывал в этом гойевском виде, потом страшный лик мгновенно пропал.

— Извините, это у меня такой тик. Не обращайтесь внимания. Я хочу сказать вам о революции. Менее всего смысл революции понимают революционеры и контрреволюционеры. Первые судят греховное общество и в суде своем не хотят видеть истины, вторые, судимые, упорствуют в своей неправоте и тоже не видят смысла. Между тем революция есть малый апокалипсис истории, как и суд внутри истории. Революция подобна смерти, она есть прохождение через смерть... неизбежное следствие греха...

Они побежали, оскальзываясь, по горбатой тропинке, которой, вероятно, бабы ходили по воду. За прозрачной осиновой рощей перед ними уже алел рассвет, а с реки все гукали выстрелы, и эхо доносило матерщину стражников.

— Вы победите,— продолжал философ.— Еще в седьмом году я предсказал победу большевикам. Но будет ли это та победа, которая рисуется сейчас вашему воображению? Залог победы большевистского марксизма — в его единой, непримиримой к любым малейшим отклонениям идеологии, но в этой ортодоксии спрятаны основы трагического изменения, и та свобода, которую вы принесете миру, будет свободой без радости, механической свободой сцепленных друг с другом рычажков...

— Врешь! — почти вслух крикнул Берг. Нужно было перебежать открытое пространство от берега до леса; там, возможно, было спасение. Пятьсот саженей по талому снегу — это нелегко для человека, но и трудно для лошади. Пятьсот саженей над талым снегом — это пустяк для пули.

— Коля, быстрее! Коленька! — задышался Илья. Николай побежал, задыхаясь, падая и вставая.

«Врешь, врешь,— думал он.— Наша свобода будет свободой каждого для всех и всех для каждого! Мы построим новое общество, и вам, мсье, придется переменить вашу...»

Пуля, попавшая в затылок, оборвала эту мысль Николая.

— В марксизме есть стремление к мессиянству, и поэтому русский народ примет его, ибо и самому русскому народу в высшей степени свойственна ждeл

мессианства. Произойдет подмена марксизма русской державной идеей, и все вернется на круги своя, для того чтобы вновь разрушиться и возникнуть, и так будет до самого конца...

— До какого конца, позвольте поинтересоваться? — спросил Красий.

— До конца истории, до Большого Апокалипсиса...

Лихарев лежал в кустах, сжимая березовый сук, поджидая дичь, которая ретиво охотилась сейчас на него. За осинами мелькал серый конь и румяные щеки стражника. Для бодрости юнец перекликался со своими товарищами, рассыпавшимися по лесу. Вот он приблизился... другого момента, может, не будет... Илья рванулся вперед, огрел дубиной стражника по голове. Потом он вытащил обмякшие ноги из стремян, подобрал карабин, снял подсумки с патронами и прыгнул в седло.

«Врешь, врешь, — зло думал он. — Ишь, раскаркались, мистики! Мы победим не державной идеей, а огромным знаменем интернационализма, братством рабочих всех стран! История не кончится, она бесконечна! Мы победим!»

— Коля, Коля, — шептал он, не вытирая слез, а только моргая часто, чтобы они слетали с ресниц и не мешали смотреть вперед.

Философ легко поднялся из кресла.

— Вы не сказали мне ни одного слова в ответ, Леонид Борисович. Неужели у вас нет возражений?

— Я слушал вас и думал, — сказал Красин.

— Это уже хорошо, — усмехнулся философ.

— Я думал о том, что такое электричество, — сказал Красин.

— Поток электронов, — засмеялся философ. — Так это объясняется в популярных трудах. Вы любите электричество?

— Да, — твердо сказал Красин. — Я очень люблю электричество.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом лицо философа снова передернул тик, а Красин молча поклонился и вышел.

Одна заря спешит сменить другую, одна заря спешит сменить другую, одна заря... То ли близость нынешнего его жилища от последней квартиры Пушкина, то ли какие-то другие причины побуждали его в эти белые ночи тринадцатого года бормотать строки поэта и выходить ночами на пустые набережные, смотреть на ряд склоненных к воде ив, испытывать вновь юношеское очарование «объективированным миром».

Что такое электричество? Поток электронов. Много ли узнали об электричестве со времени Фарадея? Много и бесконечно мало. В природе его есть загадка, как и в самой природе человека, в природе нервных импульсов, потоке мужества, нежности, благородства... Трусость — это понятно, ярость, злость — тоже понятно, но... что такое непокорность и чувство справедливости, что такое готовность к жертве? Что такое страсть к революции и почему от нее нельзя излечиться?

Он вспомнил бывшего друга своего Носкова, его шарящие по полу глаза, пальцы, теребящие папиросу, хитровато-жалобные слова:

— Нет, брат, с лошадки легальности я теперь уже не слезу.

Его оставило электричество — ушло в землю. Не приведи господи!

Неужели пришибленный Носков — это и есть то, 387

что осталось от горьковской «юной Руси»? Неужели аккумуляторы сели, сели навсегда?

Нет, черт побери, «юная Русь» жива! Она жива электрическим зарядом в жилах сотен и тысяч новых бойцов, она жива и в тебе; не обманывай себя: никакой ты не «Сименс и Шуккерт», ты солдат революционной армии, может быть раненый, но солдат...

Красин остановился на углу Мойки и Невского, посмотрел в небо и явственно заметил, как повернулся, сверкнув одним боком, кораблик Адмиралтейства.

Ветер меняет направление. Бывший «ответственный техник, финансист и транспортер партии», нынешний директор общероссийского отделения «Сименс и Шуккерт» стоит, глядя вдаль, в перспективу Невского, в конце которого бредет одинокая человеческая фигурка. Красин думает об электричестве и о своей судьбе, вспоминает погибших и живых. Он еще не знает, что будет с ним. Он не знает, что сразу после Октября он придет к Ленину в Смольный и отправится по его приказу на мирные переговоры в Брест, где начнет свой новый революционный бой за каждую пядь достоинства юного рабоче-крестьянского государства, за каждый его винт, за каждую шестеренку, за каждый рубль; он не знает, что будет народным комиссаром по внешней торговле пролетарской державы и что на его глазах из диких выветрившихся свалок разрухи начнет подниматься мечта его молодости — стройки свободной России; он не знает, что революция пошлет его дипломатом на Генуэзскую и Гаагскую конференции вместе с Чичеринным и Литвиновым («помните, Валлах, это кафе и пулемет Мартенса?») и что прожженные европейские талейраны будут пасовать перед ними; он еще не знает, что будет советским полпредом во Франции и Англии и что однажды вслед его автомобилю высокий и мрач-

ный красавец поэт пробасит: «Едет Красин — сед и прекрасен»; он еще не знает, что умрет далеко от родины, на тенистой улице возле Кенсингтон-парка в Лондоне; он еще не знает, что будет потом ломать льды, ломать льды, крошить льды, и идти на помощь полярникам, и проводить караваны судов... «Пароходы, строчки и другие долгие дела»...

Он знает только, что в нем еще сидит крепкий заряд электричества, но еще не знает, что маленькая фигурка в конце Невского — это идущий к нему трижды простреленный и обожженный со всех сторон старый его боевик Канонир — Лихарев. Через десять минут они встретятся.

Оглавление

<i>Глава I.</i> Ни в чем предосудительном не замечен	3
<i>Глава II.</i> Ну-ка, сабелька моя	42
<i>Глава III.</i> Ночи этой не было конца	63
<i>Глава IV.</i> Тихий вечер в Грузинах	100
<i>Глава V.</i> «...А древо жизни вечно зеленеет...»	109
<i>Глава VI.</i> Начинают броненосцы	139
<i>Глава VII.</i> «Дубинushка» и «Марсельеза»	169
<i>Глава VIII.</i> Все вокруг горит	208
<i>Глава IX.</i> ...До конца жизни и никакой пощады!	253
<i>Глава X.</i> Неужели нащупали?	282
<i>Глава XI.</i> Мы еще живы!	312
<i>Глава XII.</i> Надежда... Надежда... Надежда...	343
<i>Глава XIII.</i> Ветер меняет направление	368

Аксенов Василий Павлович

A42 ЛЮБОВЬ К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ. Повесть о Леониде
Красине. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1974.

384 с. с ил. (Пламенные революционеры).

P2+ЗКШ(092)

Заведующий редакцией *В. Г. Новохацко*

Редактор *А. П. Пастухова*

Переплет художника *А. Я. Гладышева*

Иллюстрации художника *В. А. Высоккина*

Художественный редактор *В. И. Терещенко*

Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Сдано в набор 7 марта 1974 г. Подписано в печать 31 мая 1974 г. Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 17,41. Учетно-изд. л. 15,88. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. А00153. Заказ 3343. Цена 76 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Мясусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

А $\frac{10202-257}{079(02)-74}$ Заказ «Союзкниги»





